Э. А. Тайсина

ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

Научно-издательский центр «Социосфера»
Пенза
2025

УДК 165; 167/168; 1(091); 8; 14
ББК 87
Т 14

Т 14 **Тайсина Эмилия Анваровна**
Очерки современной философии. – Пенза : Научно-издательский центр «Социосфера», 2025. – 360 с. ISBN 978-5-91990-214-0

Рецензенты:
Д.полит.н., проф. **Мухарямов Наиль Мидхатович**,
Казанский государственный энергетический университет, г. Казань
Д.ф.н., проф. **Элина Борисовна Миннуллина**,
Казанский государственный энергетический университет, г. Казань
Д.ф.н., проф. **Юрий Михайлович Сердюков**,
Дальневосточный государственный университет путей сообщения, г. Хабаровск

Познающий субъект и познаваемый объект связаны неразрывным отношением, которое представляет собой не обратную – как иногда полагают специалисты в области точных, естественных, инженерно-технических наук, – но прямо пропорциональную связь. В явлении внешнего мира, становящемся предметом познания, как и в восприятии этого явления, происходит первоначальный «силлепсис», слияние видящего и видимого; в совершенной форме этот синтез манифестируется в человеческом языке и других семиотических системах.

Автор задается целью продемонстрировать переход от познания к коммуникации (и обратно). С этой целью в настоящей коллекции отдельные очерки контингентно сгруппированы в три главных раздела:

1. Гносеология, философия науки, логика.
2. Социальная философия.
3. Лингвосемиотика и теория коммуникации.

Автор надеется, что полученная картина последовательно воспроизводит развертывание философских дисциплин от онтологии к антропологии, от теории познания к семиотике и теории коммуникации.

В книге имеются указания на источник первоначальной публикации.

Книга рассчитана на читателей, глубоко интересующихся философией, лингвосемиотикой, логикой, лингвистикой и лингвокультурологией.

УДК 165; 167/168; 1(091); 8; 14
ББК 87

Печатается по решению научно-технического совета КГЭУ

ISBN 978-5-91990-214-0
EDN YMFNWS

© Тайсина Э. А., 2025.
© Казанский государственный энергетический университет, 2025.
© Научно-издательский центр «Социосфера», 2025.

ВВЕДЕНИЕ

Полагая себя современным философом и, по времени жизни, являясь таковым, автор предлагает вниманию заинтересованного читателя ряд своих произведений, написанных в течение периода, условно называемого after-постмодернизмом.

Будучи младшим современником выдающихся постмодернистов, отдавая должное их таланту, скрупулезному прочтению философской и литературоведческой классики, всесильной раскованной интерпретации, превосходному знанию истории культуры, свободному владению ею, – в целом *свободе* иронической, критичной, богатой содержанием мысли, не зависящей от подчиняющих её эссенциалистских «метанарративов» вроде сущности, истины, прогресса и героического субъекта, чреватых по меньшей мере «тоталитаризмом», etc. – автор данного компендиума напоминает, чем отличается «классический» постмодернизм от after-постмодернизма.

Credo последнего таково.

В познании предельно субъективная, вольная и непринужденная познавательная оценка предмета обсуждения *не находится* в обратной пропорции к (научной или философско-материалистической) объективности как связанности с реальностью. Это прямо пропорциональная связь сообщающихся сосудов: чем пристальнее и пристрастнее мыслящий субъект – философ, писатель или художник – вглядывается в заинтересовавший его/её фрагмент действительности, тем плотнее он/а «увязает» в нем, срастается с ним, привнося свою неповторимую персональность и оригинальность взгляда в представшую картину. Субъективное и объективное «встречаются» первоначально в состоянии здесь-и-теперь-бытия-сознания, а в совершенном состоянии – в естественном разговорном человече-

ском языке, как и во множестве искусственных знаково-символических систем.

Постмодернист признает, в силу свободы от подчиняющих абсолютов, свое индивидуальное мышление «ослабленным», *дебольным* (термин Дж. Ваттимо).

After-постмодернист, сохраняя критическую, иронич-ную манеру ближайших предшественников, не отрицает ни одного из классических абсолютов – подчеркивая, что, ниспровергая таковые, «классический» постмодернист мимовольно обращает несомненно существующую отно-сительность истины в Релятив, т. е. также в абсолют.

В данной книге собраны насколько очерков по фило-софии, лингвистической семиотике, лингвокультурологии и логике, составляющих компендиум, который под опре-деленным углом восприятия может предстать как моно-графия.

Панораму всего философского знания одному автору не только написать – даже представить себе невозможно в полном его величии и красоте. Однако есть вероятность попытаться отразить эту панораму – не во всех подробно-стях, что недостижимо, – но в основных, узловых момен-тах. Это будет скетч опорных граней философии, или ба-зовых философских тем.

Коллекция очерков разбита на три раздела:

Гносеология, философия науки, логика.

Социальная философия.

Лингвосемиотика и теория коммуникации.

Это разбиение достаточно условно. В целом речь вез-де идет об одном и том же массиве знания, – обобщенно говоря, о *теории и практике познания* и *теории и прак-тике коммуникации*.

ГНОСЕОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ НАУКИ, ЛОГИКА

ЗНАНИЕ КАК ОБЪЕКТ РЕФЛЕКСИИ ГНОСЕОЛОГА

Автор выражает согласие с тем положением, что наука, в том числе гуманитарная, способна давать объективную истину, в том числе абсолютную. В этом состоит ее прерогатива и ее когнитивная, познавательная функция, объединяющая описание, объяснение и прогноз.

Философия изначально формировалась как гуманитарная наука. Человек ***теоретически***, философски доказывает, обоснованно принимает мировоззрение.

Известный специалист в области эпистемологии, истории и философии науки И. Т. Касавин полагает, что ее задача состояла в обосновании силы человеческого разума. Он указывает, например, что «социально-гуманитарное познание оформилось в систему задолго до естественных наук, как скоро оно должно было регулировать политические, правовые, экономические, личностные отношения»[1].

Убедительным представляется, что натурфилософия и возникшее из нее естествознание действительно сложились из магических технологий ради использования скрытых сил природы. И. Т. Касавин утверждает: «Небо с совершенными движениями светил стало онтологическим прообразом *научной теории*, к возникновению которой привела философско-научная ориентация на рационализацию познавательного процесса. Земля с ее многообразием и несовершенством послужила прообразом эмпирического познания.

[1] Касавин И. Т. Традиции и интерпретации: фрагменты исторической эпистемологии. – М. – СПб: Изд-во РХГИ, 2000, с. 24.

Прототипом соотношения теории и эмпирии явилось все то же соотношение сакрального и профанного»[1].

В дальнейшем античные философы, отойдя от мифологии на достаточное для критики расстояние, исходят уже из дилеммы наблюдаемого и ненаблюдаемого. Так, Платон устами Сократа в диалоге «Федон» говорит: «Ведь эти вещи ты можешь ощупать, или увидеть, или ощутить с помощью какого-нибудь из чувств, а неизменные [сущности] можно постигнуть только лишь с помощью размышления…» (Федон. 79а). А Эпикур в письме Пифоклу делает акцент на чувственно-воспринимаемом: «…Не на основании пустых [недоказанных] предположений должно исследовать природу, но так, как того требуют видимые явления.

…Если кто одно оставляет, а другое, в такой же степени согласное с видимыми явлениями, отбрасывает, тот, очевидно, оставляет область всякого научного исследования природы и спускается в область мифов»[2].

Сегодня с точки зрения всеобщих характеристик сознания наука определяется как *рационально-предметная деятельность*, причем предметом мышления является сама теория, ее идеальные объекты, ее методы и высказывания. Её характерной чертой современная учебно-научная литература полагает рефлективность, самоотражение: «…направленность на себя, исследование самого процесса познания, его форм, приемов, методов, понятийного аппарата»[3]. Вряд ли этот признак можно счесть дефинитивным: рефлексия присуща и философскому мировоззрению; рефлектирует искусство; идеальное, становясь сознанием, именно предполагает рефлексию, точнее говоря,

---

[1] Касавин И. Т. Там же, с. 24–25.

[2] Письма и фрагменты Эпикура // Материалисты Древней Греции. – М.: Изд-во полит. литературы, 1955, с. 198.

[3] Джегутанов Б., Стрельченко В., Балахонский В., Хон Г. История и философия науки. – М., СПб., Нижний Новгород, Ростов-на-Дону, Екатеринбург и др. «Питер», 2006, с. 242.

рефлексия – механизм осуществления *сознания вообще,* и т.д. То же касается «рационально-предметной деятельности», к которой, за неимением лучшего, приводятся социологически ориентированные дефиниции науки. Та предстает как занятие организованных в соответствующие профессиональные сообщества людей, занятых распространением научного знания «в виде печатной продукции и компьютерных баз данных». Разве, допустим, практически-политическая деятельность не подпадает под это определение?..

Справедливости ради, надо упомянуть, что в отечественной литературе образ философии науки по-прежнему связан с эпистемологией или, по крайней мере, с научно-теоретической системой, той или иной, а не только с практической деятельностью ученого в лаборатории. Хорошо или плохо, это – так. В итоге мы ошибаемся в своей оценке деятельности так называемых постпозитивистов, они же историки и философы науки, полагая, что их критика неопозитивизма, он же логический синтаксис и логическая семантика, сближает наши позиции[1]. В действительности, философской платформой «нашей» эпистемологии было и осталось гегельянство, а философии науки и в ее рамках позитивизма, *всего позитивизма* – кантианство. Эти основания совпасть не могут.

Парадокс состоит в том, что неотличимородственная аналитической философии языка философия науки в конце XX века отказалась быть теорией вообще, а близкородственная философии языка семиотика совершила культурологический крен, вплотную перейдя от лингвистического анализа к исследованию мифов, символов, ритуалов, метафор и т.п. и тем потеряв, как кажется, в академической

[1] Лекции по философии науки: Учебное пособие / Ред. В. И. Пржиленский. – М.: ИКЦ «МарТ» – Ростов н/Д.: Изд. Центр «МарТ», 2008. Серия «Учебный курс». – С. 3–4.

строгости, которая была присуща лингвосемиотике со времен первых максим, сформулированных Аристотелем.

С определенной точки зрения, а именно, лингвосемиотической, эти дивергенции становятся более понятными. Теория научного познания (эпистемология) так относится к современной западной философии науки, как семантика к прагматике. Семантика, изучающая отношение знаков и смыслов, – самая «теоретичная» и ригористическая часть семиотики, в ней самые высокие абстракции, строгая логика, определенные уровни, формы и т.д. Она нацелена на познание и раскрытие сущности. Прагматика же имеет дело с содержательной стороной коммуникации, она изучает отношение знаково-символических систем к реальному эмпирическому человеку. В ней больше вольностей, единичностей, игры, больше ситуативности, чем системы. Так же соотносятся первый и второй этапы развития лингвистического поворота («ранний» и «поздний» Витгенштейн). Это значит, что в любом случае объектом исследования выступает язык, но только для неопозитивизма это особый функциональный стиль, искусственный язык науки, а для постпозитивизма это естественный разговорный человеческий язык с его богатейшей прагматикой. Прошлый век продемонстрировал не только превращение долгого антропологического (в сущности кантианского) поворота в лингвистический поворот, но и парадоксальное сближение на основе повышенного философского интереса к языку *двух оппонирующих направлений*, экзистенциализма с его онтологией и позитивизма с его методологией, в результате чего успехи философии языка оттеснили классическую эпистемологию и даже общую теорию познания. Язык стал приоритетным объектом исследования ученых, и не только гуманитариев, но и «технарей» (каким был сам Витгенштейн в начале пути), и математиков, и естествоиспытателей… Еще Шлик, одним из

первых сформулировавший принцип верификации (все истинно научное знание должно быть редуцировано к «чувственно данному»[1]), привел науку к совокупности высказываний особого функционального стиля языка, деятельность философа к анализу языка науки, а теорию знания к методу («значением выражения является метод его верификации»). Принцип верифицируемости был выдвинут как метод установления значения высказывания.

Собственно, наука понималась как совокупность высказываний, и только, еще у схоластов. Например, один из самых выдающихся философов средневековья, Уильям Оккам, считал, что все науки имеют дело с высказываниями, а не с реальными вещами; все науки трактуют не о тех или иных единичных объектах (а реального существования общего Оккам, как позже и английские эмпирики, вообще не допускает), но – о высказываниях, образованных из общих терминов (scientia est universalis), замещающих в высказываниях реальные вещи. «Все авторитетные суждения, утверждающие, что такая-то наука трактует о таких-то и таких-то вещах, надо понимать в том смысле, что она трактует о терминах, подразумевающих такие-то вещи»[2]. Но наука не сводится к пропозициям и их сочетаниям: Оккам толкует науку гносеологически, как умственный («душевный») образ.

Заслуги великого схоласта перед эпистемологией невозможно переоценить. Остановимся лишь на нескольких сюжетах. Вот как кодифицировал Оккам статус научного

[1] Что неверно. И. С. Нарский во вступительной статье к собранию сочинений Д. Локка справедливо указывал: «Парадоксально, что “общее” в науке обладает познавательной ценностью только при условии неполноты своего соответствия фактам. В этом своя глубокая диалектика». Локк, Д. Сочинения в 3-х т. Т. 1. Ред. и авт. вступит. статьи И. С. Нарский. – М.: Мысль, 1985. Пер. А. Н. Савина. Джон Локк и его теоретическая система, с. 54.

[2] Уильям Оккам. Избранное. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – С. 87.

знания: это научение, обладание разумной души, или ее внутренняя форма.

> …Scientia vel est quadem qualitas existens subiective in anima, vel est collectio aliquarum talium qualitatem animam informatium (p. 70). {Наука есть либо некое качество, субъективно существующее в душе, либо совокупность таких качеств, образующих внутреннюю форму души. – *Э.Т.*} Quia impossibile est contradictoria successive verificari de aliquo, nisi sit alicubi mutatio, scilicet acquisitio aliquis rei vel deperditio vel productio vel destructio vel motus localis {Поскольку невозможно без противоречий доказать обратное, разве что где-нибудь произошло… изменение, т.е. приобретение, или утрата, или произведение, или разрушение, или локальное движение}; sed nulla tali mutatione existente in aliquo alio ab animi rationali; potest anima aliquid intelligere, quod non prius intelligebat {но никаких таких изменений не происходит в разумной душе: <а поэтому> душа может познавать то, что прежде не знала}, per hoc {благодаря тому} quod vult intelligere aliquid, quod non prius intellexit {что желает знать то, что прежде не знала}; ergo anima habet aliquid quod prius non habuit {обладает тем, чем раньше не обладала} (p. 70).

Вспомним ядовитые расспросы киника: «Что ты ищешь, что ты ищешь, Сократ?! Истину?! А как ты ее надеешься найти? Ведь либо ты ею обладаешь, тогда напрасно ищешь; либо не обладаешь, а тогда ты ее не признаешь, а значит, и не присвоишь…» – Сократ: «Я не обладаю истиной. Но когда найду – я признаю её, потому что душа способна обладать тем, чем ранее не обладала!» Примерно так. – *Э.Т.*

> Et per consequens eadem ratione habitus scientiae est talis qualitas, vel aggregans tales qualitates. {И, следовательно, на том же основании обладание знанием есть таковое качество или собрание качеств} (p. 70). Кроме того: способность, которая обладает только тем, что имела ранее, способна к действию не в большей степени, нежели прежде. Но наш опыт ясно свидетельствует, что если кто много размышлял, то он впоследствии более способен к сходным рассуждениям, нежели

прежде; следовательно, теперь он обладает тем, чего не имел ранее (habet nunc quod prius non habuit). Но это может быть только обладанием; следовательно, обладание является качеством (habitus est qualitas). И, следовательно, еще пуще обладание, которое есть знание, есть качество души (С. 72).

Логическое – минимум рациональности, как право – минимум нравственности. Нормативы логического были, разумеется, сформулированы еще Аристотелем, однако Оккам строит свод общих правил вывода, делая логическое буквально ощутимым. Число этих правил велико, но конечно:

1. Из истины никогда не следует ложь.
2. Из лжи может следовать истина.
3. Если некий вывод имеет силу, то из противоположности консеквента следует противоположность всего антецедента (с. 63).
4. Всё, что следует из консеквента, следует и из антецедента.
5. Всё, что является антецедентом для антецедента, является антецедентом и для консеквента.
6. Всё, что совместимо с антецедентом, совместимо и с консеквентом.
7. Всё, что несовместимо с консеквентом, несовместимо и с антецедентом (с. 65).
8. Из необходимого не следует контингентное.
9. Из возможного не следует невозможное.
10. Из невозможного следует все, что угодно.
11. Необходимое следует из чего угодно (с. 67)[1].

Один важный вывод относительно научного знания, как его понимали античные и средневековые философы, необходимо утвердить здесь же: это высший вид знания, и, как всё совершенное по сравнению с несовершенным,

[1] Уильям Оккам. Избранное. Эпистемология.

оно есть лучшее и существеннейшее воплощение знания вообще.

И после расширения философского словаря, от Боэция до Оккама, мы считаем одной из родовых характеристик науки ее *рацио*-нальность.

«Ratio», собственно, значит «счёт», пропорция и чувство пропорции (меры). В Новое время Гоббс, например, рассматривает умозаключение как вычисление: «рассуждать значит то же самое, что складывать и вычитать», – а истины математического знания стремится увязать не с непосредственным чувственным опытом, а со словами человеческого языка…

Т. Гоббс отклоняется от эмпиризма Ф. Бэкона и приближается к рационализму, когда объясняет достоверность научного знания (scientia) как *всеобщность* и *необходимость*, которые невозможно почерпнуть в опыте (указывает советский историк философии, исследователь творчества нововременных философов В. В. Соколов). Лейбниц же высказывает идею о необходимости создания новой системы знаков – языка науки, синтетически включающей в себя исчисление высказываний.

В XIX веке идею Лейбница о *Mathesis Universalis* как единстве *characteristica universalis* (искусственного языка науки) и *calculus rationator* (исчисления умозаключений) возродил предтеча лингво-логического позитивизма Готлоб Фреге[1].

Язык впервые начинает рассматриваться как исчисление, аналогичное математическим теориям; это «скопированный с арифметического чистый язык формульного

[1] Суровцев В. А. О логико-философских взглядах Готлоба Фреге / Готлоб Фреге. Логико-философские труды. Логические исследования. Основоположения арифметики. Пер. В. А. Суровцева. Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2008, с. 6.

мышления»[1]. Технология, или механизм-метод получения следствий, должен быть настолько эффективным, чтобы позволить получить из базисных предпосылок всё содержание науки. Он может быть – и даже должен быть! – исследован независимо от любой теории и сам может и должен быть представлен в виде теории. Так происходит поворот от гносеологии/эпистемологии к методологии, впоследствии оттеснившей мировоззренческую философскую проблематику на периферию и даже «за скобки».

Главным в высказывании становятся не языковые средства выражения, не лингвистика, а логика: заключенный в них «смысл» (причем смысл понимается, с точки зрения классического гносеолога и семиолога, «как раз наоборот». – *Э.Т.*). Определяющими смысл объявляются «условия истинности высказывания» в зависимости от той роли, которую они играют при установлении его «истинностного значения». Фреге заменяет субъект и предикат на функцию и аргумент (причем и «аргумент» понимается с точностью до наоборот… – *Э.Т.*). Функциональная часть собственного значения не имеет и понимается как то, что сопоставляет аргументам, входящим в высказывание, некоторое значение истинности. Например: «Водород легче углекислого газа». «Легче углекислого газа» – функция, сопоставляющая аргументу значение «истина». («Водород» – аргумент?! – *Э.Т.*).

Математика отказывается от понимания истины как определенной «адеквации между продуцируемыми ими знаниями и действительностью. Критерием истины становится непротиворечивость следствий, полученных из исходных постулатов»[2]. Собственно, сегодня мало что изменилось в понимании истинности теории… она прирав-

[1] Там же, с. 8.
[2] Там же, с. 22.

нивается к непротиворечивой логичности. Фреге пишет в знаменитом трактате «Мысль: логическое исследование»:

> «…я буду считать задачей логики обнаружение законов истинности, а не <обнаружение> законов утверждения или мышления. В законах истинности раскрывается значение слова «истинный». [wahr]. Оно не будет употребляться здесь в смысле «подлинный» [wahrhaftig] или «правдивый» [wahrheitsliebend] и так, как это иногда имеет место при обсуждении проблем искусства, когда, например, речь идет о правде [Wahrheit] искусства… Открывать истины – задача любой науки; логика же добивается познания законов истинности»[1].

* * *

Добилась ли своего логика с тех пор?

Научное знание сегодня часто пытаются охарактеризовать, делая акцент на его рациональности, объективности или истинности. Это верно; во всяком случае, неневерно. Но по этому поводу необходимо заявить следующее: рациональность – родовой, но не дефинитивный признак науки (то же самое – объективность и истинность). Эти характеристики необходимы, но не достаточны. Определение должно включать, по Боэцию, «эти пять»: genus, species, propria, definitia, accidentia (род, вид, собственные, определяющие и акцидентальные признаки). Ни одно из современных определений научного знания, насколько можно судить, не удовлетворяет этим требованиям логики.

Не менее часто для определения научного знания употребляются такие экспликанды, как систематичность или методическая правильность, т.е. смыслопорождение научного знания подчинено нормативным требованиям и должно быть получено совершенно определенным путем. Однако, во-первых, телефонный справочник или кулинар-

[1] Готлоб Фреге. Логические исследования. (1918–1923), с. 29, 28.

ная книга, вообще любой каталог хорошо систематизированы (кстати говоря, зачастую и объективно-истинны), но совсем не обязательно являются научными трактатами. А приведение теории познания, в частности, эпистемологии, *к методологии*, в сущности и целиком позитивистское, ведет к утрате мировоззренческой, познавательной функции теоретическими дисциплинами. Поэтому неудовлетворительными оказываются многие, казалось бы, добротные определения, которые к тому же более чем обычно заменяются *делениями*. Например: «*Научное знание*: знание, получаемое и фиксируемое специфическими научными методами и средствами (абстрагирование, анализ, синтез, вывод, доказательство, идеализация, систематическое наблюдение, эксперимент, классификация, интерпретация, сформировавшийся в той или иной науке или области исследования её особый язык и т.д.)». И далее идет классификация вместо дефиниции: «Важнейшие виды и единицы научного знания: теории, дисциплины, области исследования (в т.ч. проблемные и междисциплинарные), области наук (физические, математические, исторические и т.д.), типы наук (логико-математические, естественные, инженерные, социальные, гуманитарные)»[1]. Это опять-таки не неверно; но недостаточно.

Полученное в результате деятельности мышления *рациональное* знание должно, по современным представлениям[2], отвечать следующим необходимым и достаточным требованиям: 1) *понятийно-языковой выразимости;* 2) *определенности;* 3) *системности;* 4) *логической обоснованности;* 5) *открытости к критике и изменениям.* По этому поводу необходимо, соглашаясь в целом, сказать следующее.

---

[1] Философия науки. – М.: Трикста, 2004; М.: Академический Проект, 2004, с. 25–26.

[2] Там же.

Какова новизна этого «нового» философского подхода к рациональности?

Первое требование ясно: это древняя, если не *самая древняя*, философская идея о связи мысли и слова. (Следует добавить: и их предмета). Важно только подчеркнуть семиотический характер этого гносеологического постулата, а также допущенную в нем ошибку слишком узкого определения… Не только рациональное – любое другое состояние сознания оптимально (превосходно) манифестируется в языке. *Второе* – выражение аристотелевского *закона тождества*, главное условие рациональности, согласно которому мысль должна быть ясной и определенной; в расширенной трактовке: нельзя одни и те же мысли выдавать за различные; нельзя отождествлять разные мысли. *Третье* требование, системность, можно было бы счесть детищем новейшего времени, но можно этого и не делать. В традиционном выражении, это проявление закона противоречия и закона исключенного третьего, отвечающего за последовательность мышления, – *вместе взятых*. Это имеет теоретический смысл, поскольку позволяет *понять* нечто, непротиворечивым образом встроив это *нечто* в имеющуюся систему взглядов; и адаптивно-практический смысл, поскольку составляет необходимую основу поведения, всегда предполагающего и осуществляющего некий выбор между А и не-А. Далее, *четвертое*: требование логической обоснованности говорит само за себя. Это закон Лейбница (правда, у самого Лейбница он был онтологическим, а не просто логическим: «Всё существующее имеет достаточное основание для своего существования». Философ имел в виду Бога). Данный закон отвечает за серьезность, аргументированность, «фундированность» мысли. Наконец, ***последнее*** требование, попперианского характера, можно также счесть либо детищем XX века, либо всех истекших веков, ибо, едва зародив-

шись, философское, то есть теоретическое мышление, было рефлективно-критическим. Следовательно, эту экспликацию можно считать одновременно и современной (конец XX – начало XXI в.!) и «школьной», классической.

Можно привести и классификацию видов рациональности, принятую в современной учебно-научной литературе: это *логико-математическая, естественно-научная, инженерно-техническая и социально-гуманитарная* рациональность[1]. Новизна этой классификации такова же, какова новизна экспликации. Дидактически, однако, закрепилось понимание *научной рациональности* как «усиленной» рациональности и «собственно» рациональности, хотя сплошь и рядом мы встречает тавтологии типа «Научная рациональность: специфический вид рациональности, характерный для науки». При общей непроясненности понятия «наука» это мало помогает.

Не лучше ли тогда было оставить в силе средневековое определение: Научное знание в собственном смысле есть очевидное знание необходимой истины, полученное в результате силлогистического рассуждения из очевидного знания необходимых предпосылок?..

Правда, в том же источнике можно встретить попытку различения видового и родового; здесь присутствуют все те же родовые признаки, которые характеризовали «обычную» рациональность. Это еще раз подтверждается списком характеристик, или основных свойств, научной рациональности, к которому надо отнестись критически:

- эмпирическая/теоретическая объектная предметность [(неспецифично. – *Э.Т.*)];
- однозначность [(это труднодостижимо, лишь в ограниченных рамках теории. – *Э.Т.*)];

[1]Философия науки, с. 26.

– доказанность [(учитывая историю и опыт позитивизма, следовало бы писать: доказуемость/фальсифицируемость. – *Э.Т.*)];
– эмпирическая/аналитическая проверяемость [(это «критерий истинности». – *Э.Т.*)];
– способность к улучшению[1]. [Последнее свойство следует отнести либо к разряду метафор художественной литературы (при непроясненности понятия «улучшение»), либо к всеобщей способности бытия диалектически развиваться. – *Э.Т.*].

Последний бастион: научная рациональность отличается от «рациональности вообще» (и специфика её выражается) одним-единственным признаком – наука способна давать *объективную истину.* Позвольте, – а опыт XX в.?! Романтизм физики с ее «красными и зелеными» лептонами, «очарованными и странными» частицами, «черными, белыми и червеобразными дырами», «ежами» и «струнами»? С ее нестыковкой картин мира? А социально-гуманитарные науки с их самодовлеющей и тотальной интерпретацией, сама европейская философия, отказавшиеся от этого подвига – достижения объективной истины?!

В рассуждениях разбираемых современных авторов мы видим уступку постнеклассическим воззрениям: «Научная рациональность всегда имеет исторический и конкретный характер, реализуясь и закрепляясь в парадигмальных для той или иной области научного исследования представлениях об идеале научного знания и способах его достижения»[2] (quod est intentum et erat demonstrandum. – *Э.Т.*).

Впрочем, сейчас важно по крайней мере договориться о дефинициях.

---

[1] Философия науки, с. 26.
[2] Философия науки, там же.

Знание можно охарактеризовать как *обнаружение* и *принятие* («понимание», т.е. «имение», присвоение) *бытия, участие* человека в конкретном существовании объекта так, что он (объект) оказывается замещенным, а точнее, презентирован, *представлен* (vorgestellt), обо-*значен* идеальным образом (в обоих смыслах слова «образ» и в обоих смыслах слова «идеальное»).

Наука, ранее понимавшаяся исключительно как *система знаний*, сегодня предстает еще в нескольких основных качествах (аспектах, ипостасях). Они тесно взаимосвязаны, но не сводятся друг к другу.

- Наука как специфическая система знаний
- Наука как познавательная деятельность
- Наука как социальный институт
- Наука как особая сфера культуры

Сообразно этим ипостасям складывались разные подходы к анализу науки. В современной философии науки доминируют четыре подхода:

- Логико-эпистемологический
- Историко-критический
- Социологический
- Культурологический

В XX веке обновление классики шло «у нас» за счет подключения проблем синергетики, глобального эволюционизма, семиотики. Философия науки совпадала с эпистемологией: шел поиск философских *оснований* науки, *закономерностей* развития научного знания, его *теоретического обеспечения*.

На западе же эта онтологическая, гносеологическая, эпистемо- и методологическая проблематика *в философию науки не включается*. Дело в том, что последняя дисциплинарно сформировалась как итог знаменитого лингвистического поворота. Корни ее следует искать в герменевтике, анализе языка, критике научного разума, социо-

логии науки. Ее кредо – отказ от предварительного выбора теоретико-познавательной «платформы». Ее основная тематика – изучение действительно существующей, *наличной науки*, или множества традиций и практик, объединенных данным термином. Ее цель – увидеть за теоретическими схемами и концептами дотеоретические и практические последовательности действий, эффективно работающие в науке и составляющие содержание научной жизни.

Ее критерий истины – способность решать проблемы.

Однако в нашей стране по-прежнему ставится задача: построить общую теорию, объясняющую и раскрывающую механизмы успешного функционирования науки. Главной темой отечественной философии науки, *идущей прежним методологическим путем,* стал «поиск закономерностей развития науки в исторически меняющемся мире». «Наука ставит своей конечной целью предвидеть процесс преобразования предметов практической деятельности… в соответствующие продукты… Это преобразование всегда определено сущностными связями, законами изменения и развития объектов… Поэтому основная задача науки – выявить законы, в соответствии с которыми изменяются и развиваются объекты»[1]. На этом пути сохраняются дилеммы материального и идеального, бытия и сознания, объекта и субъекта, истины и заблуждения, чувственного и разумного, сущности и явления.

Два отличительных признака науки таковы: 1) исследование законов преобразования объектов; отсюда предметность и объективность научного знания; 2) выход науки за рамки предметных структур и производственного освоения. Отсюда следует радующая философа незави-

[1] Степин В. С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-традиция, 2003. С. 39–40.

симость познания объектов от сегодняшних возможностей их немедленного использования[1].

Впервые опубликовано в:
Философия и методология науки.
М-лы Всерос. науч. конф.
Ульяновск, 2011. – С. 164–175

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ЗНАНИЕ ОБОСНОВАННЫМ ИСТИННЫМ УБЕЖДЕНИЕМ?

Аннотация. Как установлено в текстах Стэнфордской философской энциклопедии, традиционный эпистемологический «трехсторонний» анализ знания (“JTB” анализ) состоит из трех компонентов. Согласно ему, знание это обоснованная, или доказанная, истинная вера/убеждение; эти три качества создают необходимые и достаточные условия для того, чтобы некое ментальное состояние называлось знанием.

Так, *S* знает, что *p*, если и только если: *p* истинно; *S* верит, что *p*; *S* на основании доказательства справедливо полагает, что *p*.

Не подвергая это сомнению, подчеркнем: в энциклопедических статьях идет обсуждение «пропозиционального знания». Эпистемологический анализ, хотя и скрупулезный, не охватывает всех видов знания; более того, фактически не затрагивает родовое понятие знания. А именно оно поднимается *над* всеми тремя экспликандами “JTB”,

[1] См. подробнее: Лекции по философии науки. Учеб. пособие / ред. В. И. Пржиленский. – М.: ИКЦ «МарТ», Ростов н/Д: «МарТ», 2008; Тайсина Э. А. Основные западные концепции философии науки. Учеб пособие. – Казань: КГЭУ, 2007; Кохановский В. П., Пржиленский В. И., Сергодеева Е.А. Философия науки. Учеб. пособие. Изд. 2-е. – М: ИКЦ «МарТ», Ростов н/Д: «МарТ», 2006; Философия и методология науки, в 2-х ч. – М.: SvR-Аргус, 1994; Stathis Psillos. Philosophy of Science A-Z. – Edinburgh Univ. Press, 2007.

то есть знание как таковое не определяется посредством признаков “JTB”, не будучи ни истинным, ни обоснованным в качестве истинного, ни даже синтезированным с доверием.

Ключевые слова: знание, истина, убеждение, вера, обоснование.

Is Knowledge a Justified True Belief?

Abstract. As it is settled in the texts of *The Stanford Encyclopedia of Philosophy,* there are three components to the traditional epistemological “tripartite” analysis of knowledge (the “JTB” analysis). According to this, it is justified, true belief that makes the necessary and sufficient conditions for mental state to be called knowledge.

Thus *S* knows that *p* iff: *p* is true; *S* believes that *p*; *S* is justified in believing that *p*.

Without questioning this, we emphasize: the encyclopedic articles treat upon “propositional knowledge”, and only about it. Epistemological analysis, although scrupulous, does not cover all types of knowledge; moreover, in fact it does not examine the generic concept of knowledge which rises above all three “JTB” explicands; that is, in general, knowledge as such is not determined by means of “JTB” features, being neither true, nor justified as true, nor even synthesized with belief.

Key words: knowledge; truth; belief; justification.

Известный в эпистемологии по крайней мере со времени начала обсуждения кейсов Геттиера [1] о реальности видимых вдоль дороги амбаров или овец (Barn Façade-type cases; вопрос стоит так: возможно, это не настоящие здания и животные, а только варианты российских «потемкинских деревень»?), – традиционный «трехсторонний» (“tripartite”) анализ *знания* имеет столько же сторонников,

сколько и противников. Автор данной статьи принадлежит к этим последним.

Обсуждаемый анализ имеет аббревиатуру JTB (justified true belief), от английских слов «обоснование», «истина», «убеждение/вера», которые полагаются дефинитивными признаками или, по крайней мере, экспликандами знания. Целью данной статьи является демонстрация того, что знание может быть и бывает необоснованным, неистинным и не связанным с доверием. Эти спецификации принадлежат лишь одному, хотя и важнейшему, виду знания, а именно, научному, или даже точнее, «пропозициональному». Например, если Сьюзен знает, что Алиса музыкант, следовательно, она знает пропозицию «Алиса есть музыкант», *S* knows that *p*. При этом, с точки зрения авторов статьи “The Analysis of Knowledge” («Анализ знания») в Стэнфордской философской энциклопедии, пропозициональное знание в формате эпистемологии следует отличать от «знакомства» (“acquaintance”), которое не является собственно знанием: например, Сьюзен «просто» знает Алису (очевидно, *S* knows *P*). Кстати говоря, в учебниках логики есть формула для последнего случая: *xRy*. И, заметим в скобках, лингвистически ‘acquaintance’ уже потому неподходящий термин для «знания», что ‘quaint’ означает «странный, загадочный»: вспомним Эдгара По с его «Вороном»: “…while I pondered… over many a *quaint* and curious volume of forgotten lore…” («Пока я склонялся над фолиантами *странного* и удивительного, забытого учения»). А термин ‘knowledge’ предполагает устойчиво положенное, следовательно, хорошо известное.

Авторы статьи «Анализ знания» Ichikawa и Steup указывают, что “JTB” анализ был впервые проговорен и осмыслен его противниками (“the JTB analysis was first articulated in the twentieth century by its attackers”) [3:1].

Аргументы, которые использовались за или против подобного определения знания, сами до сих пор нуждаются в оправданиях. Достаточно упомянуть, что известный американский эпистемолог Линда Загзебски предложила расширение формулы за счет «ответственного добавления» четвертого признака, или условия, для дефиниции знания: JTB + X. Другие авторы обсуждают варианты экспликации процедуры обоснования [5]. А к аргументам «против», кроме кейсов Геттиера, можно прибавить следующие.

1. Знание далеко не всегда является истинным. Следует согласиться с Ichikawa и Steup: истинность не требует, чтобы кто-либо мог её знать или доказывать. Не все истины являются *установленными* истинами. Истина – понятие *метафизическое*, а не *эпистемологическое*; это вопрос о том, каковы вещи *в своем существовании*, а не о том, как они могут быть *показаны*. ("Something's truth does not require that anyone can know or prove that it is true. Not all truths are *established* truths. Truth is a *metaphysical*, as opposed to *epistemological*, notion: truth is a matter of how things *are*, not how they can be *shown* to be.") [3:1.1]. Сомнительно, однако, что выходом явится указание на *путь к фактам*: "Knowledge is a kind of relationship with the truth–to know something is to have a certain kind of access to a fact". [ibid.]. Это методологический, а не гносеологический подход.

Более того, дефиниция «знание есть то, что истинно» совершает логические ошибки определения неизвестного через неизвестное («семиотика это часть парагваники»), родового через видовое («зверь это тигр»), да и просто противоречит очевидному: ложное знание (ложное учение, фальсифицированная история, добросовестные заблуждения, ошибки метода, хитрость врача или дипломата и т.д.) *существует*. А вот истина по-прежнему сама нуждается в философском анализе, несмотря на возраста-

ющее количество теорий относительно ее сущности [2]. Несомненно одно: знание первично по отношению к истинности.

2. Знание далеко не всегда является обоснованным. Существует множество работ, изучающих проблему обоснования, и множество претендентов на роль наилучшего средства доказательства: принципы вирификации / верифицируемости, фальсификации / фальсифицируемости; “*ex ante*” и “*ex post*” обоснования (“propositional justification” and “doxastic justification”); эвиденциализм, когерентизм, интернализм, экстернализм, релайабилизм, респонсибилизм... Однако факт, что большинство наших знаний воспринято, усвоено, воспроизводится *без* формальных доказательств по схеме тезис – система доводов – демонстрация; в лучшем случае, со ссылкой на авторитет. Что касается науки, не останавливаясь специально на теоремах Гёделя о неполноте (основания теории средствами самой теории не эксплицируются), укажем для примера, что гипотеза, являясь одной из основных форм научного познания, не имеет обоснования, а если получает его, то превращается в другую основную форму научного познания, теорию.

3. Знание далеко не всегда нуждается в поддержке убеждения/веры и тем более не является ими. «Знаю, но не верю» встречается сплошь и рядом, в науке и в жизни, далекой от науки: вспомним хит Рэя Чарльза, где он несколько раз восклицает: What you say, you can’t mean that (I don’t believe you!) И это в ответ на прямолинейно-непреклонное Hit the road, and don’t you come back no more! Или, например, Оленья Луна (она же Волчья, она же Луна Голодных Духов, в зависимости от народа, присваивающего названия), 24 июля 2021 г. находилась в доме Водолея, предсказывая удачу (видимо, преимущественно водолеям, но и не только) в делах строительства, переме-

ны мест, в целом в любых новых начинаниях. В эту же ночь с Луной встречается Сатурн, что предрекает также немало интересного. Я знаю об этом из упоминаний о коренных американцах, о жителях Южного полушария, о китайской культуре; однако я не верю в астрологические прогнозы относительно июльского полнолуния – одного из «четырех главных» в году.

Сознание содержит не только знания, но и мнения, оценки, веру, убеждение, волю, интуицию и так далее, что тривиально. Очевидно, наилучшая научно-философская классификация стадий перехода от веры к знанию была приведена у Канта в “Der transzendentalen Methodenlehre zweites Hauptstück. Der Kanon der reinen Vernunft”.

Действуя по методу привлечения любимых в эпистемологии «кейсов», приведем следующие три:

3.1. Я знаю, слышу, читаю, но не верю, что коронавирус изобретен в … (таком-то месте).

3.2. Я знаю (читала, слышала) много сториз о чудесах, совершенных древними или современными святыми, шаманами или магами; например, есть свидетельство ученицы Карлоса Кастанеды, что он прибегнул к самовозгоранию, дабы совпасть с эфирным миром. Знаю, но не верю.

3.3. Я вижу памятник на могиле сына, я знаю, но не верю, что его – то есть моего сына – больше нет. Не могу поверить. Не могу смириться. Никогда не поверю.

Последний «кейс», как ни жестоко и даже цинично, совпадает с одним из контр-примеров относительно JTB: человек смотрит на свой сгоревший дом и восклицает: «Я не могу в это поверить!» Однако если бы он действительно знал, но не верил, он не стал бы звонить в страховую компанию… От третьего признака знания требуется прямота (straightforwardness) и полнота (fullness). Чтобы *S* полностью поверил в то, что *p*, недостаточно иметь «довольно высокую степень доверия» к *p*; должно быть что-

то близкое к приверженности или полной уверенности. Вот как об этом сказано в статье «Анализ знания»: “Suppose Walter comes home after work to find out that his house has burned down. He says: ‘I don’t believe it’ …The standard response is that Walter’s avowal of disbelief is not literally true; what Walter wishes to convey … is not that he really does not believe …, but rather that he finds it hard to come to terms with what he sees. If he genuinely didn’t believe it, some of his subsequent actions, such as phoning his insurance company, would be rather mysterious” [3:1.2]. Авторский перевод: «Предположим, Уолтер приходит домой после работы и обнаруживает, что его дом сгорел. Он говорит: «Я в это не верю»… Стандартный ответ состоит в том, что Уолтер хочет передать… не то, что он действительно не верит…, а то, что ему трудно смириться с тем, что он видит. Если бы он искренне не верил в это, некоторые его последующие действия, такие как звонок в страховую компанию, были бы довольно мистическими».

Не только знание, но и убеждение/вера может быть истинным, хотя и формально неправильно выраженным (“a belief might be true even though it is formed improperly”) [3:1.3]. Вместе с тем не только знание, но и убеждение/вера может не быть истинным, хотя и формально быть правильно выраженным.

Когнитивные затруднения эпистемологии снимаются только в более широком контексте *гносеологии*. Термин этот, неизвестный в англо-саксонской научной литературе, имеет серьезную традицию, восходя к античной мысли, и, будучи глубоко проработанным в немецкой и русской философии, давно и прочно принят для обозначения общей теории познания.

Эпистемология – это теория *научного* познания; с гносеологией они различаются как вид и род. Такое использование терминов соответствует греческой и немецкой

традиции. Эта ветвь изолировалась от общей гносеологии, пролагая свой собственный тальвег (линию самых глубоких точек, или «русло») и консолидировалась как наиболее рациональная, логичная, обозримая, жесткая и доказуемая дисциплина, сродни формальной логике, достигнув своего апогея в аналитической философии. ЭТА эпистемология, развивавшаяся в тандеме с самой наукой на протяжении четырехсот лет, а затем с философией науки и философией языка, наконец, продемонстрировала, что её «пропозиционального знания» недостаточно: теория познания всегда будет нуждаться в этических, биографических, исторических, политических, художественно-образных, религиозных темах, литературе, поэзии и даже здравом смысле обыденного сознания, которых неопозитивистская теория науки была лишена. Не случайно поэтому появление так называемой эпистемологии добродетелей, virtue epistemology, восполняющей до известного уровня нехватку гуманитарной, калокагатийной составляющей теории знания [5]. Кроме того, именно в формате общей теории познания возможен опыт адекватного определения знания.

Уже приходилось много лет назад обращаться к этой теме, предложив нижеследующую дефиницию с использованием семиотического подхода; здесь приводится с небольшими уточнениями относительно первоначального определения (1997 г.).

Знание в общем можно охарактеризовать как *обнаружение* и *принятие* («имение», присвоение) *бытия* {бытия в целом, а не отдельных «фактов»}, а в особенности, как *участие* человека в конкретном существовании объекта так, что он (объект) оказывается замещенным, – а точнее, он презентирован, *представлен* (vorgestellt), обо-*значен* идеальным образом (в обоих смыслах слова «образ» – как отображение и как способ отображения – и в обоих смыс-

лах слова «идеальное» – как нематериальное и как наилучшее, совершенное) [6, с. 48].

Справедливости ради, надо подчеркнуть, что в статье «Эпистемология» (“Epistemology, *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*”) указывается: по крайней мере некоторые философы считают, что родовое понятие знания *существует*, и в отношении него могут быть объяснены любые разновидности знания (“at least some philosophers have taken there to be a genus, awareness, of which the various kinds of knowledge are all species, and with respect to which these various kinds may all be explained (see Silva 2019 for a defense of ‘awareness first’ epistemology”) [4:2]. Что же это за понятие? Авторы упоминают многозначный термин ‘awareness’ – нечто вроде интуитивной осведомленности о присутствии «чего-то» в поле внимания. Этот же термин приведен в статье авторитетного словаря Вэбстера, где познание определяется двояко: как awareness и judgment, способность рассуждения. С последним можно согласиться – уточнив, что данное различие наметили еще схоласты (Уильям Оккам). Awareness соответствует начальной ступени познания, свидетельствуя о собственно существовании (объекта); на высших стадиях абстрактного мышления от этой реальности отвлекаются в пользу пропозиционального суждения. Схоласты выдвигали больше двух значений термина «знание», однако это уже тема другой статьи.

Литература (References)

1. Gettier, Edmund, 1963. “Is Justified True Belief Knowledge?”, Analysis, 23: 121–123.
2. Glanzberg, Michael, “Truth”, *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Summer 2021 Edition), Edward N. Zalta (ed.), URL =

https://plato.stanford.edu/archives/sum2021/entries/truth/ 11.06.21.
3. Ichikawa, Jonathan Jenkins and Matthias Steup, “The Analysis of Knowledge”, *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Summer 2018 Edition), Edward N. Zalta (ed.), URL = https://plato.stanford.edu/archives/sum2018/entries/knowledge-analysis/ 23.07.21.
4. Steup, Matthias and Ram Neta, “Epistemology”, *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Fall 2020 Edition), Edward N. Zalta (ed.), URL = https://plato.stanford.edu/archives/fall2020/entries/epistemology/ 25.07.21.
5. Каримов, А. Р. Эпистемология добродетелей. Москва, 2019.
6. Тайсина, Э. А. К определению знания // Феномены природы и экология человека. / Тез. междунар. симпозиума. – Казань: 1997. – С. 47–48.

Впервые опубликовано в:
Вестник Самарского гос. техн. ун-та.
Т. 4. № 1. 2022. – С. 23–28.

CONTINUITY OF PARTITION

Abstract. Throughout the history of culture, particularly in philosophy, there existed – and still exist – numerous ways of contemplating over human’s place in the world and our relationship with the universe. Moving from myth to philosophy and from religion to science, human culture has acquired enormous richness and diversity. This has led to the emergence of multiple directions, tendencies, and philosophical schools that address the central issues of human life, consciousness, society, science and technologies, ethics and logic,

aesthetics and language, etc., etc. In observing these, historians of philosophy often attempt to somehow systematize them, dividing the diverse and multifaceted directions of thought into large groups opposed to each other in one or more aspects. More often than not, these divisions are bipolar, making the manifoldness of worldviews accessible to analysis.

However, any analysis calls for synthesis which generally means ‘taking a higher standing’ by the commentator, summoning the ability to generalize and go beyond the specifics.

The primary aim of this paper is to display the waving trajectories of philosophical debates showing the continuity of partition – and the reverse movement towards synthesis, sometimes even harmony, – or to fusion, which is often erratic.

This paper primarily focuses on two pairs of opposing trends in philosophy: namely, these of essentialism / relativism and empiricism / rationalism, as well as two couples of tightly linked up concepts, nature/essence and reason/rationality. In conclusion, the paper introduces the author’s theory of cognition, termed *existential materialism*, to academia and all the reading public.

Key words: philosophy, controverse trends, essentialism, relativism, empiricism, rationalism, nature, essence, reason, rationality, idealism, existential materialism

Introduction

In ancient European culture, the progression of knowledge from the stage of myth to scientific-theoretical and philosophical-ideological explanation occurs practically simultaneously. When the level of scientific knowledge is reached, philosophical interpretations are also offered. But this is not just a consistently ascending “stairway” from mysticism or the ordinariness of common sense. The ideological branching on this path of development involved the confrontation of many sides.

When the level of scientific knowledge is reached, philosophical explanations start simultaneously. But it wasn't just a stairway. These were offshoots on this path of development.

The starting position was challenged by the next step: philosophy polemicized with myth, world religions with philosophy, science with religion, philosophy of science with philosophy of life, and both of these latter disciplines – with metaphysics.[1] Yet, nothing viable ever perishes completely in time; it transforms and changes; all the main historical worldviews continue to exist today.

In both ontogenesis and phylogenesis, the process of philosophical cognition founding scientific worldview offers a range of *glossa* interpreting natural and cultural phenomena. Originally, the demystifying currents of thought split into partition, flowing in opposing directions – Ionian philosophy versus Italian one, namely, materialism vs idealism and dialectics vs metaphysics: the European legacy from ancient times; realism vs nominalism, and '*haecceitas*' vs '*quidditas*' ('thisness' versus 'whatness') – combatants of the Middle Ages; rationalism vs empiricism forming the portrait of English and French Enlightenment, or modernity; positivism vs existentialism, theory vs practice, pluralism vs universalism of the 19th – 21st centuries, i.e., in contemporaneity.

One might also recall the everlasting disputes on good and evil, beauty and ugliness, matter and spirit, nature and culture, freedom and necessity, truth and falsity, trial and error, love and duty; on experience vs theory; socialism vs capitalism; totalitarianism vs democracy; etc., etc.

Transgressing a certain line and violating the measure of perseverance, the opposing currents of thought, according to the logic of the Möbius strip or to Heraclitan-Hegelian dialectical law, each turn into its opposite. Radical ancient skepti-

[1] We will understand the doctrine of an unobservable essence in which being and consciousness coincide as metaphysics.

cism led to the systematization of arguments (Sextus Empiricus) or the dogmatization of the critique of dogmatism (Aenesidemus). Credo of Protagoras, the father of sophistry, that "Man is the measure of all things: of things that are, that they are, and of things that are not, that they are not" suggests a notion echoed centuries later by the medieval scholastic William of Ockham: "…Intuitive knowledge (*notitia intuitiva*) of a thing is such knowledge, by virtue of which it is possible to know, whether there is a thing or not (*utrum res sit – vel non*), so that, if the thing is, (*sit*), the mind immediately makes judgments that it *is*, and clearly cognizes, *what* it is (*et evidenter cognoscit eam esse*)"[1].

Probably the most exaggerated but at the same time representative case today, is the absolutization of the Relative in postmodernism[2].

This is not a simple mishandling of the subject matter; the proper research would untangle the logic of transformations inherent in unraveling the laws and regularities of cognition.

There are three basic steps of discernment expound in elementary logic: conjunction, disjunction, and implication (or inference).

Consciousness – more precisely, a *cognizing human* reflecting the world in one's mind – first encounters the multiplicity of objects and events which the mind then starts enumerating: entity + entity + entity + phenomenon + phenomenon + phenomenon... → everything. At some stage, the process of cognition changes. Comparing a sufficient number of objects, establishing their similarity and difference in terms of extent, degree, time, space, etc., the mind begins to operate

[1] William Ockham. *Selected works*. – М.: РАН ИФ, Едиториал УРСС, 2002. – P. 99. [Bilingua Latin – Russian].

[2] They are always both there, however: Absolute and Relative, – as there are both rest and motion. Rest is relative and movement is absolute. Call it a Möbius strip.

differently: it divides, classifies, deliberately establishes boundaries, sets membranes, replacing a numerical row with some general concept. Classifications are divided in two – either branching (forking, dichotomic) or typifying according to the specifying property (quality). Changing of the basis for division/classification might be productive, revealing additional facets of the object under study, but this change should always be done openly.

Classification, akin to creation, rationally strengthens the boundaries of the "first entities" (individuals), and then the "second entities" (species and genera). In place of "everything" the concept of "universal" emerges.

Finally, the operation of implication logically (formally) reflects the mind's ability to grasp causality, which is a certain expression of time.

However, formal logic alone is not sufficient, as it presents a stable, static picture that lacks movement. It is "anatomy, not physiology, of thought." To grasp the latter, only dialectics is helpful and functional.

Young Hegel, beginning with his first book written in 1801, concentrated his attention on the concept of "bifurcation" (*Entzweiung*) of all things, processes, and events. In this form of dualism, oppositions are clearly distinct, but at the same time they freeze in their contrasting mutual polarity.

> "So wie aber der Speculation… sich zum System bildet, so verläβt sie sich und ihr Princip und kommt night in dasselbe zurük; sie übergibt die Vernunft dem Verstand, und geht in die Kette der Endlichkeit des Bewuβtseyns über, aus welchen sie sich zur Identität und zur wahren Unendlichkeit night wieder rekonstruirt." [Hegel; *Differenz der Fichtes'schen und Schelling'schen Systems der Philosophie*. S. 6]. In English: "As soon as speculation forms a system, it abandons itself and its principle and does not return to it. It entrusts reason to the understanding and passes into a series of finites (*Endlichkeiten*), from which it is not then reconstructed into identity and true infinity," –

Hegel asserts.

In Kant, such states were defined in the sharpest possible way, but dialectics cannot dwell on polarities; those should be overcome through their further movement

Thus, efforts and attempts have always been made to reverse formal disjunction, to merge the boundaries between the controversies either observed in nature and society or drawn by logic – or to unite them in a synthesis. It is reflected in the basic law of dialectics, that of *unity and struggle of opposites*, from Heraclites to Hegel and Marx. Let alone the Kantian *a priori* synthetic judgments – already at the dawn of European philosophy, Socrates bound rationality and ethics in consciousness, and Aristotle's ethics treated about the need for a "golden mean" in controversial attitudes and corresponding concepts. Similarly, in the 21st century, the brand new Virtue epistemology of Duncan Pritchard, Shane Ryan, and Artur Karimov, again ties rationality and ethics together. A century ago, Empiriocriticism sought to find a third path "beyond materialism and idealism". Meanwhile, postmodernists, with their notorious concept of the holistically indistinguishable 'rhizome', propagated an alternative to the law of contradictions, either embracing antagonistic unity or peaceful coexistence.

Notwithstanding these efforts we can still remember the famous scientific principle of complementary.

This principle, originally formulated by great scientists of the 20th century, Niels Bohr and Werner Heisenberg, in the version of correspondence in physics, is applied nowadays in humanities, elaborated in philosophy as well.

This partially explains the effect of collective discussions in teams (brainstorming) which often result in a form of 'osmosis'.

Thus, the continuity of partition along with the processes that bring back unity of the opposites and non-contradictory balance – sometimes reaching harmony akin to the 'golden

age', opposing in themselves as disintegration and integration, *aka* coincidence – will make the subject of this paper.

Methodology

We make use of both formal (Aristotelian) and dialectical (Hegel's and Marx's) logic.

Aristotle was the "most methodical mind among Greeks" (Marx). *Method* ['way', in Greek] is a means of obtaining, organizing, storing, transforming, and transmitting knowledge. A *scientific* method is a system of regulatory principles and rules of practical and theoretical activity developed by a subject based on the regularities of the object of knowledge. Analysis and synthesis, induction, deduction and analogy, operations with judgments and rules of argumentation are applied in the article unconditionally. It is also accepted that many useful additions to elementary logic were made by the scholastics: for example, the "logical quadrate" clearly explains the relationship between (simple) judgments of the same matter in terms of quantity (one or many) and quality (affirmation or negation). In addition, the "logical quadrate" demonstrates the cardinal difference between opposites and contradictions, which is the most important thing in it.

Turning to dialectics. Born in Ancient Greece, dialectics became a universal method of cognition over time, and its subject to comprehension was movement and change. The Miletians and Heraclites paved the way to dialectical philosophy, let alone sophistic and the Skeptics' relativism. The outstanding Russian philosopher Alexei Losev, considering the peculiarities of thinking of the ancient Greek naturalists of the early period, and further, the classics of Plato and Aristotle, then also the academics of the Hellenistic era, – emphasized that doubt, searching, and anti-dogmatism was the norm in Greece for *all philosophical movements*, from Democritus to the clas-

sical academics, the skeptical academics, and finally, to Saturninus. A. F. Losev believed that in those early times, *all reasoning* was directed at never-ending searching, doubt, and probing of the most obvious. Plato, in *Timaeus*, laid out the basic principle of later skepticism, based on the general material fluidity of things, which prohibits the expression of any precise and contradictory judgments[1]. Sextus Empiricus, remaining consistent to the end, also subjected all his arguments against dogmatism to philosophical doubt and skeptical denial. This principle which unites position and opposition while affirming the indistinguishability of boundaries was called *isostheny*. However, this was not yet a *system*. The credit for transforming dialectics from a common philosophical approach and a way of resolving disputes into a scientific-philosophical theory of universal development, that is, a *system*, belongs entirely to Hegel. In Hegel, the method developed into science. He turned dialectics as a way of knowing into the most developed theory of dialectics as a philosophical science, a remarkable feat of speculative thought. It is worth recalling the theoretical divergence between young Shelling and Hegel: first formulated in polemics with Shelling who asserted full identity of contraversies, the following panorama in Hegel's masterpiece "*Science of Logic*" became later the most famous explanation of the most "Hegelian" law concerning the opposites as combatants "an dem *Bewußtsein"*, in consciousness (namely, the law of negation of the negation):

> "…Das Negative ebensosehr positiv ist, oder… sich Widersprechende sich nicht in Null, in das abstrakte Nichts auflöst, sondern wesentlich nur in die Negation seines *besonderen* Inhalts, oder… eine solche Negation, nicht alle Negation, sondern *die Negation der bestimmten Sache*, die sich auflöst, somit bestimmte Negation ist; also im Resultate wesentlich das inhalten ist, woraus es resul-

[1] Losev A. F. Cultural and historical significance of ancient skepticism and the work of Sextus Empiricus. / Introduction to: Sextus Empiricus. Works in 2 volumes. – Vol. I. – Moscow: "Mysl", 1976. P. 21–38.

tiert; – was eigentlich eine Tautologie ist, denn sonst wäre es ein Unmittelbares, nicht ein Resultat. Indem das Resultierende, die Negation, *bestimmte* Negation ist, hat sie einen Inhalt. Sie ist ein neuer Begriff, aber der höhere, reichere Begriff, als der vorhergehende; denn sie ist um dessen Negation oder Entgegengesetztes reicher geworden, enthält ihn also, aber auch mehr als ihn, und ist die Einheit seiner und seines Entgegengesetztes. – In diesem Wege hat sich das System der Begriffe überhaupt zu bilden – und im unaufhaltsamem, reinem, von außen nichts hereinnehmendem Gange sich zu vollenden" [Hegel, *Wissenschaft der Logik*; S. 37–38]. Author's translation:

"The negative is also positive, or …the self-contradictory does not pass into zero, into an abstract nothing, but essentially only into the negation of its *particular* content, or… such a negation is not the negation of everything, but *the negation of a certain thing* which resolves itself, therefore such a negation is determinate; …thus the result essentially contains that from which it follows; – properly speaking, a tautology, for otherwise it would be something immediate and not a result. Since the result, the negation, is a *determinate* negation, it has a certain content. It is a new concept, but a higher, richer concept than the previous one; for it has been enriched by its negation or opposite, it therefore contains the previous concept, but more than just this, and is the unity of itself and its opposite. – In this way, a system of concepts must be formed in general, – and in an irresistible, pure movement that does not accept anything from outside, it must receive its completion."

In philosophy, besides Hegel's peerless dialectics, several Kantian ideas prove to be methodically effective. The Author is not a Kantian, but one cannot ignore certain great insights of the Königsberg thinker; in this paper, we will recall famous "schema", aiding to understand philosophically the meaning of mediating forms of the universals.

The (ability of) judgment itself was assumed by Kant to be the synthesis of theoretical and practical reason. In his gnoseology, Kant paid great attention to the judgments called 'schemas': those were "something third" placed between phenomena and categories; he hoped, with his doctrine of "sche-

matism", to discover the mechanism of the extension of categories to sensibility precisely as the way of active influence of reason on the material of sensuality.

> "Nun ist klar, daß es ein Drittes geben müsse, was einerseits mit der Kategorie, andererseits mit der Erscheinung in Gleichartigkeit stehen muß, und die Anwendung der ersteren auf die letzte möglich macht. Diese vermittelnde Vorstellung muß rein (ohne alles Empirische) und doch einerseits *intellektuell*, andererseits *sinnlich* sein. Eine solche ist das *transzendentale Schema*." [Kant, *Kritik der Reiner Vernunft.* S. 187]. In English: "Obviously there must be some third thing, which is homogeneous on the one hand with the category, and on the other hand with the appearance, and which thus makes the application of the former to the latter possible. This mediating representation must be pure, that is, void of all empirical content, and yet at the same time, while it must in one respect be *intellectual*, it must in another be *sensible*. Such a representation is the *transcendental schema*." [Kant, *Critique of Pure Reason,* p. 181].

As a result, such a quality (of a concept) as *universality* appears.

In the format of this paper, however, dialectics is mainly applied as a *method* of cognition. A scholar might not be developing philosophical theory, literally; still s/he can be a dialectician, in method. What makes dialectics a method and not a theory, is a system of *four principles*: these are universal interconnection, development, practical determinant of the object's link with person's needs, and concreteness of truth.

> «Чтобы действительно знать предмет, надо охватить, изучить все его стороны, все связи и «опосредствования». Мы никогда не достигнем этого полностью, но требование всесторонности предостережет нас от ошибок и от омертвения. Это во-1-х. Во-2-х, диалектическая логика требует, чтобы брать предмет в его развитии, «самодвижении» (как говорит иногда Гегель), изменении… В-3-х, вся человеческая практика должна войти в полное «определение» предмета и как критерий истины и как практический определитель связи предмета с тем, что нужно человеку. В-4-х, диалектическая логика

учит, что «абстрактной истины нет, истина всегда конкретна»…)» [ПСС, т. 42. С. 290].

Author's translation from Russian:

"In order to really know a subject, it is necessary to embrace and study all its aspects, all its connections and "mediations". We will never achieve this completely, but the demand for versatility will protect us from mistakes and from numbness. This is first. Second, dialectical logic requires that we take the subject in its development, "self-movement" (as Hegel sometimes puts it), change... Third, all human practice must enter into the complete "definition" of the subject both as a criterion of truth and as a practical determinant of the subject's connection with human needs. Fourth, dialectical logic teaches that "there is no abstract truth, truth is always concrete"…" [Lenin, p. 290].

We find the elaboration of the problem of the universals – i.e. the dilemma between medieval realism and nominalism – by a Russian logician and philosopher G. D. Levin, methodically useful. He rightly identified the main logical obstacle preventing the solving of the said problem in contemporary philosophy: the confusion of universal/individual and abstract/concrete, respectively. To substantiate the notion of essentialism, we draw on the research of several authors for "*The Stanford Encyclopedia of Philosophy"* (Cross, Robertson, Atkins, et al.).

We also find the research carried on by a Russian philosopher M. A. Kissel' on the dilemma of empiricism and rationalism methodically very helpful. Kissel' thoroughly explored the similarities and distinctions between these foundational schools of modern philosophy.

The Author is not a postmodernist, but the drive to a more "humane" gnoseology, (to avoid calling it 'subjective'), in itself, is appealing to a certain extent; therefore, in conclusion we will sketch the outline of a new theory of cognition that considers the possibility of changing the principle of partition.

Discussion

We begin the discussion by a staunch statement that controversies are inevitable and that their opposition often turning into confrontation – is a natural *law*. Take an example from physics: according to the known to science forces of interaction of material particles, these universal and necessary forces that are aimed at attracting particles to each other act upon a certain point. Beyond that point after which the forces of repulsion manifest themselves stronger than gravity. In this picture of the world, fundamental particles behave in an ambiguous way: say, electron can hit other particles – and at the same time diffract like a wave of light. While we can't change the laws of nature, we can interpret them in different ways painting different classical and non-classical pictures.

Speaking materialistically, the continuity of partition is the law of nature and hence, of thought; however, controversies (*Entgegengesetzte*) differ from contradictions (*Widersprechenden*), which is also evidenced by terminology: *dictum* (*sprechende*) means expressed in wording, like identity and non-identity, while controversies allow for some intermediate state: in Aristotle's "*Categories*"[1] these are grey and daffodil colours standing between white and black. Confusion or confluence of the opposites (*Entgegengesetztes*) is very feasible in such cases.

There is a problem of whether laws of nature can be called laws, if they prove to be contingent: "The… issue is whether

[1] After discussing the ten categories, four ways are given in which things may be considered contrary to one another. Chapter Ten. Four kinds of adverse. "Concerning things that are adversive to one another, they are spoken of in four ways: either as related to one another, or as opposites, or as privation and possession, or as affirmation and negation. …for example, the double is opposed to the half as related, evil to good – as opposites, blindness to sight – as privation and possession, "he sits" and "he does not sit" – as affirmation and negation." Author's translation from Russian.

there are any contingent laws of nature. Necessitarians continue to work on filling in their view, while Humeans and others pay relatively little attention to what they are up to;" [Carroll, John W.] – but dialectics based on natural science established that controversies follow under the term 'law' squarely.

Both in objective and in subjective reality, there is certain regularity, or 'logic', of development: holistic totality – (divided) similarity – dissimilarity – essential difference – controversy – contradiction – conflict. In the course of a conflict controversies either destroy each other and collapse, like electron and positron transforming in the course of an annihilation reaction and turning into two photons, – or one side survives – and is immediately complicated by a new opposite. Even without destroying the opposite, one side of the contrasting powers or trends of thought, can obtain another combatant in addition to the already existing one.

Controversies might come to reconciliation – in many ways and forms. If this goes on naturally, then there is nothing unsound or misguiding in it. For example, in nature, transitional forms exist, such as polyps or fungi, which live between plants and animals. Same is true for the phenomena in society – i.e., language is both natural and cultural[1]; in semiotics, *sense* proves to be a centaur: it belongs to both the sensory and rational realms. In times of instability in the development of society, transitional forms emerge, for example, cooperation. In psychology, sensations dwell between the physiological (corporeal) and the mental (ideal). In aesthetics, beauty is opposed not only to ugliness, but also to falsehood [E. Fromm,

[1] Czarnocka, Małgorzata. *Reason in Science and Beyond.* – Germany, 2024. "It is impossible to identify, for example, languages and linguistic competences as a product only of culture or only as a purely biological structure of the human brain. It is similar to the primary forms of cognitive methods; it is reasonable to maintain that they arise in the biological world and pass into the sphere of culture in a continuous, emergent way." Chapter V. § 1. Metatheses about human nature and subjective reason. – P. 140.

Psychoanalysis and Ethics], these latter playing in unison. In the metalanguage of the observer – commentator – interpreter this is a so-called 'higher standing' – say, Aristotle's "third man" embracing the first man', a real human being, and a 'second man', the ideal concept. Or Kantian 'schemata'. Or positivism in the form of empiriocriticism. Or socialism permitting private owning.

In Hegel's philosophy, the intermediate stage between *Verstand* (understanding, ratiocination) and *Vernunft* (reason) is *negative dialectical reason*: flexible and mobile, not reaching the identity of opposites, it, nevertheless, records their interaction. In Kant, prior to this, there had been adopted the erring statement: "Opposites, for instance, cannot exist in the same thing at the same time, but only the one after the other." [Kant. *Critique of Pure Reason*]. But other Kant's ideas are handy for us: the manifold picture of 'schemas' is truly convincing[1]. For Kant, this was an attempt to move from sensuality to reason using the concept of "empirical representations" directly connected with objects through sensations.

Contingency of partitioning or, on the contrary, of convergences means that, in some cases, it may be appropriate to speak of *similarities*, as, for example, between empiricism and rationalism; however, conversely, accepting *assemblance*, let alone *identification* of the concepts such as nature and es-

[1] To enlarge on it: "The schema of cause… is the real upon which, whenever posited, something else always follows. It consists, therefore, in the succession of the manifold, in so far as that succession is subject to a rule. The schema of community or reciprocity, the reciprocal causality of substances in respect of their accidents, is the coexistence, according to a universal rule, of the determinations of the one substance with those of the other. The schema of possibility is the agreement of the synthesis of different representations with the conditions of time in general. Opposites, for instance, cannot exist in the same thing at the same time, but only the one after the other. The schema is therefore the determination of the representation of a thing at any time whatsoever. The schema of actuality is existence in some determinate time. The schema of necessity is existence of an object at all times". – P. 185.

sence, reason and rationality, may prove erroneous. Moreover, the same pairs of categories can allow for either closeness or counterpart, depending on the context/circumstances. Some cases of convergence can be considered 'legitimate' – for instance, when authors applicably treat reason and rationality, being akin etymologically, as synonyms – and it is not uncommon; the same is true when the difference between genesis and basis becomes irrelevant (nature=essence), as in Neil Roughley or Michael Mitias. Also, it would be acceptable to change the angle from which the object under study is observed, as long as this shift is clearly indicated and proved fruitful. One and the same concept – say, 'students', – can be characterized in different, though interrelated modes, as 1) general, 2) concrete, 3) positive, 4) relative (students are bound to their professors); 5) collective ("students of our group held a conference"), – or 6) *non-collective* ("students of our group receive stipends"); it might also be taken as registering; it depends[1].

In other cases, however, the assemblance of convergences might turn out to be misconstrued. Russian philosopher G. D. Levin, criticizing Quine's example of philosophical dispute in his paper "On universals", outlined as "Philosophical debate about whether there are universals *aka* abstract entities...", underlines the following: "If Quine had said directly that the abstract and the general are the same thing, it would have been a mistake. But these concepts are sometimes merged, sometimes separated in him. And this is confusion".[2] The reason is that abstractness and generality are closely related: the more general a concept is, the more abstract and poorer

[1] Individual vs general, positive vs negative, concrete vs abstract, collective vs non- collective; half of these divisions characterizing concepts are controversies, and half are contradictory.

[2] Левин Г. Д. Levin G. D. *Проблема универсалий. Современный взгляд*. – М.: Канон+, 2005. – p. 17.

in content it grows, Levin points out. “Due to… metonymy… a term denoting an object often denotes a qualitatively *different* but closely *related* neighboring object”[1].

One general principle (warrant) guides the correctness of synthesis: the law of the mutual transition of quantitative changes into qualitative ones. Sometimes the point of change is known (‘water freezes at 100 ° C’); but in great many cases the observer can’t predict the moment of bifurcation.

Given that the field for discussion is not just enormous but endless and boundless, we focus on several foundational oppositions for closer analysis: 1) classical philosophical pairs of such trends as essentialism/relativism and empiricism/rationalism, and 2) the categories crucial for our inquiry: nature/essence and reason/rationality. We examine some examples of the reverse movement from the overt opposites endeavoring to repose the controversive courses.

The philosophical directions we inspect have been extensively studied in literature, so we’ll concentrate only on the main theses – those regarding their partition and connection.

Essentialism and Its opponents. Starting with the opposition of not separate paired categories, but entire philosophical trends, we must recall the most comprehensive and profound judgment that has come to us from the distances of millennia: the *All is One*. This was the absolute beginning of the true philosophical search for the unchanging foundation on which the universe rests.

Different elements pretended to play the role of this eternal matter – μητέρα – i.e., mother of all that exists: water, Gaia, air, fire, number, idea, logos, atom, monad, electron, (table of) elements... photon, quantum... Spin...

Or God.

However – as it was mentioned already – the starting position is challenged by the next step: partitioning of the direc-

[1] Ibid., p. 16.

tions begins, and the branches, in time, obtain their own specifics and justification.

The classical trends, essentialism and relativism, originated in antiquity: the ancient rationalistic tradition of Parmenides – Plato – Pythagoras was questioned by Heraclites, sophists, and skeptics. In Middle Ages, the opposition of (medieval) realism and nominalism was the main syntagmatic axis. Also, the distinction between *existentialism* and essentialism was comprehended. During the Renaissance, the latter became the epistemological premise of the New European science of Galileo and Newton, as a method of rational interpretation of experimental data in search for the "truth of the world". But further development of methodology raised the question of boundaries between "physics and metaphysics", and the foundations of criticizing essentialism were laid by D. Hume and I. Kant, each in his own manner.

Further on, another opponent emerged, to the detriment of essentialism: *phenomenology* with its descriptivism and emphasis on the sensually given (and sensually taken) world of phenomena.

Existentialism, too, was vividly shaped in the 19th – 20th centuries, and 'philosophy of life' challenged 'philosophy of science'. Essentialism then was opposed by both existentialism and *positivism* (from A. Comte to the present day), which denies "essences" unreducible to observations, – and *instrumentalism*, which views scientific theories as tools that can be replaced any time depending on the object under study. Still later, K. Popper used the term "essentialism" to designate a trend in philosophy of science, formed by believers in the ultimate knowledge of the eternal "essences" underlying observed phenomena. At last essentialism obtained one more combatant, called *constructivism*.

Ontologically speaking, essentialism was the search of the unique objectively existing basis, or fundament, capable of

supporting Cosmos with all its uncountable properties and qualities. This One was called “beginning”, “cause”, “essence”, “substance”, “Unitedness”, “totality”, or simply “Being” in Parmenides, the “glorious *ontos on*”.

This is the reason why essentialism is sometimes called *fundamentalism*, or also monism, and the dilemma looks like Universalism vs Pluralism, while the talk about these induces the old disputes on universals. It is reflected in vast literature, so we will be brief here emphasizing only one problem. In Aristotle, “first essences” were particulars capable of existing separately, i.e., independently; while “second essences”, genera and species, were dependent on individuals. Inasmuch it is accepted, the questions arise, first, as to whether genera and species exist at all (nominalism denies it); and if they do (as realism affirms), they should be either corporeal or incorporeal. If they are incorporeal, – Boethius argued discussing Aristotle and Porphyry, – then they either are independent of bodies, like God, mind, soul, or are dependent on bodies, like a line, plane, number or individual property. Thus, we distinguish between the universals as subjects of *predication*, and as subjects of *inhesion*. Inherent in a subject, though *not a part of the subject*, is a ‘thing’ which cannot exist without it: e.g., ‘shape in a thing having a shape’. In early scholastics, the dichotomy called “The Tree of Porphyry” illustrated that division of the main universal (category), *substance*, could go down to establishing the “first substance” (essence) – Socrates, Plato, Virgil. Further division would not be classifying the concept, but “cutting” the individual body into parts.

Russian scholar G. D. Levin explains: “The first essence in the *grammatical* sense is the *name* of an individual object… It… can only be the subject of a judgment. In the second, *ontological* sense, the first essence is the individual thing itself,

designated by a proper name, and "everything else" is its attributes that characterize it, giving it certainty"[1].

In search of the strong anchor to which the Universum is securely attached, you feel proud and happy when you find that it is *usia*, aka *essence*, or substance – but, on the other hand, you can instantly feel glad that this one Universum, unique and united in its Oneness (it is better expressed in German: in its *Einheit* and *Einzigkeit*), is so vast and multifaceted, so lavishing and rich in content. This is the opposition of the significant categories, or the last explanatory abstractions underlying the division: for essentialism/realism it is *essence*, for nominalism it is *content*.

Speaking about the difference of essence and content: One will always turn many, and many will always be underpinned with one[2]. The problem has been discussed for Millenia; however, this is not to be solved by means of the formal (elementary) logic, but only through dialectics. Different wording shows different paths of thinking; matter is one that is many, – same as consciousness.

Nowadays "*Essentialism* in general may be characterized as the doctrine that (at least some) objects have (at least some) essential properties. This characterization is not universally accepted…, but no characterization is; and at least this one has the virtue of being simple and straightforward."[3]

---

[1] Левин Г. Д. *Проблема универсалий. Современный взгляд*. – С. 25–26.

[2] In Plato (Parmenides): "If… some one were to abstract simple notions of like, unlike, one, many, rest, motion, and similar ideas, and then to show that these admit of admixture and separation in themselves, I should be very much astonished." – P. 2165-2166. (Sophist): "And, again, the all becomes more than one, for being and the whole will each have their separate nature." – P. 2354. https://www.cakravartin.com/wordpress/wp-content/uploads/2008/08/plato-complete-works.pdf

[3] Robertson Ishii, Teresa and Philip Atkins, "Essential vs. Accidental Properties", *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Spring 2023 Edition), Edward N. Zalta & Uri Nodelman (eds.), URL = https://plato.stanford.edu/archives/spr2023/entries/essential-accidental/

The averse vision called pluralism evidently was formed in ancient philosophy by Empedocles with his four roots and two powers, and by Descartes in the times of modernity who usually is attested as dualist for recognizing two substances, *res extensa* (matter) and *res cogitans* (spirit) possessing no common predicates – and especially by Leibniz with his "monads".

The terms "monism", "dualism", and "pluralism" are defined up to now based on the quantity, and from the point of view of ontology; but they are also sometimes used in gnoseology and social philosophy, although in a slightly different sense. In ontology, these are characteristics of the number of prior elements of being; in gnoseology, it is characteristics of the number of sources of knowledge; in social philosophy, it is characteristics of the number of leading political forces or social factors.

Based on the quality of the fundamental substance, a distinction was and is made between materialism and idealism. It must be underlined, though, that both materialism, ancient and modern, and *objective idealism* are compatible in an essentialist way in their search for the ONE substantial principle in *Außerlichkeit*, in the pitch darkness of the external world; both seek for this ONE outside the human mind, in contrast to *subjective* idealism.

Unlike the situation in cognition theories with the counterposition of gnoseological object and gnoseological subject, in frame of theories of being, presence of consciousness doesn't "double" the universe splitting it into two domains, material and ideal. Hence struggling currents of thought are expressed in relief and more vividly in theories of knowledge than in ontology. In gnoseology, for instance, essentialism was often claimed dogmatism and strongly opposed, both in antiquity – by sophistic, and in modernity – by relativism. Its main polemics in such cases concerned the problem of absolute truth.

Relativism started as ancient philosophical trend and received mighty proofs in the newest times from natural scienc-

es. A huge role, as it has already been underlined, was played by the *correspondence principle* applied for the construction of consistent quantum mechanics in the 20-ies of the 20th century[1]. It was precisely physical interpretation of quantum mechanics that Niels Bohr and Werner Heisenberg were pondering at this time, accepting the wave-particle dualism in 1925. The result was the concept of *complementarity*, which was presented in September 1927. The idea of complementarity reflects the logical relationship between two modes of description or sets of ideas that, although mutually exclusive, are both necessary for a complete description of a state of affairs. Such relationship is called coordination: both parties are subordinate to one umbrella concept[2]. In a general philosophical sense, these principles, which link new knowledge with the achievements of the past, are those of the main methodological principles of modern science.

Nowadays, relativism can be seen as a winning tendency compared to fundamentalism, precisely due to the efforts of postmodern thought. However, it is interesting that the main philosophical paired currents – realism/nominalism and empiricism/rationalism – *do not part* with the ideas of essentialism. 1. Hypostasizing now the "first", now the "second" *essence* (following Aristotle), *both* nominalism and realism recognize and discuss both categories as cognitive values. 2. The dispute between rationalism and empiricism about the foundations of human knowledge concerned methodology, and not the essentialist attitude of the founders of classical science.

[1] According to the correspondence principle, the presence of transitions between stationary states accompanied by radiation, is associated with the harmonic components of oscillation in the motion of an atom, which determine in classical theory the properties of radiation emitted as a result of the motion of a particle.

[2] Take, for instance, the opposing political parties in the USA: conservatives and democrats; both are representing bourgeoisie, coordinated by this latter concept. Or consider flute, violin and drums. Quite different as they are, all are subordinate to one umbrella concept, musical instrument.

The case of essentialism could have been lost from the very beginning. However, the ancient and medieval philosophers were not looking for the basics in *thought*, – but rather, primarily in *being*, which underpins thinking. Periodically, the call arises, "back to things"! *Rem tene, verba sequentur*! Leibniz, Husserl, Harman, Meillassoux…

By the way, no dedicated essentialist ever becomes relativist, existentialist, positivist or 'instrumentalist', let alone constructivist: there is no osmosis between the main stream and the specific currents intervening it and digging their own channels.

It can be argued that essentialism acts as a *basso ostinato* of the entire symphony, or choir, forming a majestic ensemble of almost Pythagorean Universe – and therefore it cannot disappear, embodying the very first philosophical idea in the world: The All Is One.

Empiricism and Rationalism. The difference between these classical trends is too well known, even from the aphorisms ascribed to John Locke and Gottfried Leibnitz, correspondingly:

1) there is nothing in reason that first had not existed in senses;
2) there is nothing in intellect that first had not existed in senses – except intellect itself.

Truly, the dispute between Leibniz and Locke concerned the question of understanding cognition. However, neither of them held purely one-sided views: Leibniz recognized the role of experience, and Locke was not a primitive sensualist. Leibniz appealed both to experiment and to reasoning; Locke pointed out that primary qualities were not given in the perceptions of figure, extension, or density – produced by the action of bodies and particles inaccessible to perception. Likewise, Descartes conducted experiments, and Hobbes constructed his theory of cognition as arithmetic in his "*De Corpore*". It is also agreed that most rationalists and empiricists support one thesis concerning the ways "in which we become

warranted in believing propositions in a particular subject area"[1]: namely, it is claimed that intuition – a direct insight – followed by deduction, together provide us with knowledge independent of experience.

Contemporary accounts of the dilemma (within the frame of Virtue Epistemology) run as follows. "Most rationalists claim that there are significant ways in which our concepts and knowledge are gained independently of sense experience. To be a rationalist, however, does not require one to claim that our knowledge is acquired independently of *any* experience: at its core, the Cartesian *Cogito* depends on our reflective, intuitive awareness of the existence of occurrent thought… almost no author falls neatly into one camp or another"[2].

The dilemma in fact was rooted in the awareness of the difference between experimental-mathematical natural science of modernity, that of Galileo and Newton, and the old natural-philosophical style of thinking. As Russian philosopher Michael Kissel' explained, "The purely gnoseological difference between empiricism and rationalism was not so great, since there were no rationalists who completely denied the role of experience in cognition, and there were no empiricists who did not understand the significance of abstract thinking"[3]. But experimental-mathematical natural science of the 17th – 18th centuries put forward a new *criterion* of rationality in opposition to the philosophical tradition supported by rationalism, which sought absolute self-evident principles in order to found on them the entire existing worldview theoretical construction. The previous "metaphysics" had to give way, according to

[1] Markie, Peter and M. Folescu, "Rationalism vs. Empiricism", *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Spring 2023 Edition), Edward N. Zalta & Uri Nodelman (eds.), URL = https://plato.stanford.edu/archives/spr2023/entries/rationalism-empiricism/

[2] Markie, Folescu, op. cit.

[3] Киссель М. А. *Судьба старой дилеммы (рационализм и эмпиризм в буржуазной философии XX века)*. – М.: Мысль, 1974. – p. 8.

empiricists' project, to an experimental philosophy of human nature. "Under these conditions, rationalism from Leibniz up to Hegel acted as a restorer of metaphysics, as an exponent of philosophical traditionalism, based on the spiritual heritage of millennia, on "*philosophia perennis*", in opposition to the "innovative" empiricists"[1]. Classical empiricism, legitimate son of the British Isles, embodied the idea of transforming philosophy itself in the image of experimental science. Later on, the idea was caught up in continental positivism.

We should distinguish between the level of general gnoseology (the level of basic elements of cognition) and the level of large blocks or forms of scientific knowledge addressed in epistemology and philosophy of science. Considering that epistemology is a theory of *scientific* knowledge *prima facie*, and given that philosophy of science is a philosophical trend that views science as an epistemological, methodological and sociocultural phenomenon as its main subject matter, – the confrontation of empiricism and rationalism was the rebellion of true science about nature against such philosophy which pretended to play the role of natural science, and even against philosophy as a teaching about the world as a whole.

In nominalism of William Ockham as well as in modern social philosophy rationalism (intellectualism) was also opposed by *voluntarism* (the term goes back to Proto-Indo-European root *wel-/*wol- "to like"); while rationalism of Rene Descartes (as well as of Benedict Spinoza, and Gottfried Leibniz) born almost simultaneously with empiricism of Francis Bacon (also of Thomas Hobbes, and John Locke) in the 17th century, was questioned and criticized by *irrationalism* of Schopenhauer and Nietzsche in the 19th century.

While empiricism (called sensualism, in gnoseology) and rationalism as controversies still have much in common, rationalism and irrationalism are in a true contradiction, the latter

[1] Ibid., p. 14.

giving birth to existentialism, while empiricism and rationalism together became the basics of Philosophy of science. "Radical rationalism is present only in theories of scientific knowledge within the philosophy of science, while in other philosophical domains, man is treated as a being with unified instances, more specifically, as a being whose reason is in interactions with emotions, faith, intuition, sensory perception and instincts"[1].

The concept and trend of empiricism is broader than sensualism, for it includes social problematics. A pendulum of opposing trends and conceptions in philosophy and more wide-ranging – in society, – often is attempted to stop to reconcile those, or work out some 'third line' to pass beyond conflict. Here is just one recent example. Lately, a new concept – "femalism" – aimed at solving gender problems was proposed by an African philosopher Chioma Carol Opara. This concept is used to avoid a sense of aggression and antagonism between men and women, – instead of "feminism". "Western feminism is marked by a seeming antagonism to masculinism and derives its definition from its opposition to it. Feminism is a concept born of the Hegelian heritage of the origin of concepts from the negation of opposites. *Femalism* is the sign of the birth of the origin of independent concepts that arise together and strive to live together in cooperative harmony"[2].

Thus, these classical directions of thought, empiricism and rationalism, do intersect, or cross, intersection representing a type of compatibility.

Nature and essence. As it was already mentioned, these concepts are often viewed as close synonyms. Take just two examples.

---

[1] Czarnocka M.: "It should also be added: the philosophy of science… is sometimes called rationalistic for greater clarity, because sociological approaches to scientific cognition distance themselves from this thesis." – Footnote 263 to p. 136.

[2] Allinson, R. E.. Forward to: "Deconstructing Boundaries". Published by Univ. Press PLC, Ibadan, Nigeria". P. x.

Neil Roughley, treating on different forms of essentialism: "For normative essentialism, "the human *essence*" or "human *nature*" is a normative standard for the evaluation... slogans intended to pin down "the human essence" or "human *nature*" – reason, linguistic capacity ("the speaking... of "real *essence*" (1689: III, iii, 15)[1]."[2]

Michael Mitias, introducing his new book: "…Human nature is essentially rational; … as the essential fabric of human nature, reason exists as a potentiality in the human body… this is why i shall use "reason" and "human nature" interchangeably".[3] Or also: "As human beings, we cannot take a vacation from *our moral nature*"[4] [*italisized by me. – E.T.*].

Let's discuss it.

Firstly, nature and essence are different categories. Although, in great many works, they are taken as synonyms, it is generally inaccurate to do so. Recalling that Boethius in his time translated Aristotle's ουσία (usia), "essence" – as "substance", we quote here Kant: "Substance, for instance, when the sensible determination of permanence is omitted, would mean simply a something which can be thought only as subject, never as a predicate of something else. Such a representation I can put to no use, for it tells me nothing as to the nature of that which is thus to be viewed as a primary subject." [Kant. *Critique of Pure Reason.* P. 187]. *Substance* is seen here as next to be useless. You can't assert the same of *nature*.

---

[1] Here John Locke's "Essay…" is cited.

[2] Roughley, Neil, "Human Nature", §1.3 Essentialisms. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Winter 2023 Edition), Edward N. Zalta & Uri Nodelman (eds.), URL = https://plato.stanford.edu/archives/win2023/entries/human-nature/

[3] Mitias, M. Human Dialogue. Peter Lang GmbH. Internationaler Verlag der Wissenschaften. – Berlin 2023. – P. 12.

[4] Ibid, p. 127. In many other cases, though, Mitias differs nature and essence: c.f.: the rubric "Reason as the Essence of Human Nature", Chapter II. Or also: "...The human is spiritual *par excellence*; as such, it is formless and colorless." P. 134. Or: "...we know the essence of human nature by its manifestations". – P. 119.

Secondly, different entities, possessing distinctly varied essences, may have the same nature. Coal, graphite, and diamond are all carbon in nature. Philosophers discussing Middle Ages' thought today analyze and make use of such characteristic as "thisness", "haecceity": "…Haecceity is needed as a constituent of a being that shares its nature with something else"[1]. Other contemporary authors give an example of an atom having six protons, which "might count as an essential property of a carbon atom because this property figures fundamentally into explanations of its possession of other properties, like its bonding characteristics"[2].

Thirdly, it could be the other way round: two natures – and one resulting essence. Plato gives the following example in Theaetetus, 203e: a syllable does not consist of sounds, not of their simple sum, but is a certain *eidos* that has arisen from them, containing in relation to itself a single idea. Commenting on this difficult passage in Plato, the Russian philosopher A. F. Losev wrote: "We have two different sounds. By merging them into a single syllable, we have thereby transferred the resulting sum to a certain, already new, semantic sphere. The resulting syllable is no longer just a sum, but in its semantic quality it is already something new. This means that instead of a simple sum we have received a certain eidos, a certain new kind of meaning…"[3].

Or consider the even more complicated case of one essence, two natures and three hypostases ('persons', after Boe-

[1] Cross, Richard, "Medieval Theories of Haecceity", *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Winter 2022 Edition), Edward N. Zalta & Uri Nodelman (eds.), URL = https://plato.stanford.edu/archives/win2022/entries/medieval-haecceity/

[2] Ishii Robertson, Teresa and Philip Atkins, "Essential vs. Accidental Properties", *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Spring 2023 Edition), Edward N. Zalta & Uri Nodelman (eds.), URL = https://plato.stanford.edu/archives/spr2023/entries/essential-accidental/

[3] Losev A. F. *Очерки античного символизма и мифологии*. – М.: 1993. Изд-во Мысль. – С. 277.

thius), existing as inseparable/unmerged. Isn't that sedition? Ney; it's the Trinity: of 1) God; 2) of two natures, spiritual (non-material) and human; and 3) of three persons: Our Father in Heaven; His Son Jesus; and the Holy Spirit.

To avoid touching religious items, let us recall, with Peter Forrest, the (logico-philosophical) Leibniz's Law: $\forall F(Fx \leftrightarrow Fy) \rightarrow x=y$: "The Identity of Indiscernibles is a principle of analytic ontology first explicitly formulated by Gottfried Leibniz in his *Discourse on Metaphysics*, Section 9. It states that no two distinct things exactly resemble each other. This is often referred to as 'Leibniz's Law' and is typically understood to mean that no two objects have exactly the same properties. The Identity of Indiscernibles is of interest because it raises questions about the factors which individuate qualitatively identical objects"[1].

Thus, nature and essence are different concepts; nature, "the sphere of genesis, the universal mother", permits genetic definitions – while essence, after many hesitations, was characterized by Aristotle himself as that which can be predicated of nothing, nor can it be within anything.

Contemporary authors help to distinguish the phenomena of essence and nature showing wittily where the mixture might come in.

"…We have already encountered one – the claim that the property of being human is essential to Socrates. Another example is the claim that Socrates's biological origin – Socrates's parents, or more particularly, the sperm and egg from which Socrates arose – is essential to Socrates. The first ex-

[1] Forrest, Peter, "The Identity of Indiscernibles", *The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Spring 2023 Edition)*, Edward N. Zalta & Uri Nodelman (eds.), URL = https://plato.stanford.edu/archives/spr2023/entries/identity-indiscernible/

ample is a brand of *sortal essentialism* while the second is a brand of *origin essentialism*"[1].

To conclude the paragraph, we here consider etymology of the concepts 'nature' and 'essence' under study.

Nature (from Greek *physis*, from *phyein* – to arise, to be born; fr. Latin *natura*, from *nasci* – the same) – that which is *essential* for every being from its very *origin*. Therefore, the word "nature" denotes both the originality of a thing and the totality of all things untouched by man. Nature, in content, is the sum of all immediate activity, of all things and events in their general connection; formally – it is being in general.

Essence (also "somethingness" – Latin *quidditas*) – is what constitutes the "heart" of a thing in the wholeness of its defining properties, or signifying one defining property, as "sapiens"; it is the substantial core of an independently existing entity. Sometimes this core is considered as an independent entity itself.

Essence / nature are not identical, but intersecting (crossing) categories.

Reason and rationality. Once I was charmed by the distinction of reason and rationality (*Vernunft und Verstand*) in German classics: it seemed very intelligible to bind *rationality* with *logic* and *reason* with *spirit*. The lofty intention seemed to go well with reason, while "profane" ability to calculate looked like solidly grounded on earth, sounding more human than heavenly.

In Marxism those were not divided so strictly, playing as synonyms; and indeed, they are.

Reason comes from Middle English: from Old French *reisun* (noun), *raisoner* (verb), from a variant of Lat-

[1] Robertson Ishii, Teresa and Philip Atkins, "Essential vs. Accidental Properties", *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Spring 2023 Edition), Edward N. Zalta & Uri Nodelman (eds.), URL = https://plato.stanford.edu/archives/spr2023/entries/essential-accidental/

in *rationem* (nominative *ratio*), from *rat-*, past-participle stem of *reri* – ‘consider’, ‘recon’, ‘think’, ‘calculate’ (from Proto-Indo-European root *re- “to think, reason, count”).

Ratio first comes from Latin theological writings, meaning “*reason, rationale,* reckoning, account, numbering, calculation”, hence “a business affair; course, conduct, procedure”; also, a mental action, “judgment, understanding, that faculty of the mind which forms the basis of computation and calculation”.

The *mathematical* sense of “relation between two similar magnitudes in respect to quantity”, measured by the number of times one contains the other, is attested in English from 1650s (it also was a sense in Greek *logos*). [https://www.etymonline.com/word/]

In many dictionaries *reasonable* is explicated as *rational*, sensible, sane, and even as *compos mentis* meaning peace of mind. Still here we shall consider these concepts as different, though indeed compatible, and discuss the qualities of their partition.

To opine that reason is always reasonable would be mistaken, I’m afraid; tautology as it is, this is not the cause for changing ‘reasonable’ into ‘rational’. Let’s examine the examples.

“*For what reason? On the reason that...*”

This doesn’t mean “reason” as «разум»[1], but as a “cause”, “ground”, and “argument”.

The corresponding Russian «резон» coming from “reason” means the same: “cause”, too, but mainly “ground” and “argument”.

There is nothing “spiritual” or highly metaphysical in such cases of usage. However, this certainly is about ratio and rationality.

It is sort of a pas-de-deux, where these valuable concepts, *reason* and *ratio*, play equally beneficial roles, or parties, so that you would think that classical distinction between *Vernunft* – reason, and *Verstand* – mind, logic, calculus, – is

[1] Purely Russian concept, bearing the root morpheme «ум», “mind”.

too rigid and schematic. It especially looks so, because the Google gives the following translation of one-root terms «рациональность» and «рациональный» from Russian into German: "*Razio*nalität" – but "ver*nünft*ig".

They are, however, not equal in stance and weight: *REASON supports RATIONALITY*.

They are, hence, compatible by subordination, or inclusion. Reason includes, alongside with rationality meaning logic or calculus, also spirit, morals, or better yet, *kalokagathia*.

Calling *Human* a *Sapience*[1], we are highly likely talking of right-minded reason.

In Russian literature on epistemology, i.e., theory of *scientific* knowledge, we can find a synopsis of what scientific rationality is as a species of common rationality as its genus studied by gnoseology – a general theory of elements, or basics, of cognition[2].

"Rationality *in general* is a type of thinking (also its corresponding product – *rational knowledge*), possessing the following necessary properties:

1) linguistic expressibility (discursivity);

2) distinctness of concepts and terms and the judgments (statements) made up of them, their meaning and sense;

3) systematicity (the presence of coordinating and subordinating connections between concepts and judgments);

4) justification (the existence of logical connections between judgments);

5) openness to internal and external criticism of the

[1] "Sapiens" [Lat.] is an adjective capable of substantivation as "wise" or "learned". It belongs to the third subgroup which includes adjectives that have one ending common to all three genders. There are four varieties of such endings including *-ns*. The dictionary form of adjectives of this subgroup includes the general gender form of the nominative case and the ending of the general form of the genitive case: *sapiens, sapientis*.

[2] Gnoseology and epistemology are not equivalent though comparable and compatible; these are genus and species, and their relationship is inclusion.

foundations, means and results of thinking;

6) reflexivity (self-control of the thinking process);

7) the ability to change and improve thinking.

Scientific rationality is, so to speak, an "enhanced" rationality, characteristic of science. It differs from general rationality in a more rigorous (precise) explication of all the basic properties of rational thinking, the desire for the maximum achievable certainty, accuracy, conclusiveness, and objective truth of rational knowledge. Scientific rationality is characterized by:

- objective subject matter (empirical or theoretical);
- unambiguity;
- evidence;
- verifiability (empirical or analytical);
- ability to improve.

Scientific rationality always has a historical and concrete character, being realized and consolidated in paradigmatic ideas for a particular area of scientific research about the ideal of scientific knowledge and the methods of achieving it.

Logical and mathematical rationality: ideal subject matter, constructive unambiguity, formal proof, analytical verifiability.

Natural scientific rationality: empirical subject matter, observational and experimental unambiguity, partial logical proof, experimental verifiability (confirmability and falsifiability).

Engineering and technical rationality: "material" subject matter, constructive systematicity, empirical verifiability, systemic reliability, practical efficiency.

Social and humanitarian rationality: social and value subjectivity, reflexivity, integrity, cultural validity, adaptive utility."

True, in the same educational and scientific source one can find an attempt to distinguish between the specific and the generic; c.f.: scientific rationality "is distinguished from general

rationality by a more rigorous explication of all the basic properties of rational thinking, the desire for the maximum achievable certainty, accuracy, evidence, objective truth of the diet of rational knowledge"[1]. But the same generic features are present here that characterize "ordinary" rationality, which must be treated critically:

- *objective subject matter empirical or theoretical*, is non-specific;
- *unambiguity* is next to impossible and achievable only within the limited framework of a theory;
- *evidence* is listed notwithstanding the experience of positivism; it should be taken as provability/falsifiability;
- *empirical/analytical verifiability* is the regular criterion of truth;
- *ability to change and improve* should be attributed either to the category of metaphors of fiction (given the unclear nature of the concept of "improvement"), or to the universal ability of being to develop.

The last item: scientific rationality differs from "rationality in general" by one single feature – science is capable of providing *objective truth*. Wow. What about the experience of the 20th century exploring *conventionalism*, *coherentism*, or metaphors of physics such as "red and green" leptons, "charmed and strange" particles, "black, white and worm-like holes", "hedgehogs" and "strings"? We should also mind the inconsistency of scientific pictures of the world, and the self-sufficient carnival of interpretation the social sciences and humanities, and European postmodern philosophy itself, which have refused this feat – the achievement of objective truth.

[1] *Философия науки*. ред. С. А. Лебедев. *Philosophy of Science*. Ed. by S. A. Lebedev. – P. 26–27.

Yes, scientific rationality is enhanced rationality. But enhanced by what? No; not by argumentation; it is mainly empowered by conviction: I *believe* that snow is really white.

I am inclined to agree with M. Czarnocka's conception of the issue: "Contemporary philosophy of science rarely resorts to the traditional classifications of reason and rationality and usually speaks about scientific reason and rationality or reason and rationality in science. Also, science philosophers are immersed in "family feuds," formulating diverse reason variants which they believe are… valid in science, and which they debate among themselves but relatively seldom with science and reason opponents, including the heirs of postmodern thought" (P. 39).

Furthermore, let us not forget about the wave of the "digital tsunami".

September 2024, the IV Congress of the Russian Society for the History and Philosophy of Science was held in Vologda. One of the renowned Russian philosophers V. A. Lektorsky delivering a plenary speech, said: "Science should be open; however, neither corporate nor military interests allow it now. But it is time to single out another form of rationality, i.e., *digital* ("huge memory", "big data" calculation, etc.)".

Enlarging on it, Lektorsky said: "Computers are undergoing deep learning right now, and they are capable of production, although they do not have the natural strength of the human hand or the human mind. Man should not be a slave to the machine, but its partner. We've got not to manage, but to direct!"

Another prominent Russian philosopher heading the Congress, I. T. Kassavin, has put a question to Lektorsky: "Is the "rationality" of artificial intelligence rationality at all?" (Lektorsky answered that AI cannot explain nor understand what it does).

There is a Russian critical saying applicable to computers: «у машины не стыда, ни совести» (machines know neither shame nor conscience).

Answering Kassavin's question, I said to myself: yes, it is certainly rationality. *BUT NOT REASON.*

Discoveries. Existential Materialism

This conception is being elucidated since the 90-ies, and Author still holds it[1].

Is there a need for such an innovation?

I believe there is, and here is how it can be explained.

The *historical* division of materialism into phases or forms – ancient, modern (mechanical-metaphysical), newest (dialectical) – is not the only and not exhaustive one.

The already established traditional *logical* division of idealism into objective and subjective, connected with understanding of the knower in the first case, as an objectively existing mind, and in the second case – as human consciousness, can be applied to materialism as well. As was already noted, it might be fruitful to change the angle of analysis and the specifying property (basis of division) as long as this shift is clearly indicated.

We divide materialism to "objective" (in fact, a naive realism, with which natural philosophy starts, and with which the natural sciences end) – and "subjective" one. The latter takes into account the inevitability of the living presence of the observer in the observed, and the necessity of the transformed (ideal) being of the known in the knower. To avoid confusions

[1] Tajsin, Emilia A. An Advance to A New Theory of Cognition // *Dialogue and Universalism*, # 3, 2014. – P. 75–79. Тайсина Э. А. Теория познания. Introдукция и рондо каприччиозо. СПб., Алетейя, 2013. – 608 с. [In Russian]. See also: Tajsin, Emilia A. Theory of Cognition. Introduzione e Rondo Capriccioso. 2021. https://lumenpublishing.com/theory-of-cognition-introduzione-e-rondo-capriccioso-emilia-a-tajsin/

with the term “subjective”, which has negative connotations (arbitrariness, lack of evidence, delusion, solipsism, etc.), I use the term “existential” to characterize this type of materialism. This allows me, without any special reservations, to construct gnoseology not only as “knowledge about knowledge”, but also as knowledge about cognition in general, including the socio-historical context, spirituality, experiences, skills, communication algorithms, “competences”, “initial attitudes”, “predispositions”, “tacit knowledge” of M. Polanyi, “cryptoknowledge” of B. Whorf, reification in the sign-symbolic forms of culture – E. Cassirer, S. K. Langer, E. V. Ilyenkov, etc.

One of the crucial categories underlying existential materialism is a concept constructed from Hegel’s and Heidegger’s *Dasein* – here-and-now-being – and a German term for consciousness, *Bewußtsein*. Hence comes here-and-now-being-consciousness, or *Dabewußtsein.*

Author takes up the task of showing that existential materialism is not an “elitist theorism”, nor just one of the logically possible directions of philosophical thought, but the most natural, necessary, and substantial one.

It is not subjective idealism, despite the declared recognition of the coincidence of a (gnoseological) object and a (gnoseological) subject in “*Dabewußtsein*” – because my theory recognizes the universal credo of all materialism: namely, the objective existence of the primary source of knowledge, physical reality; it recognizes, moreover, the activity not only of the subject, which novelty came to gnoseology after Kant, but also of the object yielding itself to cognition.

It is not Kantianism, despite assuming “thing-in-itself”, i.e., the external object, existing outside human mind, – because the “thing-in-itself” is taken to be knowable, and most importantly, because the “separation” of the foundations of being and consciousness is not accepted. An objectively existing

and fundamentally knowable thing is acknowledged as a unity (though not an identity) of essence and phenomenon.

It is not Hegelianism, either – though an objectively existing and fundamentally knowable thing is recognized as a *unity* in *Dabewußtsein.* True, Hegel explained the principle of identity in the following way:

> "Das transcendentale Wissen vereinigt beydes, Reflexion und Anschauung; es ist Begriff und Seyn zugleich. Dadurch, daβ die Anschauung transcendental wird, tritt die Identität des Subjektiven und Objektiven, welche in der empirischen Anschauung getrennt sind, ins Bewußtseyn… Im philosophischen Wissen ist das Angeschaute eine Thätigkeit der Intelligenz und der Natur, des Bewußtseyns und des Bewußtlosen zugleich; es gehört beyden Welten, der ideelen und reelen zugleich an…"[1] It means: "Transcendental knowledge unites both, reflection and contemplation; it is both concept and being at the same time. Through the fact that contemplation becomes transcendental, the identity of the subjective and objective, which are separated in empirical contemplation, enters into consciousness… In philosophical knowledge, what is contemplated is the result of the activity of the intellect and nature, of consciousness and the unconscious at the same time. It belongs to both worlds at the same time, the ideal and the real". (Author's translation).

Hence, in Hegel, it is both "*Urim and Thummim*", *Light and Truth,* as Lock once (unexpectedly) put.

For us, however, *Dabewußtsein* is the (dialectical) *beginning* and *fellow traveler* of cognition; further process shows that the laws of development of nature and society are not derived from thinking; on the contrary, the laws of development of thinking are derived from the laws of nature and are considered to be the ideal reproduction of these latter.

My conception is based on the maxim of great Aristotle and unrivaled Hegel, about the coincidence of the foundations of being and knowledge, but this is precisely materialism with

[1] Hegel, G. W. F. *Differenz der Fichtes'schen und Schelling'schen Systems der Philosophie.* S. 27–28.

its recognition of reflection as a real process in brain and as the main principle of gnoseology. It's not for nothing that such terms as *consider, contemplate, deliberate, evaluate, examine, weigh, ruminate*, etc., as many other synonyms, go under one umbrella concept: namely, *reflection*[1]. The earliest principle of materialistic gnoseology, it conveys the ancient idea of thought mirroring nature. Millenia past since, bringing about discussions concerning specifics of this kind of reflection, but not cancelling it[2].

Why, then, is it not a "Lockean paradigm"?

It is so because we don't concede knowledge as merely perception of the correspondence or non-correspondence of some "ideas". Further, "simple ideas" are in reality not at all simple; complex ideas are not simply "cumulated"; truth does not consist only in the logical coherence of ideas; the most important thing for gnoseology is the dialectic of absolute and relative knowledge; cognitive ascent is not an arithmetical operation; matter does exist, – and it does not exist as a conglomerate of bodies, but *as such*, *per se*, i.e., as "objective reality", "one in number", "given to us in sensations".

Then why is it not dialectical materialism?

It is so because mine is a "simpler" materialism, namely, *syntagmatic* in method.

I explore the important term "*syntagma*" to designate highly significant "frames" of reasoning that initiate philosophical discourse, necessarily containing a certain "taxis", a logical-grammatical connection of supporting concepts-"tags", and at the same time – "the semantic energy of the entire sentence". However, this is a topic for separate research.

---

[1] Cf. "Copying theories of knowledge, still not only present, but dominant, at least in the philosophy of science, are, one might say, an obvious testimony to this field." M. Czarnocka, op. cit. Footnote 285 to p. 146.

[2] The main correction was made by means of semiotics showing the interrelation up to mutual transition of *sign* (symbol) and *image* in cognition.

In the frame of existential materialism, the core gnoseological categories receive the following definitions.

Knowledge can be defined as *discovery* and *recognition* ("understanding", i.e., "possession", appropriation) of *being*, *participation* of the man in particular existence of an object so that it (the object) is replaced, to be precise, it is represented, *introduced* (vorgestellt), denoted in an ideal form.[1]

Absolutely true knowledge is the knowledge of essence. Understanding of absolute truth as exhaustive completeness and content completion, and yet as an "extremely precise knowledge", which coincides with the object in its entirety, is rather sophisticated, but not scientific. It came to us as a legacy of religious world-picture, where the central explanatory abstraction, "the first championship of perfection" was the "Biggest", i.e., God (which has, of course, cognitive and historical and cultural value). Relatively true knowledge is knowledge of large meaningful content; it is a particular judgment about holistic picture fragment, and it can also be understood geometrically, as all that is non-absolute – that is, in the range from 0 to 1, except these boundary numbers.

One can still make an attempt to give *logical* definition of *truth*.

Generic property of truth is ideal presentation of the object, in both senses of the term "ideal" (Platonic and modern), and in both meanings (Latin and Russian), of the word "presentation".

Species definitive property of truth is ***re***presentation of *the order* of material qualia and relations of things.

Accidental properties of truth are transported (necessary or accidental, external or internal, obvious and non-obvious, substantive and formal) traits, qualities, etc.

---

[1] For the first time was introduced in: E. A. Tajsin "To definition of knowledge" // *Nature and Human Ecology Phenomena*. Materials of an International Symposium. – Kazan, 1997.

The *essence* of truth is ideal (re)presentation and transfer (transporting, transference) of *order*, i.e. following of things, properties and relations, events and actions of one beside the other, and one after another, deepening congruent similarity of knowledge to the essence of things.

In general, this new theory of cognition is called upon to replace the postmodernist (basically Kantian) teaching on understanding, just as the Renaissance replaced the Middle Ages.

Conclusion

The paper's aim was to display the cycloids of philosophical discussions showing the continuity of partition and merging – movement onwards, and back to synthesis, strong opposition, and/or consolidation.

Oppositions can be explicit; for example, being and non-being; rationalism and irrationalism.

However, there is also the possibility of rapprochement between contradicting positions – reconciling conflicts through synthesis or the 'third line'; or amalgamating; or coalescence; or soldering; or sort of osmosis.

Extremes meet. Totalities fork. Controversies, initially intensifying and struggling, may eventually come to concurrence, losing antagonism; contrasting positions show agreement; the dividing borders can become blurred, thus phenomena, as well as concepts reflecting them, cannot be clearly typified; fighting parties might come to accordance (or confusion), and this is as true for thinking as for the laws of nature underpinning thought.

For comparable concepts, there are three types of compatibility: equivalence, intersection (crossing), and inclusion (subordination of individual to species or species to genus).[1]

[1] There also are three types of incompatibility distinguished in logic: coordination, controversies, contradiction.

To illustrate this: essentialism can be regarded equivalent to fundamentalism; rationalism and empiricism intersect, as well as nature and essence; rationality and reason stay in inclusion as species and genus. This is the conclusion of the analysis conducted in the paper, of two pairs of opposing trends and two couples of key concepts in philosophy.

Also, I introduce my own theory of cognition called Existential Materialism. It changes the principle of division of philosophical forms of materialism from (notorious) historical to logical, in line with logical division of idealism. It also contains the justification of such introduction and the new ideas inspired by a new angle of observation, including the characteristics of truth.

Existential materialism is by no means irrationalism and it does not break with logic. On the contrary, it is based on the postulate of the unity of the foundations of being and knowledge, put forward by Father of logic and supported by many classics.

At the same time, this materialism is also based on the existentialist category of *Dasein*, being-here-and-now, but the latter is understood not as the trepidation of being-towards-death or the horror of a borderline situation, but as the deep *basso ostinato* of every genuine human existence.

Existential materialism is not the notorious “thinking about thinking”; for “thinking about thinking” is a certain methodology. Ours is precisely the theory of cognition, cognizing being, including human being, which includes ontology and asserts that consciousness contains being in itself in a necessary inherent way, and that philosophy reasoning on being,

"comes out" to the here-and-now-being-consciousness, "*Da-bewußtsein*"[1].

Truth and essence coincide in this very special state of here-and-now-being-consciousness, and further goal of developing and deepening cognition is to discover in phenomena the *essence* of objects-under-study and to call this knowledge *truth* – which is an arterial path of development of philosophy in general.

References

1. [Plato]. The Complete Works of Plato. Compiled by Dr Mohamed Elwany. Translated into English with Analyses and Introductions by Benjamin Jowett; University of Oxford. https://www.cakravartin.com/wordpress/wp-content/uploads/2008/08/plato-complete-works.pdf
2. Carroll, John W., "Laws of Nature", *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Winter 2024 Edition), Edward N. Zalta & Uri Nodelman (eds.), forthcoming URL = https://plato.stanford.edu/archives/win2024/entries/laws-of-nature/
3. Cross, Richard, "Medieval Theories of Haecceity", *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Winter 2022 Edition), Edward N. Zalta & Uri Nodelman (eds.), URL = https://plato.stanford.edu/archives/win2022/entries/medieval-haecceity/
4. Deconstructing Boundaries. *A Festschrift in Honour of Prof. Chioma Carol Opara* / Columbus N. Ogbujah and Blessing Diala-Ogamba (eds), 2024. Published by University Press PLC. Ibadan, Nigeria.

[1] For further explanation see: Tajsin, Emilia. *Theory of Cognition*. *Introduzione e Rondo Capriccioso*. EDITURA LUMEN 02/11/2021. https://lumenpublishing.com/theory-of-cognition-introduzione-e-rondo-capriccioso-emilia-a-tajsin/

5. Forrest, Peter, “The Identity of Indiscernibles”, *The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Spring 2023 Edition)*, Edward N. Zalta & Uri Nodelman (eds.), URL = https://plato.stanford.edu/archives/spr2023/entries/identity-indiscernible/
6. Hegel, G. W. F. Difference between the philosophical systems of Fichte and Schelling in comparison with those of Rheingold tending to make easier the synopsis of philosophy in the beginning of the 19th century. *Kantian collection. Issue 13*, p. 148–173. *Issue 14*, p. 126–156. *Issue 15*, p. 127–157. Kaliningrad : 1988–1990. [In Russian].
7. Hegel, G. W. F. *Differenz der Fichtes’schen und Schelling’schen Systems der Philosophie [Difference between the philosophical systems of Fichte and Schelling]*. / Georg Wilhelm Friedrich Hegel. Hauptwerke in sechs Bänden. Band 1. Jenaer kritische Schriften. 2., unveränderte Auflage. Felix Meine7r Verlag, Hamburg : 2018. – 622 S. – Seiten 1–92.
8. Hegel, G. W. F. *Wissenschaft der Logik.* Einleitung / Georg Wilhelm Friedrich Hegel. Hauptwerke in sechs Bänden. Band 3. – Felix Meiner Verlag, Hamburg : 2018. – S. 37–38.
9. Ishii Robertson, Teresa and Philip Atkins, “Essential vs. Accidental Properties”, *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Spring 2023 Edition), Edward N. Zalta & Uri Nodelman (eds.), URL = https://plato.stanford.edu/archives/spr2023/entries/essential-accidental/
10. Kant, Immanuel. *Critique of Pure Reason*. Transcendental Doctrine of the Elements. Book II. Analytic of Principles. Chapter I. The Schematism of the Pure Concepts of Understanding. – Translated by Norman Kemp Smith. – Published by Macmillan and co., ltd, 1929. – P. 180–188. See

also: http://strangebeautiful.com/other-texts/kant-first-critique-kemp-smith.pdf
11. Kant, Immanuel. *Kritik der Reiner Vernunft*. Der transzendentalen Analytik zweites Buch. Die Analytik der Grundsätze. 1. Hauptstück. Von dem Schematismus der reinen Verstandesbegriffe. http://www.zeno.org/Philosophie/M/Kant,+Immanuel/Kritik+der+reinen+Vernunft/I.+Transzendentale+Elementarlehre/Zweiter+Teil.+Die+transzendentale+Logik/Erste+Abteilung.+Die+transzendentale+Analytik/Zweites+Buch.+Die+Analytik+der+Grunds%C3%A4tze/1.+Haupst%C3%BCck.+Von+dem+Schematismus+der+reinen+Verstandesbegriffe
12. Markie, Peter and M. Folescu, "Rationalism vs. Empiricism", *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Spring 2023 Edition), Edward N. Zalta & Uri Nodelman (eds.), URL = https://plato.stanford.edu/archives/spr2023/entries/rationalism-empiricism/
13. Mitias, M. *Human Dialogue*. – Peter Lang GmbH. Internationaler Verlag der Wissenschaften. – Berlin 2023. – 203 p.
14. Roughley, Neil, "Human Nature", *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Winter 2023 Edition), Edward N. Zalta & Uri Nodelman (eds.), URL = https://plato.stanford.edu/archives/win2023/entries/human-nature/
15. Tajsin, Emilia A. An Advance to A New Theory of Cognition // *Dialogue and Universalism*, # 3, 2014. – P. 75–79. See also: Tajsin, Emilia. *Theory of Cognition*. *Introduzione e Rondo Capriccioso*. EDITURA LUMEN 02/11/2021. ISBN: 978-973-166-596-2 155 p. https://lumenpublishing.com/theory-of-cognition-introduzione-e-rondo-capriccioso-emilia-a-tajsin/

16. William Ockham. Уильям Оккам. *Избранное*. – М.: РАН ИФ, Едиториал УРСС, 2002. [Bilingua Latin – Russian]. See also: William of Ockham, *From His Summa of Logic*, Part I: Adam (of Wodeham's) Prologue, Ockham's Prefatory letter and Chs. 1–56, 8–13, 26–28, 30–31, 33, 63–66, 70, 72, with summaries of Chs. 7, 29, 32. Copyright © 1995 by Paul Vincent Spade. eBooks@adelaide.edu.au
17. Киссель М. А. *Судьба старой дилеммы (рационализм и эмпиризм в буржуазной философии XX века)*. [Kissel' M. A. *The fate of the old dilemma (rationalism and empiricism in bourgeois philosophy of the twentieth century*)]. – М.: Мысль, 1974. – 280 с. [In Russian].
18. Левин Г. Д. *Проблема универсалий. Современный взгляд*. [Levin G. D. *The problem of universals. A contemporary view*]. – М.: Канон+, 2005. – 224 с. – (Современная философия). [In Russian].
19. Ленин, В. И. Lenin V. I. Ещё раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина. [*Once again about trade unions, the current situation, and the mistakes of comrades Trotsky and Bukharin*] // ПСС, Т. 42. – С. 264–290. [In Russian].
20. Лосев А. Ф. *Культурно-историческое значение античного скептицизма и деятельность Секста Эмпирика*. [Losev A. F. *Cultural and historical significance of ancient skepticism and the work of Sextus Empiricus. / Introduction to: Sextus Empiricus*.] / Вступит. статья к: Секст Эмпирик. Сочинения в 2-х т. – Т. I. – М.: «Мысль», 1976. [In Russian].
21. Лосев А. Ф. *Очерки античного символизма и мифологии*. [Losev A. F. *Essays on Ancient Symbolism and Mythology*]. – М.: Изд-во Мысль. 1993. [In Russian].
22. Тайсина Э. А. *Теория познания. Интродукция и рондо каприччиозо*. СПб., Алетейя, 2013. – 608 с. [In Russian].

See also: Tajsin, Emilia A. *Theory of Cognition. Introduzione e Rondo Capriccioso*. 2021. https://lumenpublishing.com/theory-of-cognition-introduzione-e-rondo-capriccioso-emilia-a-tajsin/
23. *Философия науки*. – Под ред. С. А. Лебедева. [*Philosophy of Science*. – Ed. by S. A. Lebedev.] – М.: Трикста, 2004; М.: Академический Проект, 2004.
24. Фромм Э. *Психоанализ и этика*. [Erich Fromm. *Psychoanalysis and Ethics*]. – М.: Республика, 1993. – С. 261–289. [In Russian].

To be published in
Journal of Human Cognition,
Porcelain Publishing,
No. 2, 2025

ВОКРУГ ФИЛОСОФИИ НАУКИ

> Перед наукой же простирается богатое содержание, созданное веками и тысячелетиями познающей деятельности, и это содержание простирается перед нею не как нечто данное, которым обладали лишь *другие*, не как содержание, которое для нас стало прошлым, результатом которого являются лишь знания, дающие пищу памяти и материал для проявления нашего остроумия в критике исторических сообщений, но как познание, питающее дух и удовлетворяющее нашу потребность в истине.
>
> ***Гегель. Наука логики. Предисловие ко второму изданию***

Философия науки, эта ничейная земля между философией и наукой, до сей поры не достигает у нас в стране ни единства содержания, ни совершенства формы (за немногими исключениями: в последнее десятилетие – труды

В. И. Пржиленского, В. Н. Карповича, их коллег). Во многом это объясняется наивным прочтением самого словосочетания («философия науки» как философствование о науке в формате оптимистического наследия марксисткой гносеологии), либо же идейным последствием упорной, часто искренней отечественной критики логического позитивизма: тексты «после поворота», в которых содержались несвойственные неопозитивизму мотивы познавательного восхождения, прогресса научного знания, научных революций и т.д., приветствовались по принципу «враг моего врага – мой друг», и их пытались ассимилировать. Что невозможно, ибо диалектический материализм наследовал гегельянству, но никак не кантианству (в отличие от западных философов и культурологов XX века), а наиболее схематично понятый водораздел между ними – согласие или *не*согласие с аристотелевской идеей единства основ бытия и познания.

Здесь вопрос для нас стоит так. На что генетически больше всего похожа (если не «чем является») философия науки?

Я не скажу здесь, что это совокупность практик и техник, подчиненных поиску «смыслов», чем сегодня заняты ученые по самоопределению. Не думаю также, что философия науки вытеснит или вытесняет теорию познания; это делает, и не без успеха, так называемая «теория понимания», имеющая кантианскую подоплеку, культурологический крен и заменяющая истину – смыслом, значением, значимостью или ценностью, критерий истины – способностью «решить проблему», объективность – интерсубъективностью, сущность – ризомой или симулякром, субъект – самопорождающим, самопонимающим и самонепонимающим «дискурсом», гносеологическую «робинзонаду» – диалогом и полилогом, объяснение – интерпретаци-

ей, открытие – изобретением, отражение – конструированием, познание – коммуникацией и прочая, и прочая.

Философия науки – это *не* гносеология (общая теория познания), *не* эпистемология (теория научного познания), *не* логика и методология науки, *не* философия языка – и *не* герменевтика. Их, между тем, часто в разных пропорциях смешивают не только в нашей среде, но и за рубежом. (Например, таковое смешение не один раз имело место на XXII Всемирном Философском Конгрессе, июль-август 2008). Герменевтика ныне имеет претензию быть искусством толкования любых культурных текстов, и далеко не только научных. Эпистемология появилась, когда из общей проблематики соотношения чувственного и логического выкристаллизовалась проблематика эмпирического и теоретического (акцент на уровнях познания). Логика и методология (науки) заменили собой *всю* философию в неопозитивизме, за счет редукции мировоззренческой составляющей (акцент на методах и формах познания). Философия языка, имея «три источника и три составные части», – гносеология, лингвистика, семиотика, – сохраняя гетерогенность, в какой-то части перекрещивается-таки с философией науки, поскольку последняя есть законнорожденная дочь знаменитого лингвистического поворота, громкого интеллектуального события XX века.

Дочь, не достигшая совершеннолетия (которого она рискует и не достичь, если в нашем обществе сохранится тенденция диффамации и даже абоминации науки и людей науки, в особенности гуманитарной). Но, возможно, это дисциплинарное несовершенство лишь временное. Возможно, это пра-пра-пра…внучка другой философской особы, *схоластики*, и можно найти их фамильное сходство и понять, как именно оно скажется в будущем, в грядущей, чаемой и возвещаемой оптимистами зрелости, – на профиле философии науки. Это кажется парадоксальным:

рациональная, логичная, теоретичная схоластика – и философия науки, иррационально отвергающая саму мысль об универсальной «теории научного познания», о системе принципиальных философских оснований науки?! (Но и схоласты, бывало, отвергали универсалии. Но из рационалиста Канта вырос в наше время иррациональный постмодернизм, который зиждется на интуиции непроницаемости явлений культуры и чьи подходы вошли в философию науки. Да и постнеклассическая иррациональность – это лишь новая форма рациональности, а старая рациональность выражает что угодно, но не расчет простого здравого рассудка…). Схоластика, однако, в свое время также выросла из «лингвистического поворота», если под таковым понимать не только философию Витгенштейна, но и любое смещение цели познания с объекта на понятие, с понятия на знак (символ). Обыкновенно такое бывает, когда философ, глубоко вдумавшись в дело, объявляет, что только наивному взгляду объект представляется познаваемым *из самого себя*: аккуратно сравнивай, измеряй, взвешивай, скрупулезно повторяй опыты, и закон откроется, сущность-природа объекта *явит себя* в явлении, совершится интроекция объекта в сознание. Критическому же взгляду ясно, что мир – это картина мира, что в феномене или фанероне являет себя только явление, оно «дано» познающему как… и дальше образ, явление сознания, отождествляется, сливается со смыслом обозначающего его выражения, начинается анализ языка. Что именно имел в виду Философ? Что именно написано в этом месте священного текста? Что именно дано в маргиналиях? А что говорят комментаторы? Авторитетные эксперты или интерпретаторы? А переводчики? Что прочитывают читатели? А что говорит сам текст?..

Книги пишутся из книг. Знание получается из знания же. Эти тезисы кажутся мне постмодернистскими; смысл

их ясен, а об истине мы сейчас – до поры – не вопрошаем. Сам же постмодернизм представляется мне новым средневековьем, точнее, Новым Средним веком. Сходство это, конечно, неполное; вернее сказать, оно реализуется *на иной (а именно, кантианской) основе.* Однако феноменальное подобие собственно средневековья и Нового Среднего века вполне можно усмотреть, и не только в новом интересе к средневековой философии. Всепроникающий символизм и ренессанс всех конфессий; мир как текст; герменевтика как метод; семиотика как методология; нескончаемый дебат; мистицизм и фантазийность; схоластическое комментирование; искусная риторика; расцвет гуманитарного знания; «смеховая культура»; «стра́ховая культура»; воление против рациональности; номинализм против эссенциализма. Средневековье без Бога, метафизики и логики. Соблазнительное и жутковатое подтверждение гегелевского закона отрицания отрицания. Однако *дело даже не в этом*: не в том, что Гегель прав относительно символа спирали, эмблематически представляющей развитие (а развитие – последнее «большое» слово, которое осталось в живых после Offertorung постмодернизма). *Все дело в том*, что *весь* прошлый век, исключая развитие философии в нашей стране и странах-сателлитах, представляется ренессансом или обломками кантианства, во всех видах, и вытеснением гегельянства. Предприятием кантианской ориентации, пусть и с номиналистскими корнями, рисуется мне философия науки, включая все ее подходы от первого логико-эпистемического до последнего культурологического. Но истоки ее уходят в глубины и тьмы веков.

Собственно, я заговорила о постмодернизме, отвлекшись от постпозитивизма (хотя, надо заметить, оба посттечения развивались практически одновременно, и именно постмодернистский фон и окружение дали возмож-

ность сблизиться оппонирующим направлениям философской мысли XX века, экзистенциализму и позитивизму), – дабы, проведя параллель со средневековьем, перейти к наследию схоласта Оккама, и тогда уже искать исторические аналогии современным идеям философии науки.

Новая логика в аналитической философии XX века имела целью объединить формы языка и формы мышления в тождество. В результате рисовалась возможность создания системы *мета*логического языка для анализа науки, понимаемой как совокупность высказываний об объектах. Было ли это подлинным новшеством? Была ли подлинным новшеством двухуровневная логика Тарского или семантика Фреге, фактически отождествившего значение и объект?

Первым шагом от мифологии к философии=науке в интересующей нас области было решительное отмежевание от представления о тождестве вещи и ее имени, соответственно – о познании смысла имени как сущности познаваемого объекта. «Да ведь смешные вещи, Кратил, творились бы с именами и вещами, которым принадлежат эти имена, если бы они были во всем друг другу тождественны. Тогда все бы словно раздвоилось, и никто не мог бы сказать, где он сам, а где его имя» (*Платон.* Соч. в 4-х т. М.: 1993. *Кратил.* Т. 1. 432 д, с. 480). Поэтому наука – вся наука, восходящая к античной философии, – переносит внимание на связь между именем и смыслом, а не именем и вещью.

Учение Оккама предоставляло такой язык философии, который позволял анализировать язык науки. (См.: *Уильям Оккам. Избранное* /ред. и вступительная статья *А. В. Аполлонова*/. РАН ИФ Едиториал УРСС, М.: 2002). Это его пространная и сложная система суппозиций, импозиций и интенций написанных, произнесенных и ментальных терминов (…triplex est terminus, – scilicet scriptus,

prolatus et conceptus). Суппозиции предшествует обозначение. Они различаются еще и в том, что обозначение относится к звуку, а суппозиция – к термину, уже образованному звуком и обозначением.

> «Суппозиция означает как бы подстановку вместо другого, так что когда термин стоит в высказывании вместо чего-либо… то он подразумевает это. …Посредством такого высказывания «Человек есть живое существо» обозначается, что Сократ поистине <в реальности> есть живое существо. Так что высказывание “Hoc est animal…” было бы истинным, указывая на Сократа. Посредством же такого высказывания как «“Человек” есть имя», обозначается, что слово «человек» есть имя, потому в этом высказывании «человек» подразумевает это слово (haec vox “homo” sit nomen, ideo in ista supponit “homo” pro illa voce)» (С. 29).

Можно было бы сказать: triplex est suppositia. *Простая* и *материальная* суппозиции не делятся далее. *Персональная* же суппозиция делится на дискретную (*отдельную*) и общую. Общая – на смутную (неопределенную, *indeterminate*) и определенную. Смутная – на просто смутную и дистрибутивную (*и при этом смутную*). Смутная дистрибутивная подразделяется на подвижную и недвижную.

И есть же еще несобственная, *impropria*, суппозиция: антономасия, синекдоха, метафора…

Термины бывают категорематические (имеющие лексическое значение) и синкатегорематические, абстрактные и конкретные; первичной и вторичной импозиции: 1) обозначают понятия и объекты; 2) обозначают сами слова (грам. имя, прилагательное, существительное, склонение, и т.д.), а также различной интенции. Отдельную группу составляют термины трансцендентальные (объединяют первичные и вторичные сигнификаты). Это возможно, поскольку все они обратимы с также трансцендентальным термином “ens” – сущее как умопостигаемое. (Ex.: res, aliquid, unum, bonum, verum). *Различно, разнока-*

чественно различие между терминами первичной и вторичной интенции (1-е обозначают объекты, 2-е обозначают понятия) *и первичной и вторичной импозиции* (1-е обозначают *равно* объекты и понятия, 2-е – знаки слов). Ни одно имя вторичной интенции не является именем первичной импозиции.

Далее идет логика высказываний.

> «…Высказывания, силлогизмы и т.п., о чем трактует логика, не имеют субъектного бытия, следовательно, они обладают только объектным бытием, так, что их бытие заключается в познании их» (С. 131).

Высказывания бывают: 1) простые [безусловные] и ut nunc [условные, пригодные для данного момента]; 2) материальные и формальные. Простое следование имеет место тогда, когда антецедент не может быть истинным без [истинности] консеквента ни в какое время. Следование ut nunc имеет место тогда, когда антецедент в определенное время может быть истинным без [истинности] консеквента, но в другое не может. Формальное следование законно в силу своей формы, т. е. в силу структуры образующих его высказываний, но не содержания самих высказываний. Напротив, материальное следование законно в силу своей материи, т.е. в силу терминов, составляющих высказывания, которые образуют такое следование. Summa totius logicae, III, c. I. (С. xxix).

Существует, по Оккаму, четыре вида знания (с. 73–75):

1) несомненное знание какой-нибудь истины (certa);

2) очевидное знание (evidenti);

3) очевидное знание чего-либо необходимого (principia);

4) очевидное знание необходимой истины, полученное в результате силлогистического рассуждения из очевидного знания необходимых предпосылок: это научное знание в собственном смысле (scientia).

Далее.

Научное знание обладает «только двумя причинами, поскольку не имеет формальной и материальной причин (с. 79)». Есть только действенная причина и цель. Научное знание отличается от любого другого вида знания не тем, что дает необходимую истину, и не тем, что обладает достоинством очевидности, каковую весьма обыкновенно объявляют критерием истины, и в этом сходятся и Секст Эмпирик, и Декарт. (Хотя Декарт не отождествлял мышление и речь: «При рассуждении речь идет не о сочетании имён, а о сочетании вещей, обозначенных этими именами»). Оно обязательно должно быть добыто правильным путем.

Очевидным может быть как непосредственное, интуитивное знание, основанное на чувственном восприятии, так и знание определенных положений, например, начал той или иной науки или самоочевидных высказываний. ПРОЦЕСС ПОЗНАНИЯ начинается с чувственного интуитивного (notitia intuitiva sensitiva) и продолжается интеллектуальным, прежде всего интуитивным (notitia intuitiva intellectiva), а затем абстрактным (notitia abstractiva). Характерно, что Оккам использует во всех этих случаях термин “notitia”, «обозначение». (Отсюда в английском термин “notion”, «представление»). Понятно, что перед средневековым номиналистом не стояло проблемы разграничить во что бы то ни стало образ сознания и знак, как это неукоснительно требовалось по понятным причинам от отечественных семиологов и гносеологов. Дело в том, что для него образы сознания суть термины, так же как и слова: «понятия суть естественные знаки (signa naturalia)».

Интуитивное чувственное познание есть результат непосредственного восприятия объекта, и оно является основанием для самоочевидных экзистенциальных и атрибутивных суждений. Nihil est in intellectu, quod prius in sensu non erat.

«И если ты спрашиваешь, какое абстрагированное знание первично обретается через посредство интуитивного, отвечаю: {Aliquando conceptus entis tantum, aliquando conceptus generis, aliquando conceptus speciei specialissimiae, secundum quod obiectum est magis vel minus remotum} (“Иногда только понятие сущего, иногда понятие рода, иногда понятие низшего вида – сообразно тому, что объект более или менее удален”)» (С. 115). «В случае с приближающимся издалека я могу обладать одним видением, посредством которого я сужу только о том, что это есть сущее, другим, посредством которого я сужу о том, что это есть живое существо, третьим, посредством которого я сужу о том, что это есть человек, четвертым, посредством которого я сужу о том, что это есть Сократ…» (С. 111).

Интересно, что этот ход мыслей от универсалии к сингулярии *буквально* повторяется через сотни лет философами совсем иного профиля. Томас Гоббс, например, или Умберто Эко. Как номиналист, Гоббс фактически отождествляет мышление с языком. Это стремление истолковать общее как языковой знак: «В мире нет ничего общего, кроме имен», ведь все существующие вещи только единичны. Имена при этом – знаки не вещей, а наших мыслей о них. Наиболее общие понятия – только имена, имена имён. «Между именами и вещами нет никакого сходства и недопустимо никакое сравнение». И вот упомянутое место:

«Видя какой-нибудь дальний предмет неясно и не будучи еще в состоянии определить, что это такое, мы все-таки уже ощущаем в этом предмете то, в силу чего он называется *телом.* Подойдя ближе и увидев, что тот же самый предмет, сохраняя известное положение, находится то в одном, то в другом месте, мы получим о нем новое представление, благодаря которому назовем его *одушевленным.* И если мы затем, подойдя вплотную к такому предмету, увидим его фигуру, услышим его голос и убедимся в наличии других фактов, являющихся признаками разумного существа, то у нас образуется третье представление, хотя еще и не выраженное сло-

вом, а именно представление, в силу которого мы называем кого-либо *разумным существом.* Когда мы, наконец, точно и во всех подробностях видим весь предмет и узнаем его, наша идея его оказывается сложенной из предыдущих идей, соединенных в той же последовательности, в какой язык складывает в название *разумное одушевленное тело,* или *человек,* отдельные имена».

(Цит. по: В. В. Соколов. Европейская философия XV–XVII вв. М.: 1979).

Ср.: Умберто Эко. Имя розы. *1980. Пер. Е. А. Костюкович. Изд-во Фолиант. Воронеж, Москва. 1989.*

Философ Вильгельм (литературный Уильям Оккам) желает предстать в аббатстве, куда он следует, чтобы принять участие в знаменитом «споре о бедности», овеянным славой проницательного мудреца. Случай предоставляется:

«…за поворотом послышались крики, и навстречу высыпала возбужденная толпа монахов и челяди… “Уж знаю, – ответил Вильгельм. – Вы ищете Гнедка, это любимец настоятеля, лучший скакун на конюшне, темной масти, ростом без восьми вершков в сажень, хвост пышный, копыто малое и круглое, однако на скаку ровен. Голова некрупна, уши остры, глаза очень велики. Подался он направо, как я уже сказал, и в любом случае советую поторопиться”».

Своему адепту Вильгельм (Оккам) разъясняет свою проницательность следующим образом: вначале он понял общую идею (кого-то «пробежавшего здесь»), потом убедился, что это конь, а затем предположил, какое именно это животное: Гнедко, скакун аббата.

Далее идет *абстрагированное* интеллектуальное познание.

Оно «есть то, в силу которого относительно не-необходимой вещи не может быть с очевидностью познано, есть она или нет. …Абстрагированное знание абстрагируется от существования или несуществования, ибо посредством него, в противоположность интуитивному знанию, не может быть с очевидностью познано относительно существующей вещи,

что она существует, и относительно несуществующей, что она не существует» (С. 101).

Ни интуитивное, ни абстрагированное знание не является результатом взаимодействия объекта и разума, отражения объекта в формах представления и/или понятия (notion and/or concept).

У Оккама существовало несомненное убеждение, что все науки имеют дело с высказываниями, а не с реальными вещами: *все* науки трактуют не о тех или иных [единичных] вещах (а других вещей и не существует), но о высказываниях, образованных из общих терминов (scientia est universalis), замещающих [supponentibus] в высказываниях реальные вещи.

«Все авторитетные суждения, утверждающие, что такая-то наука трактует о таких-то и таких-то вещах, надо понимать в том смысле, что она трактует о терминах, подразумевающих такие-то вещи» (С. 87). «И это то, о чем говорит Философ: наука трактует не о единичных [вещах], но об универсалиях, подразумевающих единичные [вещи]. …Scientia non est de singularibus sed est de universalibus supponentibus pro ipsis singularibus. Однако, выражаясь метафорически и не в собственном смысле слова, естественная наука трактует об уничтожимом и движимом, поскольку трактует о тех терминах, которые эти [вещи] подразумевают … а логика трактует об интенциях, подразумевающих интенции» (С. 85).

Эти взгляды не остались в прошлом как музейные экспонаты или заархивированные гербарии логики и методологии науки. И позже, в Новое время, не только Гоббс полагал, что наука имеет своим предметом высказывания, которые приводятся к знакам понятий. Так в «Новом Органоне» Ф. Бэкона: «Силлогизмы состоят из предложений, предложения из слов, а слова суть знаки понятий». Так и в «Опытах…» Дж. Локка: языковые знаки обозначают идеи. «Прорыва» к «самим вещам» придется ждать еще долго… Когда это случится, будет создана чет-

вертая часть семиотики: по замыслу Г. Клауса, она может быть названа «сигматика».

Еще на одном моменте хотелось бы остановиться. Один из центральных вопросов философии науки – зависит ли значение предложения от условий его истинности? В настоящее время это не доказано… И приходится вспомнить: когда «мы» говорим о *значении,* мы все время имеем в виду *слова* и стоящие за ними понятия (представления). Эти формы познания не имеют такой оценки как истинность/ложность. А «они» имеют в виду *предложения, высказывания.* Поэтому все время встает вопрос об *условиях* истинности в связи с вопросом о значении. А сей вопрос о значении (вместо «содержания» понятия или суждения) возникает в связи с принятым пониманием значения как *значения знака*, а не объекта.

Не продолжая здесь дискуссии по проблеме знака и значения, заметим следующее. То, что *по форме* является суждением (понятием), *по содержанию* есть значение объекта для субъекта, его ценность, смысл или значимость. Напрашивается оппозиция предикатов истинности и понятности. Понятность – это свойство *объекта* соответствовать наличному знанию. Object waits to yield to cognition. Знание может быть истинным или ложным, а объект – понятным или непонятным, направление предикации (direction of fit) в этих случаях противоположны. Истинность знания *объективна*, понятность объекта принципиально *субъективна*. И в формате «теории понимания», как и любой соответственно ориентированной области знания, объект будет изыматься из дискурса, заменяясь «смыслом». Это не хорошо и не плохо, это – так.

Впервые опубликовано в:
История науки и техники
в Северо-Кавказском регионе.
М-лы науч. конф. Москва-Ставрополь, 2009. – С. 185–194.

ОТВЕТЫ НА ЧЕТЫРЕ ВОПРОСА КАНТА

Аннотация. Отмечая трехсотлетний юбилей Иммануила Канта, мы по-прежнему участвуем в обсуждении поставленных им четырех основных философских вопросов. Что я могу знать? Что я должен делать? На что я могу надеяться? Что такое человек?

Желая предварительно получить для себя ответ на первый из вопросов, написав для этого небольшую работу, Кант фактически «замолчал» на 11 лет; итогом явилась «*Критика чистого разума*», за которой довольно быстро появились остальные две «*Критики*». Четвертый вопрос был добавлен в Лекциях по логике, рассматривался в специальной работе «*Антропология с прагматической точки зрения*»; он поднимался и во «*Всеобщей естественной истории и теории неба*».

Все мы серьезно изучали ответы Канта; однако полагаем, что обсуждение не закончено. В отличие от первых трех вопросов, чаще всего дискуссии посвящаются четвертому – вопросу о природе и сущности человека.

Ключевые слова: знание; незнание; разум; мораль; человек-животное-машина

Answers to Kant’s Four Questions

Abstract. As we celebrate Immanuel Kant’s 300th birthday, we are still engaged in a debate about the four fundamental philosophical questions he posed. What can I know? What should I do? What can I hope for? What is human being?

Wishing to answer the first question for himself in advance by writing a short work, Kant actually “went silent” for 11 years; the result was the “*Critique of Pure Reason*”, which was quickly followed by the other two “*Critiques*”. The fourth question was added in the Lectures on Logic, considered in a

special work "*Anthropology from a pragmatic point of view*", and it was also raised in the "*General Natural History and Theory of the Heavens*".

We all studied thoroughly Kant's answers; however, it seems that the debate is not over. Unlike around the first three questions, most discussions are devoted to the fourth one – the problem of the nature and essence of human being.

Key words: knowledge; ignorance; reason; morals; human-animal-machine

Введение

> …Но и «сидеть на месте» хорошо только с запасом большого движения в душе. Кант всю жизнь сидел: но у него было в душе столько движения, что от «сиденья» его двинулись миры.
>
> ***В. Розанов***

На знаменитые четыре вопроса – после Канта – все обычно начинают отвечать сразу с четвёртого. Не видя в этом смысла, отвечу по порядку, выражая полное несогласие с классиком гносеологии трансцендентального идеализма в том, что разум устроен таким образом, будто он предписывает природе законы и затем познает их. Далеко не все в природе случайно; а то, что случайно, не беспричинно, и ее законы науками познаются достоверно. Молодой Кант-географ, например, изучал гидросферу и атмосферу, минералы, флору и фауну и достоверно установил следующие закономерности: движение потоков – единственный ключ к теории Земли. Намыв морской воды сформировал сушу; материнские породы возникли из останков морских существ. Русла рек «пришли в такое состояние, которое позволило им притекавшие из окрестностей воды отводить по ровному отлогому стоку до самого моря» [1, с. 101]. Землетрясения распространяются вдоль

рек и гор [1, с. 340–341]. Атмосфера – это море «жидкой упругой материи, …как бы из слоев различной плотности, которая уменьшается с увеличением высоты» [1, с. 351]. И т.д. Кант преподавал науку географию почти полстолетия в родном университете. Что за зигзаг заложила гениальная мысль, чтобы прийти к тому, что разум видит только то, что сам предписал природе неким необходимым образом? Недоверие к опыту, всегда индуктивному? Однако, по счастью, в науке действуют не только эмпирические обобщения, но и «первые *ПРИНЦИПЫ*»: отражения и единства бытия и познания.

Вопреки подозрениям, второй «первый принцип» не раскачивает первый «первый»: они созвучны, поскольку «второй первый» обозначает единство оригинала и его образа.

Первый ответ.

Я могу знать потенциально всё. Принцип единства бытия и познания не на пустом месте был сформулирован; некоторые философы даже принимают мировой порядок за его *рациональность*:

«Объективный онтический разум – в его ныне принятой версии, хотя и неявно, *это разум, устанавливающий вечный порядок реальности*», – пишет современный польский философ Малгожата Чарноцка.

Или ещё: “…an object is a rational reality by virtue of its essential form, or structure” («объект есть рациональная реальность в силу своей сущностной формы, или структуры») – пишет современный американский философ Майкл Митиас [2, с. 59]. Никак не поддерживая объективный идеализм, все же отмечу его верные утверждения относительно познавательных возможностей человека:

“The objects of experience are *depths of being*. Their essence is hidden within their depth. It is revealed in the process of knowing or explaining the nature of the world as an ordered

whole…” [2, с. 57]. (Перевод: Объекты опыта – это *глубины бытия*. Их сущность скрыта в их глубине. Она раскрывается в процессе познания или объяснения природы мира как упорядоченного целого).

* * *

Сила сознания человека – это сила всей Вселенной. Предмет познания зависит от моего избирательного интереса или иных мотивов, релевантных в том или ином отношении. Количество нервных связей в мозгу человека сравнимо с количеством протонов во вселенной. Я могу познавать и тайны – *как тайны.* Наука – область раскрытия глубочайших тайн реальности. Чтó я «нé могу знать», – так, скорее, поставлен вопрос у самого Канта.

Чтобы отвечать более развернуто, необходимо сначала объяснить или установить, что такое *знание* и *незнание*, поскольку у Канта акцент ставился на ограниченности способностей разума. Первое предлагается понимать следующим образом.

Знание можно охарактеризовать как *обнаружение* и *принятие* («понимание», т.е. «имение», присвоение) *бытия, участие* человека в конкретном существовании объекта так, что он (объект) оказывается замещенным, а точнее, он презентирован, *представлен* (vorgestellt), обо*значен* идеальным образом (в обоих смыслах слова «образ» и в обоих смыслах слова «идеальное»)[1].

Что касается второго – незнания, – это не только отсутствие или недостаток информации. Это другая сторона осмысления и в особенности *уточнения* знания в познавательном процессе.

Уже приходилось подчеркивать, что в ходе логической операции *классификации* в виде «древа Порфирия»

[1] Впервые приведено в: Тайсина Э. А. К определению знания // Феномены природы и экология человека. М-лы межд. симпозиума. Казань, 1997.

(«деления надвое»), путем ограничения, познание стремится к «точке» – последнему, индивидуальному понятию. В ходе этого дихотомического деления все отрицательные понятия (бестелесный, неодушевленный, бесчувственный, неразумный) остаются вне любого анализа. Это, так сказать, «отрицательная логика». В безграничном поле существующего не-опознаваемого не-знания выделяется, «дистиллируется» частица верного знания – единичное понятие. Сократ. Платон. Вергилий.

Приводя второй и третий ответы, выскажусь кратко: я могу *надеяться* и надеюсь на разум и добрую волю человека. Жан Жак Руссо в «Эмиле» и в «Рассуждение о неравенстве» представил такую максиму: Люди злы, но человек добр.

Еще Сократ считал этические добродетели различными видами знания; разум для него был не только орудием мысли, но и основой нравственной жизни, этической ценностью. Такое сближение интеллекта и морали и ныне не кажется мне ошибочным.

Хорошо известно, что Аристотель в «Никомаховой этике» ввел различие между практическим и теоретическим разумом (VI 8 1143a35–b5). В трактате «О душе» высшей добродетелью для созерцательной части души он назвал мудрость (sophia – теоретическая мудрость), а для рассуждающей части – phronêsis (практическая мудрость). Вместе эти две способности составляют интеллектуальную добродетель.

В тесной связи с этим – надо *верить* в себя и человеческую солидарность. Эта вера определит любой мой *поступок* как моральный.

Далее, здесь нужно вспомнить ответы на четвертый вопрос *самого Канта* в “Естественной истории и теории неба”. Ср.:

«Довольно рано развиваются у человека те способности, при помощи которых он может удовлетворять потребности, вызываемые его зависимостью от внешних вещей. У некоторых людей развитие на этой ступени и останавливается… Кажется, что человеческое существо создано для того, чтобы подобно растению впитывать в себя соки и расти, продолжать свой род, наконец, состариться и умереть. Из всех существ человек меньше всего достигает цели своего существования, потому что он тратит свои превосходные способности на такие цели, которые остальные существа достигают… гораздо надежнее и проще» [1, с. 249].

Сопоставим это с мнением других философов: как классиков, так и современных мыслителей.

Человек – существо (такое-то)

Человек – существо разумное.

Sapiens – дефинитивный признак человека – это латинское прилагательное III склонения, имеющее одинаковое окончание для мужского, женского и среднего рода, переводится как «обладающий/щая/щее разумом». Это *субстантивированное* прилагательное, как по-русски «учёный» или «мудрый»; я полагаю, только оно и объединяет интеллект *и нравственность*. *В НОРМЕ.*

Человек есть “*animal implume, bipes, latis unguibus*”. Средневековая эта формула – перевод на латынь анекдота о Платоне и молодом кинике. От схоластов мы получили в наследство практически того же самого древнегреческого петуха: человек – двуногое существо с плоскими ногтями и без перьев.

Схоласты упустили, правда, еще и мелодичный голос.

Кроме того, это существо смеющееся (Владимир Соловьев), символизирующее (*animal symbolicum* Кассирера), играющее (*homo ludens* Эрика Эриксона и Йохана Хёйзинги). А также это существо обещающее. (Ницше). А

сверх того, существо скучающее. (Фромм). И эгоистическое. Последнее не хорошо и не плохо, это *так*.

Вот знакомая языковая игра.

– Привет!.. Ой (ох, ах), я не слишком рано (не вовремя) пришёл (пришла, звоню, позвонил)?

– Нет, мы уже встали (еще не ложились, с утра на ногах, я как раз собралась, всё в порядке, он уже на работе) и т. д. Aka: Ладно, мы уж встали, а то конешно, нужон ты тут, коли б ещё почивали!

Почему эта грубость успокаивает, а не обижает пришедшего?

Это простейшая обыденная иллюстрация чистой монеты эгоизма, или, как прежде говаривали, *эготизма*. Понятно, что гость доволен тем, что не повредил эгоисту, иначе – … …

Оба или все коммуниканты с детства обучены обмену формулами вежливости; но *подсердечно* они также *знают*, что эти формулы – обход природного эгоизма ради поддержания хороших отношений, необходимых в общежитии. Если бы это было не так, простодушный ответ природного альтруиста звучал бы иначе: «Да, вы вторглись в мою приватность (ты помешал, разбудил, прервала, отвлекли), но я так рад!» (Счастлива! Довольны!) и т. п. Это, кстати говоря, был бы и правдивый ответ, в силу природного стремления человека и быть в уединении, и в группе единоплеменников, а лучше единомышленников.

Добрейший В. В. Розанов рассматривал этот вопрос. «Эгоизм – не худ; это кристалл (твердость, неразрушимость) около «я». И, собственно, если бы все «я» были в кристалле, то не было бы хаоса, и, след., «государство» (Левиафан) было бы почти не нужно» [3, с. 91].

* * *

Все же – что такое человек? Это существо, обладающее следующими признаками: 1) особая конституция (например, анацефал – это не человек); 2) способность жить в городе-государстве (*дзоон политикон* Аристотеля); 3) разумность (дефинитивный признак); 4) особый дар: членораздельная речь (собственный признак). Аристотель:

> «Что человек есть существо общественное в большей степени, нежели пчелы и всякого рода стадные животные, ясно из следующего: природа, согласно нашему утверждению, ничего не делает напрасно; между тем один только человек из всех живых существ одарен речью» [4, с. 379].

Но животные в своем роде обладают всем тем же самым; разница в степени. Многие из них имеют четыре конечности и голову; многие живут в стадах и стаях; многие (приматы, слоны, дельфины) обладают мышлением; наконец, животные общаются при помощи разнообразных сигналов, причем их «язык» может насчитывать сотни и тысячи единиц (в отличие от, например, наших студентов, когда они с лекции отправляются в рекреацию).

Тогда – остается единственное различие: изготовление орудий труда и войны.

Бенджамин Франклин определял человека как “a tool-making animal”, как «животное, делающее орудия». (Маркс. Капитал, гл. V.)[1].

Вспомним еще: «Как… были бы возможны открытия учений, изобретения наук, собрания граждан, сооружения зданий и многие другие дела…? Все это… зависит в принципе не столько от силы ума, сколько от руки, органа органов». Нет, это не Энгельс. Это Джордано Бруно.

[1] «Паук совершает операции, напоминающие операции ткача, и пчела постройкой своих восковых ячеек посрамляет некоторых людей-архитекторов. Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы …отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил её в своей голове..., т. е. идеально». Маркс. Капитал, гл. V.

«Тайна Пегаса с приложением Килленского осла». Диалог второй [5, с. 492]. Но и Энгельс писал похожим образом[1].

Это замечательное отличие; однако не забудем о волне «цифрового цунами». Компьютеры проходят глубокое обучение прямо сейчас, и они способны к производству, хотя не обладают естественной силой человеческой руки или человеческого ума. Как сказал В. А. Лекторский, выступая в сентябре 2024 г. на IV Конгрессе Российского общества истории и философии науки, состоявшегося в Вологде: настало время выделить и *четвертую* форму рациональности, т. е. *цифровую* (огромный объем памяти, исчисление «больших данных» и т. д.). Отвечая на вопрос И. Т. Касавина – «рациональность» искусственного интеллекта это рациональность ли? – я бы сказала: да, это, несомненно, рациональность. *НО НЕ РАЗУМ*.[2]

Категория человека и человек как genus

Единство онто- и филогенеза человека роднит его со всем живым миром Земли. Однако, например, такой философ как Хайдеггер предлагал отвлечься от этого обстоятельства:

> «Сверх того и прежде всего надо еще наконец спросить, располагается ли человеческая сущность – а этим изначально все решается – в измерении живого, animalitas» [6, с. 321].

Ответ: нет, человеческая сущность принадлежит иному царству, нежели человеческая природа; Reason is the

[1] «Число и общее расположение костей и мускулов одинаковы у обоих, и тем не менее даже рука первобытнейшего дикаря способна выполнить сотни работ, недоступных никакой обезьяне. Ни одна обезьянья рука не изготовила когда-либо хоть бы самого грубого каменного ножа». Энгельс. Роль труда в процессе очеловечивания обезьяны.

[2] В этом месте устного доклада я добавила: у машины же ни стыда, ни совести. ☺

Essence of Human Nature (Mitias); именно поэтому любой из нас есть существо драматическое, чья природа принадлежит материальному, а сущность – идеальному миру.

«Каковы отличительные признаки человеческого в человеке? *Разум, воля и сердце*», – полагал Л. Фейербах. «В воле, мышлении и чувстве заключается *высшая, абсолютная сущность человека* как такового и единственная цель его существования» [7, с. 25].

В этом же ключе мыслит и современный философ:

> "…The unity of intellectual, affectional, and volitional capacities is the ontic source of its rational nature, and this nature is in turn the ontic source of the rationality of the actions human beings perform" [6, с. 51].

(Перевод: …Единство интеллектуальных, аффективных и волевых способностей является онтическим источником его рациональной природы, а эта природа, в свою очередь, является онтическим источником рациональности действий, совершаемых людьми).

Но это опять-таки не то… или не всё… предупреждал же Хайдеггер: человек считается «разумным живым существом», animal rationale. Эта дефиниция не ложна. … Мы всегда сумеем при этом высказать о человеке что-нибудь верное. Но… человек тем самым окончательно вытесняется в область animalitas, даже если его не приравнивают к животному, а наделяют каким-нибудь специфическим отличием». (Как допускает сам этот философ, «способностью оперировать понятиями» или «способностью пользоваться категориями»). Однако тогда человек «не домысливается до humanitas» [6, с. 320]. Известно предложение самого Хайдеггера: человек – это стояние в просвете бытия.

Более вразумительно предложение М. Митиаса:

"…It is in principle impossible for the human mind to perform a predominantly intellectual, affectional, or volitional act, singly or independently, because the mind is not composed of compartments" [2, с. 51]. (Перевод: …в принципе невозможно, чтобы человеческий разум выполнял преимущественно интеллектуальный, аффективный или волевой акт, отдельно или независимо, потому что разум не состоит из отдельных отсеков).

Однако все же это не определения человека, а характеристики, описания, примеры, т.е. приемы, заменяющие определение. Джон Локк в свое время даже назвал идею человека «неясной и спутанной».

«Представьте себе, что в сумерки или во время густого тумана вы видите два предмета, стоящие прямо и имеющие приблизительно размеры и очертания обычного человека. …Вы не можете видеть, что в действительности один из них – статуя, а другой – человек. Разве это не две неясные и спутанные идеи?» [8, с. 387].

Это отрывок из Ответа на Второе письмо епископа Вустерского. В Ответе на Третье письмо язвительный Локк парирует критику лорда Стиллингфлита, aka епископа:

«Я думаю, что вы первый, кто предполагает, что человек может быть настолько безрассудным, чтобы подвергать сомнению, является ли он человеком или нет, и в то же время настолько рассудительным, чтобы его можно было считать способным поддаться убеждению в этом или в чем-либо ином посредством увещаний разума. Это, думается мне, немногим отличается от предположения, что человек может быть в одно и то же время в своем уме и не в своем уме» [8, с. 417].

В «Опыте» Локк утверждал, что «человек» является *номинальной сущностью вида*, который мы *так называем*.

«Общее и всеобщее – это создания разума. <Они> … *изобретены* и *созданы разумом* для его собственного употребления и *касаются только знаков* – слов или идей»[1].

[1] Джон Локк. Опыт о человеческом разумении. Пер. А. Н. Савина. Сочинения в 3-х т. – Кн. III. Гл. I. О словах, или о языке вообще. – М.: Мысль, 1985. – С. 470.

Однако все же автор наилучшей и наиболее полной материалистической гносеологии эпохи Просвещения полагает, что идея человека не останется фатальным образом без осознания ее содержания, анализа дефинитивных свойств и без обретения устойчивого определения.

«Я не отрицаю, а, наоборот, утверждаю, что я могу иметь ясную и отчетливую идею человека…, хотя бы люди не пришли еще к согласию относительно определенной идеи, замещением которой должно являться слово «человек» [8, с. 421].

Пока же, на мой взгляд, неотразимым является понимание человека великим Демокритом. Секст Эмпирик, наилучший из скептиков, однако, отнесся к нему более чем критично: Фр. 263. *Секст adv. math.* «Демокрит… попытался высказать мысль [дать понятие о человеке], но не мог сказать ничего большего, кроме неискусного определения, [а именно], он сказал: «Человек есть то, что все мы знаем» [9, с. 148].

У самого Секста во «Второй книге Пирроновых положений» добавлено: «Так, Демокрит говорит, что человек – то, что мы все знаем. Но так не узнаем человека… некоторых же людей мы не знаем, поэтому они не будут людьми» [10, с. 264].

Заключение

«Человечество затратило колоссальные усилия для того, чтобы выработать общее понятие человека… Понимание единого человечества, а, следовательно, и общее понятие человека окончательно выработалось только в XIX веке…» [11].

Может быть, я ошибаюсь, но это понятие – Homo sapiens.

Может ли тогда кто-то другой (смышленое животное или машина) быть sapiens?

По-моему, не может.

Если, по Боэцию (и Порфирию) дефинитивный признак из всех собственных самый собственный, как он может покинуть свой вид?

Никак. Ему незачем покидать свой вид. В любом определении субъект (S) и объект (O) по объему совпадают.

Литература

1. *Кант, И*. Соч. в 6-ти т. – Т. I. – М., 1963.
2. *Mitias, Michael H.* Human Dialogue. Peter Lang GmbH. Internationaler Verlag der Wissenschaften. Berlin 2023. – 201 p.
3. *Розанов, В. В.* Уединенное. – М.: Изд-во полит. литры, 1990. – 542 с.
4. *Аристотель*. Политика. – Соч. в 4 т. М., 1984. Т. IV.
5. *Бруно, Джордано*. Тайна Пегаса с приложением Килленского осла // Диалоги. – М., 1949
6. *Хайдеггер, М*. Письмо о гуманизме // Проблема человека в западной философии. – М., 1988.
7. *Фейербах, Л.* Сущность христианства. Соч., в 2-х т. – М.: Наука, 1995. Т. II. – 425 с.
8. *Локк, Д*. ОТВЕТ г. Локка на возражения его высокопреподобия лорда епископа Вустерского… // Избранные философские произведения. В 2-х т. – М.: Изд-во соц.-эк. лит-ры, 1960. Т. II. – 532 с.
9. Материалисты Древней Греции. – М., 1955. – 238 с.
10. *Секст Эмпирик*. Три книги Пирроновых положений. Соч., в 2-х т. Т. II. – М.: Мысль, 1976. – 421 с.
11. Кантиана. Изд-во БФУ. https://kantiana.ru/universitys/kant300/filosofiya-kanta/

Appendix. Хайдеггер, «Письмо о гуманизме»: «Отвага состоит не в том, чтобы вступить в спор и говорить нечто новое, но в том, чтобы, вступив в него, говорить *то же самое.* «Каждый раз давать слово этому пребывающему и в своём пребывании ожидающему человека наступлению бытия есть единственное дело мысли. Поэтому существенные мыслители всегда говорят то же самое. Что, однако, не значит: говорят одинаково... Скрыться бегством в одинаковость безопасно. Отважиться на спор, чтобы сказать то же самое, в этом вся опасность».

Впервые опубликовано в:
Иммануил Кант и современность.
М-лы межд. междисц. н-обр. конф.
«XI Садыковские чтения»
Казань, изд-во КФУ, 2024. – С. 413–424.

МНОГОЗНАЧНАЯ ЛОГИКА ЗИНОВЬЕВА И ПАРАДОКСЫ ИСТИННОСТИ

Статья посвящена столетию со дня рождения русского философа и логика Александра Александровича Зиновьева (1922–2006).

Аннотация. Широко обсуждаемые в логике, эпистемологии и гносеологии как общей теории познания феномены истины, истинности, правдивости и правдоподобия получили множество интерпретаций – и ни одной общепризнанной.

Дискуссии наталкиваются не только на узкотехнические, операциональные проблемы исчисления предикатов и/или высказываний, но и на логико-гносеологические, одна из которых ставит под сомнение максиму «логика – дом истины», а другая высвечивает нестрогость противопоставления значений «истина – ложь» как основных категорий двузначной логики. Эти оценки

высказывания не противостоят друг другу в смысле противоречия. Истинность и ложность – контрарные (противоположные), но не контрадикторные (противоречивые) понятия; контрадикторными являются истина и не-истина. Следовательно, имеется не только возможность, но и реальная действительность существования поля, или зоны, перехода между значениями «истина – ложь».

Ключевые слова: истина, истинность, вероятность, правдоподобие, многозначная логика

MULTIPLE-VALUED LOGIC OF ZINOVEV AND PARADOXES OF VERITY

Abstract. The phenomena of truth, truthfulness, veracity and ‘truthiness’ discussed widely in logic, epistemology and gnoseology, have received many interpretations – and not a single one to be generally accepted.

Discussions run up not only on narrow technical, operational questions of the predicate calculus, but also on logic-gnoseological problems, one of which casts doubt on the maxim “logic is the house of truth”, and the other highlights the laxity of the opposition of “truth – falsehood” meanings as the main categories of the two-valued logic. These evaluations of the statement do not oppose each other in the sense of a contradiction. Truth and falsehood are controversial, but not contradictory concepts; it is truth and non-truth that *are* contradictory. Therefore, there is not only a possibility, but also a reality of the existence of a field, or zone, of the transition between the values “true – false”.

Key words: truth, truthfulness, probability, ‘truthiness’, many-valued logic

Введение

Двадцатый век открыл множественность логик. Появились интеррогативная, интуиционистская, воображаемая и вероятностная логика, «логика микромира», логика норм и оценок и даже темпоральная логика. Все эти новые логические концепции по-разному дополняли двузначную логику, связанную с именем Аристотеля, действуя и как теоретические системы, и как инструментарий – а зачастую были нацелены на опровержение её.

Очерк многозначной логики был написан А. А. Зиновьевым в 60-х гг. XX века и, в частности, опубликован в сборнике «Проблемы логики и теории познания» под ред. проф. И. С. Нарского [1].

Пафос этого произведения понятен: познакомить отечественного читателя с новым, отдельным направлением логики и дать представление об изменении общих вопросов логики, впервые возникающих или переосмысливаемых в связи с возникновением логики многозначной.

Известно, что еще в 20-е – 30-е гг. идеи трехзначной логики, как и соответствующие построения систем со значениями истинности более трех, были высказаны знатоком Аристотеля, одним из предтеч неклассической логики Яном Лукасевичем [2], и Альфредом Тарски с его «“Р” истинно, если Р». Лукасевич пришел к идее трехзначной логики, исследуя модальные суждения (позже он построил четырехзначную логику, сохранив пропозициональное исчисление). Однако А. А. Зиновьев в своем очерке не просто утверждает, что высказывания могут принимать несколько значений (по Лукасевичу, истинностные значения – это степени вероятности высказываний). Зиновьев обращается к проблеме универсальности или, наоборот, неуниверсальности логики и ее законов в связи с тем, что «можно построить любое число многозначных матриц, «оправдывающих» исключение любого закона классической логики» [1, с. 201]. Ведь эти законы суть «соглаше-

ния относительно свойств и взаимоотношений вводимых… знаков и следствия из этих соглашений» [1, с. 201].

Однако если работы неопозитивистов привели к приоритету конвенционализма в науке, то в очерке А. А. Зиновьева указывается, что, хотя соглашения о смысле логических знаков нельзя считать вечными, этот факт «не влияет на решение вопроса об универсальности логики: некоторое стабильное состояние предполагается при любом его решении» [1, с. 198].

В нашу задачу входит краткое обсуждение нескольких эпизодов восстания против аристотелевской логики, «бегство» от которой хорошо вписывается в общее «бегство от науки» и даже «бегство от реальности», – и не только сегодня, и не только в трудах постмодернистов. В этом восстании с прошлого и позапрошлого века участвовали такие серьезные ученые как Г. Фреге, Я. Лукасевич, казанский логик Н. А. Васильев; но стало ли это реальной отменой законов логики, начиная с исключенного третьего, и что именно травмирующего содержится в двузначной логике? Обсудим это.

I. Логика – дом истины?

Установление той «местности», где истина была бы «у себя дома», не так просто, как кажется.

На первый взгляд, абсолютный характер истины (ибо истина не может быть «только» относительной: тогда это не истина) подсказывает, что ее местоположение – среди богословских догматов, в философской теории познания и, возможно, в математике. Религиозные верования в данной статье не рассматриваются. Эпистемологические работы новейшего времени сами поставили под сомнение возможность непротиворечивого существования истины. Что касается математики – несмотря на строгую выводи-

мость всего содержания, ее основания получены интуитивно и эмпирически.

I.1. Контроверзы истинности

Истина полна противоречий: она и результат познания, и процесс ее достижения; она субъективна, поскольку принадлежит сознанию человека, и объективна по содержанию; она абсолютна, но вместе с тем и контингентна. И, как было не раз сказано, она многолика, существуя в разных ипостасях. Так, для науки это обоснованная достоверность; для искусства или религии – ощущение непосредственного личного эмоционального погружения в ситуацию здесь-и-теперь-бытия-сознания; в политике это конвенция, договоренность; в экономике – профит, прибыль. В аксиологии истина (правда) – это ценность, а в праксеологии – это эффективная применимость. В аналитической философии объективированность истины отступает перед методологической (нормативной) правильностью. С точки зрения материалистической гносеологии – и психологии – свойством «быть истинным», то есть так или иначе соответствовать своему референту, характеризуется в целом человеческое сознание; однако не любое конкретное знание (суждение, высказывание, предложение) истинно. А то, что эпистемология выставляет в оппозицию «корреспонтентной» (материалистической) теории истины, а именно, внутренняя когерентность (все высказывания теории должны быть внутренне взаимосогласованы), – делает теорию внутренне когерентной – и только, не давая и не имея выхода к объекту познания, то есть объективной действительности.

Заметной вехой на пути ниспровержения истины явился 2016 год. Оксфордский словарь опубликовал ныне широко тиражируемое и обсуждаемое определение «слова года», *post-truth. Пост-истина*: относящаяся к обстоя-

тельствам или обозначающая обстоятельства, при которых объективные факты оказывают меньшее влияние на формирование общественного мнения, чем апелляции к эмоциям и личным убеждениям.

I.2. Новейший поход против истины.

Исследователи явления «пост-истины» отмечают особую притягательность как термина, так и явления, которое за ним стоит: не то чтобы сегодня истина была совсем изъята, но она может затмеваться, становиться нерелевантной, отодвигаться в тень при помощи термина ‘truthiness’, правдоподобие – того, что *ощущается* как истина. Факты сохраняют значение, но их всегда можно затенить, отобрать, представить в таком контексте, который удовлетворяет нашей собственной интерпретации истины [3, 4].

Парадоксально уже то, что инструментарий для такой подвижки возник в двадцатом веке – казалось бы, веке науки, ведь 90 % когда-либо живших ученых и 90 % когда-либо сделанных открытий пришлось именно на этот век… Но технология изобретения пост-истины сначала применялась в иной области.

Современный американский философ Ли МакИнтайр приводит такие примеры. В 50-е годы XX века табачные компании осознали, что в их интересах посеять сомнение по поводу распространившегося в прессе утверждения медиков относительно того, что курение вызывает рак легких. История конструирования «альтернативных фактов» началась в 1953 году в отеле «Плаза», в Нью-Йорке. Главы крупнейших табачных концернов собрались под предводительством знаменитого пиарщика Джона Хилла, чтобы прекратить спор между собой по поводу наименьшего вреда от сигарет и начать борьбу с медицинской наукой, спонсируя «дополнительное исследование». И это сработало – и действовало более сорока лет! Tobacco Industry

Research Committee убедил публику, что не существует достаточных доказательств связи курения и рака и что необходимо дальнейшее изучение вопроса. Как сформулировал Ari Rabin-Havt, один из разоблачителей этой диверсии, «наша продукция – сомнение» [4, с. 21–23].

Свои примеры приводит другой известный ученый, профессор Джулиан Баджини – редактор-основатель американского «Философского журнала». Есть «ревнители истины», которые утверждают, что 11 сентября 2001 года было провокацией спецслужб; что высадка человека на луну срежиссирована киношниками; что холокоста не существовало; что жир вреднее, чем сахар; что глобальная температура за последние две декады вообще не поднималась, и что миром управляет секретное общество “Illuminati”, вероятно, состоящее из ящероподобых инопланетян [3, с. 34]. По крайней мере, ясно, что борьба с истиной и борьба с наукой со стороны не-экспертов – например, по проблемам изменения климата, пользе вакцин, эволюционной теории – совпадают.

> «Люди, отрицающие антропогенное изменение климата,… не просто не заинтересованы в доказательствах. Скорее, они усвоили неправильные уроки об ошибочности научных моделей и прогнозов, поэтому неверно рассчитали вероятность того, что человеческая деятельность опасна для планеты» [3, с. 58].

Теперь под вопрос встает не только возможность существования *знания* о реальности, но *самой* этой реальности. Ибо тот, кто контролирует деньги и власть, всегда может «создать» желательную реальность и предложить ее, при полном содействии заинтересованных медиа, «маленькому человеку» [4, с. 103].

Есть те, кто лжет, и есть те, кому лгут; те и другие опасны для истины. Даже странно, что мы испытываем шок, если медиа предоставляют нам фейки, а не правди-

вые, объективные факты. Как это сказано у Баджини, «люди по-прежнему возмущаются ложью, как и прежде, что не имело бы смысла, если бы они не верили, что это неправда» [3, с. 6]. (Отдельный вопрос – что, если человек поверил фейкам?.. будут ли они для него правдой?)

Итак, в области политики, идеологии, «партизанских» СМИ истине не просто неуютно – она находится на чужой территории. Что касается нравственной сферы: мораль всегда принципиально двойственна, и цеховые, групповые принципы спорят с общечеловеческими основами. Эстетика, располагающаяся выше этики, поскольку меньше зависит от экономики, финансов, частного капитала и государственного заказа, равно рассматривает прекрасное и безобразное, оперируя именно этими категориями, а не куплетом «истина – ложь». Наука – о ней уже было сказано. В особенности сильно зависят от идеологического заказа социальные науки и практики, в частности, журналистика.

Где же все-таки – если не касаться религиозных верований – находится подлинное местообитание, «дом» истины, если это не экономика/финансы, не политика/идеология, не этика/эстетика, не литература/искусство, не эмпирические науки?

Многие согласны в том, что, по крайней мере, в формальной логике истина действительно существует и может быть обнаружена.

II. Значения «истина – ложь» непротиворечивы?

О контроверзах истинности высказываний говорилось и говорится достаточно много. Но есть смысл добавить к обсуждению еще несколько соображений.

II.1. Об авторстве двузначной логики

Широко известно определение истины, данное Аристотелем в «Метафизике»: «Говорить о сущем, что его нет, или о не-сущем, что оно есть, – значит говорить ложное; а говорить, что сущее есть и не-сущее не есть, – значит говорить истинное» [5, с. 141]. Да и у Платона в «Кратиле» имелось такое суждение: «Тот, кто говорит о вещах в соответствии с тем, каковы они есть, говорит истину, тот же, кто говорит о них иначе, лжет» [6, с. 615]. Ныне еще шире известна максима Альфреда Тарски «“Снег бел” истинно, если снег бел», которая вызвала не меньше возражений, чем определение Аристотеля. Неклассическая логика всегда начинает с критики подобных дефиниций. Однако в нашем случае стоит обратить внимание на следующее. А. А. Зиновьев открывает свой «Очерк многозначной логики» упоминанием о том, что не Аристотель является автором двузначной логики, основанной на категориях «истина – ложь», а древнегреческий стоик Хрисипп. У «отца логики» предусматривался случай возможного третьего варианта, когда суждение/высказывание о будущем времени, даже если оно содержит оператор «необходимо», все же не является ни истинным, ни ложным: это знаменитое морское сражение, которое «необходимо состоится завтра».

Более пристальное внимание к замечанию Зиновьева по поводу Хрисиппа и его ключевой роли в утверждении двузначной логики приводит нас к следующей парадоксальной цепочке мнений.

Двузначную логику иногда называют аристотелевской, пишет Зиновьев.

> «Но, как справедливо заметил Лукасевич, принцип двузначности высказываний впервые сформулировал Хризипп, а не Аристотель… Хризипп же создал своего рода прообраз современной логики высказываний (пропозициональной логики), а по-

следняя немыслима без гипотезы о числе значений истинности…» [1, с. 114].

Открываем Лукасевича. Обнаруживается, что упомянутое Зиновьевым замечание касается четырех определений импликации:

C00 = 1, C01 = 1, C10 = 0, C11 = 1.

«Это значит: импликация ложна только тогда, когда ее *антецедент истинен* (выделено мною. – *Э.Т.*), а консеквент ложен; во всех других случаях она истинна. Это древнейшее определение импликации, установленное Филоном из Мегары и принятое стоиками» [2, с. 134].

Разъяснение того, что именно говорил Филон, является ссылкой на Секста Эмпирика на той же странице в сноске 1, следующего содержания.

«Секст Эмпирик. Против математиков, VIII, 113. “Филон учил, что истинное сочетание (истинная импликация) бывает тогда, когда *антецедент не истинный* (?!–выделено мною. – *Э.Т.*), а консеквент ложный, так что, согласно его мнению, истинное сочетание (истинная импликация) получается тремя способами, а ложное (ложная) – только одним”» [2, с. 134].

Замечу, что объяснение (студентам), каким образом, пусть формально, из истинного может следовать ложное, представляет серьезное дидактическое затруднение; приходится ссылаться на эмпирические науки, которые, имея исходный подтвержденный факт, не всегда могут сделать из него правильные выводы… Но в данном случае значительно серьезнее противоречие утверждений Лукасевича и Филона: *антецедент истинен* (Лукасевич) и *антецедент не истинный* (Филон). Счесть ли это типографской ошибкой, недосмотром корректора, произволом интерпретации?..

Открываем Секста Эмпирика. «Против ученых, Две книги против логиков. Книга вторая» [7].

«…Филон говорил, что импликация бывает истинной, кроме того случая, когда она начинается с истинного и кончается ложным, так что троякого рода… бывает истинная имплика-

ция и одним только способом она бывает ложной. Именно, начинаясь с истинного и кончаясь истинным, она истинна, как, например, «Если сейчас день, то есть свет». Начинаясь с ложного и кончаясь ложным, она истинна, как, например, «Если земля летает, земля имеет крылья». Также, начинаясь с ложного и кончаясь истинным, она истинна, как, например, «Если земля летает, то земля существует». Только тогда она становится ложной, когда, начинаясь с истинного, она кончается ложным, как, например, «Если сейчас день, то сейчас ночь». При наличии дня утверждение «Сейчас день» истинно, и оно является здесь предыдущим, а утверждение «Ночь есть» ложно, и оно здесь конечное» [7, т. I, с. 172].

Очень характерно оговоренное экстра-лингвистическое, экстра-логическое условие этого условного суждения: *При наличии дня.*

В другой работе, «Три книги Пирроновых положений. Книга вторая», Секст излагает этот пассаж более коротко:

«Филон говорит, что правильная связь – та, которая не начинается от истинного, чтобы кончиться ложным, как, например, выражение «если существует день, то я разговариваю», при условии, что будет день и я буду разговаривать» [7, т. II, с. 282].

Здесь удвоено условие этого условного суждения: 1) *если будет день,* 2) *я буду разговаривать.* Читай: ‘p’ истинно тогда и только тогда, когда p имеет место. (Никуда не деться от отягощения речи и мысли объективностью!)

К сожалению, в моем издании Секста Эмпирика не нашлось буквальной цитаты из сноски Лукасевича: «Против математиков, VIII, 113» (…когда *антецедент не истинный*, а консеквент ложный). В «Книге против арифметиков» такого обсуждения нет. Это дополнительная заминка рядом с действительно остро встающими вопросами: как могло произойти, что в отношении случая ложности импликации – то есть в случае ложности *консеквента* – у Лукасевича стоит «*антецедент не истинный*»? Может быть, потому, что у Филона, цитируемого Сек-

стом, сказано, что «правильная связь – та, которая *не начинается от истинного*»? Тогда это недочет переводчиков и комментаторов. Но более серьезно то, что ни Зиновьев, ни Лукасевич, приписывая честь утверждения двузначной логики Хрисиппу, – ни, по-видимому, сам Хрисипп – не обращают внимания на то, что, согласно Сексту, у Филона имелся оппонент в части обсуждения истинности и ложности импликации: это Диодор Крон, мегарик, *учитель* этого самого Филона.

> «Диодор… называет истинным такое умозаключение, которое, начинаясь с истинного, не могло и не может кончаться ложным. …Например, такое умозаключение: «Если сейчас день, то я беседую», при наличии дня и при факте моей беседы, по Филону, истинно… По Диодору же, оно ложно. Ведь оно, начинаясь с истинного «Сейчас день», может по прекращении моей беседы кончиться ложным «Я беседую»… Очевидно, и умозаключение «Если сейчас ночь, то сейчас день» – при наличии дня, по Филону, истинно, потому что… оно оканчивается истинным «Сейчас день», а по Диодору, оно ложно, потому что с наступлением ночи… оно может окончиться ложным «Сейчас день». …Становится затруднительным распознание верной импликации» [7, т. I, с. 172–173].

Суждение Филона «если существует день, то я разговариваю», кажется Диодору ложным, так как, если существует день, а его ученик замолчал, пропозиция началась истинным, а закончилась ложным. У А. А. Зиновьева подобный случай разобран в «Очерке».

> «Если учесть различие прошлого и настоящего времени, то возможны четыре значения истинности: 1) истинно вчера и сегодня; 2) истинно вчера и ложно сегодня; 3) ложно вчера и истинно сегодня; 4) ложно вчера и сегодня… Аналогично вводятся значения истинности с учетом настоящего и будущего времени…» [1, с. 170].

Секст в «Трех книгах Пирроновых положений» приводит еще один, более любопытный, пример; по Диодору,

«…следующая связь истинна: «если нет неделимых основных частиц бытия, то существуют неделимые основные частицы бытия», так как всегда, начинаясь от ложного: «нет неделимых основных частиц бытия», – она будет заканчиваться, по его мнению, истинным: «существуют неделимые основные частицы бытия» [7, т. II, с. 282].

Позвольте, – это Диодор?

Или Филон?

Секст Эмпирик, как видно, иронически, привлекает к этому пассажу ссылку на критиков, по мнению которых все высказанные связи ошибочны, а истинна следующая тавтология: «если существует день, то существует день». [Там же]. Секст заканчивает подлинно скептическим: «Разрешить такое разногласие покажется, вероятно, невозможным» [7, т. II, с. 283].

Не имея случая подробно рассматривать аргументацию Секста, остановимся на том, что многие авторы, прежние и нынешние, полагают родоначальником двузначной логики Филона-мегарика, проблематизирующего куплет «истина – ложь» в отношении импликативных заключений; очевидно, с подачи своего учителя Диодора Крона.

II.2. Нестрогость противопоставления значений основных категорий двузначной логики как противоречивых

А. А. Зиновьев дает следующую дефиницию новому тренду, по аналогии с определением двузначной логики.

«Многозначная логика есть область… логических исследований, в основе которых лежит принцип (гипотеза) многозначности высказываний: высказывания могут быть не только истинными и ложными, но могут иметь другие значения истинности; число значений истинности высказывания может быть больше двух (может быть любым конечным числом и даже бесконечным)» [1, с. 120–121].

Затруднения при оценке значений истинности возникали в отношении высказываний о будущих, ненаблюдаемых или несуществующих событиях, а также при оценке взаимоисключающих данных опыта, пишет Зиновьев [1, с. 121]. Да и в целом: принцип двузначности «*X или не-X*» уже нельзя записать в многозначной логике подобным же образом; потребуются другие утверждения «[X] = i^1 или [X] = i^2 или…» и т.д. Примечательно следующее утверждение Лукасевича – Тарского: «Истинностные значения суть действительные числа в интервале от 0 до 1 включительно… Тавтологии принимают значение 1, которое соответствует истине. Значение 0 соответствует ложности» [1, с. 126–127]. Однако мы хотим обратить особое внимание на то, что предикаты «истинность» и «ложность» *не противостоят друг другу как противоречивые*. Истинность и ложность – контрарные, но не контрадикторные понятия; *контрадикторными являются истина и неистина*. Это значит, что существует реальная, конкретная возможность обширной переходной сферы между значениями «истина – ложь». Так же точно между белым и черным есть не только серое; это, например, бледное; палевое; пепельное; это дымчатое, перламутровое, серебряное, стальное, асфальтовое и даже неведомый халькоген. Ведь действительно, между 0 и 1 лежит бесконечность (и это прекрасно знает, например, любой скрипач: между *до* и *ре* лежит далеко не только до-диез, как это произвольно было принято в «Хорошо темперированном клавире» в результате аппроксимации квинтового круга). А. А. Зиновьев также упоминает, и мы с этим всецело согласны, что истинностные, «отмеченные» (утверждающие) значения суть действительные числа в интервале от 0 до 1 включительно. Мы могли бы сказать, что 1 – это неизбежность, 0 – невозможность, а в этих пределах «возможно всё», поскольку возможно.

Важно также помнить, что, как и в «древе Порфирия», бесчисленные значения, и не обязательно отрицательные («неотмеченные»), существуют в терриконе «не-истины». Например, на английском языке логическая оппозиция «истина – ложь» звучит как “truth – falsehood”, т.е. не «ложь» (lie), а «фальшь». Ложь это обязательно преднамеренный обман, и она всегда предполагает аудиторию; фальшь – не всегда.

Зиновьев пишет далее:

> «…принцип двузначности есть утверждение «Всякое высказывание либо истинно, либо ложно», но не утверждения «Всякое высказывание либо истинно, либо не является истинным» и «Всякое высказывание либо ложно, либо не является ложным». [А] принцип многозначности состоит в допущении того, что число взаимоисключающих значений истинности может быть более двух» [1, с. 145].

Лукасевич вначале предположил, что третьим значением истинности будет «нейтрально». У Зиновьева в его «Очерке» показано, что трехзначная (и четырехзначная, и даже бесконечно-значная) логика есть фрагмент двузначной, и/или она сохраняет классическое пропозициональное исчисление, и все их тавтологии суть тавтологии двузначной логики [1, с. 125; 127].

Новая логика Зиновьева отправляется от двузначной с ее эквиваленцией, конъюнкцией, дизъюнкцией, импликацией и отрицанием; эти операции сохраняются и в многозначной логике, с особым вниманием к суждениям импликации и отрицания. Философ пишет: «Всякая гипотеза многозначности включает в себя: 1) указание (задание) множества значений истинности, которые принимают пропозициональные формулы; 2) признание того, что одна и та же формула не может сразу принимать два различных значения» [1, с. 134]. Не закон ли это исключенного третьего? Зиновьев говорит, что существуют такие значения истинности, которые второму условию не удовлетво-

ряют; вместе с тем ниже в тексте он доказывает, что закон исключенного третьего остается незыблемым для общего отрицания, а закон противоречия сохраняется даже и для частного отрицания [1, с. 194].

Однако блестяще парадоксальным нам представляется следующий радикальный вывод Зиновьева:

> «Двузначная логика оказалась хорошим средством логических исследований, сохраняющим значение и в условиях развития многозначной логики, по одной причине, на которую обычно не обращают внимания. Причина эта состоит в том, что двузначная логика фактически рассматривается как… однозначная. На самом деле в ней принимается одно и только одно значение истинности – «истинно». Второе же значение есть лишь отрицание первого…» [1, с. 162–163].

Уже одно это способно утверждать единство логики как науки.

В «Очерке» также подчеркивается, что логика является эмпирической наукой – в своих исходных основаниях, в источнике проблем, в критериях оценки теории. Структура пропозиций абстрагируется из эмпирически данных предложений, основных единиц языка.

> «…Построение двузначной и многозначной логики есть решение содержательной задачи; решение это осуществляется на языке, обладающем определенными логическими свойствами; строящиеся логические системы могут использоваться для экспликации этих свойств языка, но язык обладает этими свойствами до них и независимо от них» [1, с. 145].

Таково, мы бы сказали, семиотическое единство логики, лингвистики и онто-гносеологии, о котором писал Аристотель.

Заключение

В самых разных логических системах мы всегда имеем дело с понятиями высказывания, значений истинности, вывода и т.д., тем всякий раз подтверждая, что эти логические системы объединены в нечто целое не только со-

глашениями, но соответствием друг другу и объективному миру.

Значения истинности – это результаты сопоставления высказываний с фактическим положением дел. Все «значения истинности» суть свойства «вещных структур», т.е. языковых структур высказываний, и если известно, каково значение истинности данного высказывания, то известно и фактическое положение дел в интересующей исследователя области.

Однако, как подчеркивает Зиновьев, задача состоит не в том, чтобы возможно более полно описать логические средства языка и затем сделать открытие, что человечество успешно оперировало этими средствами «на протяжении веков и без помощи… логики!» Средства эти должны находить реальные *приложения*. «Они найдены для двузначной логики. Такого рода исследования ведутся и в отношении аппарата многозначной логики» [1, с. 178], который получает интерпретацию в той или иной предметной области.

А *истина в целом,* при всем ее богатстве, многоликости, разнообразии свойств, символической терминологии и концептуальных различий, во-первых, *существует*, а во-вторых, она есть именно *резидент* именно *логики*.

Да и в понятиях семантики повседневности: когда самый убеждённый противник существования истины заболевает, он идёт лечиться и принимает рецепт врача за непреложное руководство к действию; а самый красноречивый постмодернист, получив, например, вопиюще несправедливое обвинение, не пожимает плечами, говоря: «Это просто еще один нарратив, имеющий право на существование в ряду всех прочих нарративов», – а клянется в суде говорить истинную правду, только правду и ничего, кроме правды.

Литература

1. *Зиновьев А. А.* Очерк многозначной логики. Под ред. проф. И. С. Нарского // Проблемы логики и теории познания. – М. : Изд-во МГУ. – 1969. – С. 113–204.
2. *Лукасевич, Ян*. Аристотелевская силлогистика с точки зрения современной формальной логики / пер. с англ. И. И. Стяжкиной и А. Л. Субботина. Ред. и вступ. статья проф. П. С. Попова. – М. : Изд-во иностр. литры. – 1959. – 311 с.
3. *Baggini, Julian*. (2018). A Short History of Truth. Consolations for a Post-truth World. – Quercus Ed. Ltd. London, England. – 115 pgs.
4. *McIntyre, Lee*. (2018). Post-Truth. – MIT Press Essential Knowledge Series. – 216 pgs.
5. *Аристотель*. Метафизика. Соч.: в 4 т. – Т. 1. / ред. В. Ф. Асмус. – М: Мысль, 1975. – 550 с.
6. *Платон*. Кратил. Соч.: в 4 т. / пер. и общая ред. А. В. Лосева; прим. и коммент. А. А. Тахо-Годи. – Т. 1. – М., 1990. – 860 с.
7. *Секст Эмпирик*. Соч. в 2 т. / пер. и общая ред. А. В. Лосева; прим. и коммент. Т. В. Васильевой. – М. : Мысль, 1976.

Впервые опубликовано в:
М-лы межд. междисц. н-образоват. конф.
IX Садыковские Чтения. Памяти А.А. Зиновьева.
Казань, К(П)ФУ, 2022. – С. 117–130.
Соавт.: Э. Б. Миннуллина

ON TWO-VALUED AND MULTIPLE-VALUED LOGIC AND ON PARADOXES OF VERITY

This article is dedicated to the centenary of the Russian philosopher and logician Alexander Alexandrovich Zinov'ev (1922–2006).

Abstract. The phenomena of truth, truthfulness, veracity and "truthiness" discussed widely in logic, epistemology as theory of science and gnoseology as general theory of knowledge, have received many interpretations–and not a single one to be generally accepted. Discussions continue not only upon narrow technical, operational questions of the predicate calculus and/or propositions calculus, but also on logic-gnoseological problems, one of which casts doubt on the maxim "logic is the house of truth," and the other highlights the laxity of the opposition of "truth–falsehood" meanings as the main categories of the two-valued logic. These evaluations of proposition do not in fact oppose each other in the sense of a contradiction. Verity and falsity are controversial (opposite), but not contradictory (antithetical) concepts; it is truth and *non*-truth that *are* contradictory. Therefore, there is not only the possibility, but also the reality of the existence of a field, or zone, of transition between the values "true–false."

Keywords: two-valued logic, many-valued logic, truth, truthfulness, implication, probability, "truthiness."

INTRODUCTION

The twentieth century discovered the plurality of logics. Interrogative, intuitionistic, imaginary and probabilistic logic, the "logic of microcosm," the logic of norms and estimates, and even temporal logic have appeared. All these new logical conceptions complemented the two-valued logic in different

ways, acting both as theoretical systems and as tools and often aimed at refuting elementary logic.

An essay on multi-valued logic was written by a Russian logician Alexander Alexandrovich Zinov'ev in the 1960s and published in the collection *Problems of Logic and Theory of Knowledge*.[1] The pathos of this work is understandable: it aimed to acquaint the domestic reader with a new, separate direction of logic and to give an idea of the change in general questions of logic that first arise or are rethought in connection with the emergence of multiple-valued logic. Zinov'ev gives the following definition of a new trend, by analogy with the definition of two-valued logic:

> "Multiple-valued logic is an area [...] of logical research, which is based on the principle (hypothesis) of the polysemy of statements: statements can be not only true and false, but can have other truth values; the number of truth values of the proposition can be more than two (it can be of any finite number and even infinite one)"[2].

It is known that back in the 1920s–1930s the ideas of the three-valued logic, as well as the corresponding constructions of systems with truth values more than three, were expressed by the expert on Aristotle, one of the forerunners of non-classical logic Jan Łukasiewicz[3], and Alfred Tarski with his " 'P' is true if P."

Łukasiewicz, an author of the term "two-valued logic," arrived at the idea of *three*-valued logic by exploring modal judgments (later he built a four-valued logic while retaining the propositional calculus). He confessed in the "Preface" to

---

[1] Зиновьев А. А. [Zinov'ev, A. A.]. 1969. Очерк многозначной логики [Essay on Multiple-valued Logic]. In: Проблемы логики и теории познания [Problems of Logic and Theory of Knowledge]. Narsky, I. S. (Ed.). Moscow: Publishing House of Moscow State University.

[2] Ibid., 120–121.

[3] Łukasiewicz, J. 1957. *Aristotle's Syllogistic from the Standpoint of Modern Formal Logic*. Second edition enlarged. Oxford: Clarendon Press.

the second edition of his famous *Aristotle's Syllogistic from the Standpoint of Modern Formal Logic*: "I was not able to examine Aristotle's ideas of necessity and possibility from the standpoint of the known systems of modal logic, as none of them was in my opinion correct. In order to master this difficult subject I had to construct for myself a system of modal logic"[1]. He wrote in § 62 concluding the book:

> "Aristotle's propositional modal logic is historically and systematically of the greatest importance for philosophy. All elements required for a complete system of modal logic are to be found in his works: basic modal logic and the theorems of extensionality. But Aristotle was not able to combine those elements in the right way. He did not know the logic of propositions which was created after him by the Stoics; he tacitly accepted the logical principle of bivalence, i.e. the principle that every proposition is either true or false, whereas modal logic cannot be a two-valued system"[2].

However, Zinov'ev does not simply assert in his *Essay* that statements can take on several meanings (according to Łukasiewicz, truth values are degrees of probability of statements). Zinov'ev addresses the problem of universality or, conversely, non-universality of logic and its laws, due to the fact that "it is possible to construct any number of multiple-valued matrices that 'justify' the exclusion of any law of classical logic"[3]. After all, these laws are "agreements regarding the properties and relationships of the introduced [...] signs and the consequences of these agreements"[4].

Meanwhile, if the works of neopositivists led to the triumph of conventionalism in science and philosophy of science, Zinov'ev indicates instead that, although agreements on the meaning of logical signs cannot be considered eternal, this fact "does not affect the solution of the question of the

---

[1] Ibid., vii.
[2] Ibid., 205.
[3] Зиновьев, А. А. [Zinov'ev, A. A.]. 1969, op. cit., 201.
[4] Ibid.

universality of logic: a certain stable state is assumed at any of its solutions"[1].

Indeed, logic, let alone philosophical knowledge, explores general principles of cognition, which are prone to development as reality itself, but which in some basics came out unshakable. Our task is to briefly discuss several episodes of the dissent against Aristotelian logic, the "flight" from which fits well into the general postmodern "flight from science" and even "flight from reality" – and not only today, and not only in the writings of postmodernists. Since the last decades of the 19th century such serious scholars as Gottlob Frege, Jan Łukasiewicz, and Kazan logician Nikolai Vasiliev participated in this discussion; but did it become an abolition of the laws of traditional logic, starting with the law of excluded third, and what exactly traumatic is there in two-valued logic? Let us join the discussion.

1. IS LOGIC "THE HOUSE OF VERITY"?

Establishing the "locality" where truth would be "at home" is not as easy a task as it seems to be. At first glance, the absolute character of truth (for truth cannot be "only" relative: then it is not truth) suggests that its location is among theological dogmas, in the philosophical theory of cognition and often in mathematics. Religious beliefs are not considered in this article. As for mathematics, despite the strict derivability of the entire content, its foundations are obtained intuitively and empirically, so not absolutely. And as for the epistemological works of recent times–those have themselves questioned the possibility of not only eternal, but at least consistent existence of verity.

[1] Ibid., 198.

1.1. Truth controversies

Truth is full of controversies: namely, it is both the result of knowledge and the process of achieving it; it is subjective, since it belongs to the human mind, and objective in content; it is absolute, but at the same time contingent, let alone the discussions of existence of any verity at all. And, as has been said more than once, truth has many faces, playing multiple roles, existing in different guises. Thus, for experimental science, verity is a reasonably justified certainty; for art or religion, truth is the feeling of immediate personal emotional immersion in the situation of here-and-now-being-consciousness; in politics, it is a convention, an agreement; in the economy it is profit, a surplus income. In axiology, truth (verity) is a value, and in praxeology it is an effective applicability. In analytical philosophy, the objectification of truth recedes before methodological (normative) correctness. From the point of view of materialistic gnoseology–and psychology–the property of "being true," that is, in one way or another, corresponding to its referent, characterizes human consciousness as a whole; however, not any specific knowledge (judgment, statement, sentence) is true. And the argumentation (tenets) which epistemology opposes to the correspondence (materialistic) theory of truth, namely, *internal coherence* (all statements of the theory must be internally mutually consistent), makes the theory internally coherent–and no more, neither giving nor even having any access to the object of knowledge, that is, to objective reality.

The year 2016 was a significant milestone on the path of overthrowing the truth. The *Oxford Dictionary* has published the now widely circulated and debated definition of the word of the year, *post-truth*. Post-truth: Relating to circumstances or denoting circumstances in which objective facts have less in-

fluence in shaping public opinion than appeals to emotions and personal beliefs.

1.2. Newest public campaign against truth

Researchers of the phenomenon of "post-truth" confirm the special attraction of both the term and the phenomenon that stands behind it: not that today the truth is completely redundant, but it can be overshaded, become irrelevant, move into the shadows with the help of the term "truthiness," credibility–that is, what *feels like* the truth. Facts retain their meaning, but they can always be obscured, taken away, presented in a context that suits one's own interest in self-interpretation of the truth[1]. Thus truth turns to "truthiness."

It is already paradoxical that the tools for such a shift arose in the twentieth century–it would seem, the century of science, because 90 % of the scientists who have ever lived and 90 % of the discoveries that have ever been made took place in that century. But the technology of inventing post-truth was first applied in another area. Contemporary American philosopher Lee McIntyre provides such examples. In the 1950s, the tobacco companies realized that it was in their interest to cast doubt on the medical claims circulating in the press, that smoking caused lung cancer. The history of constructing "alternative facts" began in 1953 at Plaza Hotel in New York. The heads of the largest tobacco companies gathered under the leadership of the famous PR-man John Hill to end the dispute over the worst or least harm from cigarettes and start joint fighting medical science instead, by sponsoring "additional research." And it worked–and has been working successfully for more than forty years! The Tobacco Industry

[1] McIntyre, L. 2018. *Post-Truth.* MIT Press Essential Knowledge Series; Baggini, J. 2018. *A Short History of Truth. Consolations for a Post-truth World*. Quercus Ed. Ltd. London, England.

Research Committee convinced the public that there was yet not enough evidence linking smoking and cancer and that further research was needed[1].

> "Science denial can start from either economic or an ideological agenda. Most commonly, it is kicked off by those who have something to lose, and is later carried out by those who get caught up in their campaign of misinformation […] on a range of topics [that] has influenced political positions on climate change, guns, immigration, health care, the national debt, voter reform, abortion, and gay marriage"[2].

As Ari Rabin-Havt, one of the whistleblowers of this sabotage, put it, "Doubt Is Our Product." Another well-known scholar, Professor Julian Baggini, the founding editor of the *American Philosophical Journal*, gives such examples. There are "zealots of verity" who claim that September 11, 2001 was a provocation punched through by the secret services; that the landing of a man on the moon is staged by filmmakers; that the Holocaust did not ever exist; that fat is more harmful than sugar; those global temperatures have not risen at all in the past two decades, and that the world is run by a secret society, the *Illuminati*, most probably consisting of lizard-like aliens[3].

At least it is clear that the fight against truth and the fight against science on the part of non-experts–for example, concerning troublesome climate change, or the benefits of vaccines, or evolutionary theory–do coincide.

> "People who deny anthropogenic climate change […] are not simply uninterested in evidence. Rather, they have learned the wrong lessons about the fallibility of scientific modelling and prediction, so miscalculated the probability that human activity is dangerously warming the planet"[4].

Now, not only the possibility of the existence of knowledge about reality, but this reality itself, is called into

[1] McIntyre, L. 2018, op. cit., 22–23.
[2] Ibid., 21.
[3] Baggini, J. 2018, op. cit., 34.
[4] Ibid., 58.

question. For whoever controls money and power can always "create" the desired reality and offer it, with the full cooperation with interested media, to the "little people"[1].

All the fearful times including wars and pandemics bear witness that everything said about post-truth is the unfortunate bare truth. There are those who lie and there are those who are lied to; both are dangerous to the truth. It is even strange that we are shocked on finding out that the media provide us with fakes and not true, objective facts. As Baggini puts it, "People remain as outraged with lies as they have ever done, which would make no sense if they did not believe they were untrue"[2]. (A separate issue, that of knowing and believing, is: There are countless people who lie to themselves, and willingly; what if a person believes fakes? Will they be true for him/her?)

Thus, in the field of politics, ideology, partisan media, the truth does not just feel uncomfortable: it finds itself in someone else's territory. As for the sphere of ethics: morality is always fundamentally ambivalent; guild and group principles argue with universal human foundations. Aesthetics which is located above ethics, since it is less dependent on the economy, finance, private capital and government orders, considers mutually equally the beautiful and the ugly, operating with these categories, and not with the couplet "verity–falsity." Science has already been spoken of. It is never protected against errors bound with manifold factors. In particular, the social sciences and practices, most of all journalism, are always biased, depending strongly on the ideological order, and "truthiness" stays in these spheres for truth.

Where, after all–apart from religious beliefs–is a true habitat, the "home" of verity, if it is not economics/finance, nor politics/ideology, nor ethics/aesthetics, nor literature, art, nor

[1] McIntyre, L. 2018, op. cit., 103.
[2] Baggini, J. 2018, op. cit., 6.

empirical sciences? Contemplations on the nature and essence of truth are the core "Sorge," Care, and the main mission, of *philosophy*. It is evidently needless to analyze or even enumerate the whole multitude of philosophical approaches (and the resulting intellectual products) to the problem of truth and its essence. For example, *Stanford Encyclopedia* offers dozens of thoroughly elaborated articles on the topic: correspondence theory, coherence theory, identity theory, redundant theory, pragmatist theory, etc., etc. Old conceptions binding mind and reality today give way to minimalism:

> "Despite of the 'aura of peculiar depth and obscurity' that surrounds our concept of truth, the most important trend of the last fifteen [now twenty – E.T.] years has been away from traditional approaches, which have taken for granted that truth is some sort of 'substantive' property […] and towards the development of so-called *deflationary* theories in which that assumption is rejected"[1].

A broad range of those proposed points of views beginning from antiquity forms the better part of gnoseology and epistemology, philosophy of language, linguistics and logic, *and* philosophy of science. Often these are divided into "metaphysical" and "lingo-logical" traditions: we can see it on the primers from, say, Sextus Empiricus' treatises *Against Scholars* and *Against Logicians*, where book 2 contains contemplations on whether truth exists at all (part 1) and what a sign is (part 2)[2].

In contemporary thinking, the (classical German) philosophy of consciousness gave way to philosophy of language; hence comes considering truth not as characteristics of gnoseological image but of a sentence, or utterance. In *The Oxford*

---

[1] Horwich, P. 2013. "Truth." In: *The Oxford Handbook of Contemporary Philosophy*. Jackson, F., M. Smith (Eds.). Part IV: Philosophy of Language. Oxford University Press, 454.

[2] Sextus Empiricus. *Against the Logicians*; https://ia601408.us.archive.org/10/items/in.ernet.dli.2015.183448/2015.183448.Sextus-Empiricus-Vol-11-Against-The-Logicians.pdf

Handbook of Contemporary Philosophy, the chapter "Truth" is included not in the section "Theory of Knowledge," nor even in "Epistemology," but in "Philosophy of Language"[1]. The platitudes of analytical philosophy are regularly garmented in scary algebraic formulae.

The existing theories could be organized, using a bit of approximation, in a row where one pole may be marked by Heidegger's aphorism "the essence of truth is the truth of essence"[2] and the like existential ellipses, and the other pole is crowned by something like " 'p' is true iff p." Dozens of theories in between in this row, or better it be a circle, are either melted into artistic essays reminding of big poetic literature, or crystallized into primitive equations of analytical philosophy in unavoidable legato with ordinary common sense. One can understand both intentions of oncoming traffic–either to the richness of content or to the laconics of essence. Inevitably, one time you long for pleroma of singularities, and for endless options; you are eagerly open to the world, and this yearning brings about kind of sincere disinterested genuine *elan* of a creature whose being *is* cognition–and another time you search for *one* strict absolute definition to guide you practically. "A radical thinking that turns to what is actual must surely from the first insist bluntly on establishing the actual truth which today gives us a measure and a stand against the confusion of opinions and reckonings"[3]. It is a regular swing between emotion and ratio, or existentialism and positivism, or, likewise, between nominalism and (medieval) realism.

---

[1] Jackson, F., M. Smith (Eds.). 2013. *The Oxford Handbook of Contemporary Philosophy.* Part IV. Philosophy of Language. Oxford University Press, 2013.

[2] "The course of the questioning is intrinsically the way of a thinking which, instead of furnishing representations and concepts, experiences and tries itself as a transformation of its relatedness to Being". Heidegger, M. 2011 (1943). *On the Essence of Truth.* Sallis, J. (Trans.); https://aphelis.net/wp-content/uploads/2011/02/Martin-Heidegger-On-the-Essence-of-Truth.pdf

[3] Ibid.

And certainly there exists a lot of semiotic conceptions or theories or sketches of theories of truth and true knowledge, which often bind with corresponding theories of science; the author of this paper belongs to this trend, too. Semiotics is of help to gnoseology aiding to explicate the meaning of reflection (materialistic principle of cognition), and theory of knowledge helps semiotics providing access to the basics of gnoseological teaching about ideality (ideal reality) in solving the problem of sign and its meaning.

Semiotics, too, displays clearly both controversial intentions, towards deep and constant essence (semantics) and towards multiple-rich unlimited content (pragmatics).

There is no deeper and brighter contemporary analysis of symbolic character of truth than the treatise with the same title by Małgorzata Czarnocka: *A Path to a Conception of Symboloic Truth*[1]. Methodologically generating from Cassirer's concept of culture as a realm of symbolic forms, Czarnocka's theory of truth is wider and better ontologically grounded than that of Cassirer. The main success of a book is a subtle analysis (of the essence) of correspondence, for the true enigma of cognition lies entirely in this relationship bringing together being and knowing[2]. And indeed, this relationship is cohesive, correlative: it connects both sides so that both become *active*. We might remember Engels here, with the term "*Verhältnis*," who defined the main gnoseological question of philosophy as a two-way co-relation of thinking and being, not just "mirroring" nature: "Die Frage nach dem Verhältnis von Denken und Sein …" Holding the general semiotic approach to knowledge and truth, calling my own onto-gnoseo-anthroplogy "existential materialism," I would agree with Czarnocka in all core ideas. I would only critically comment upon Cassirer's own

[1] Czarnocka, M. 2017. *A Path to a Conception of Symbolic Truth.* Frankfurt am Mein: Peter Lang Verlag.
[2] Ibid., 175–197.

semiotic views: First, Cassirer never defines symbol (which is a *species* of sign as a *genera*) persuasively. I am sure an entity should not be dissolved in its links and relations. (As a Russian philosopher Karen Svasyan puts it, Cassirer reduces the symbol to symbolic cultural *forms*, without clarifying the very conditions for such a reduction and understanding symbol rather in common sense, as a sensual embodiment of the ideal)[1]. Secondly, truth is essentially an image or reflection, not a *sign* (of being). Czarnocka, however, overpasses Cassirer's views by taking the relationship itself, as Aristotle did, for a category, *το προς τί, to pros ti*, which is absolutely right–and thus it plays as an entity. Indeed, correspondence is and remains a key to understanding cognition, and such understanding will never be just a matter of fashion.

As for my own definitions of truth and knowledge, here they are. Consciousness *presents*, and sign *re*-presents its referents. Knowledge is *discovery* and *acceptance* (*Annehmung*) of *being*, *participation* of the human agent in particular existence of an object so that the latter is replaced and presented (*vorgestellt*) in an ideal form of a gnoseological image, perceptory or mental (first formulated in 1997).

Knowledge is knowledge, whether true or false. Contrary to JTB-analysis discussed widely, in *Stanford Encyclopedia* for one, knowledge can be *not* justified, *not* true and *not* coupled with belief, but still be knowledge.

The essence of truth is *ideal presentation and transfer (transportation, transference) of order*, i.e. following of things, properties and relationships, events and actions–one beside the other, and one after another; development of con-

[1] *Свасьян, К. А.* [Svasyan, K. A.]. *2010.* Философия символических форм Э. Кассирера. Критический анализ. [Cassirer's Philosophy of Symbolic Forms. Critical Analysis]. 2-nd edition. Series: Contemporary Russian Philosophy. Akademicheskiy Projekt Publishing House; Alma Mater Publishing House, 36–37; 205; 209; 211.

gruent assimilation of knowledge to the essence of being. The generic property of truth is the *ideal presentation* of the object, in both senses of the term "ideal" (in Plato as well as in contemporary usage), and in both meanings of the word "presentation." The definitive property of a true image is *re*presentation of the order of material properties and relations of things. The accidental features of truth, as is already mentioned, are the transportation of necessary or contingent, external or internal, obvious and non-obvious, substantive and formal, etc.

Understanding absolute truth as exhaustive completeness and content completion, and yet as an "extremely precise knowledge," which coincides with the object in its entirety, is rather sophisticated, but not scientific. It came to us as a legacy of the religious world-picture, where the central explanatory abstraction, "the first championship of perfection" was the "Biggest," i.e., God. It has, of course, a cognitive and historical and cultural value, but ... But. Relatively true knowledge is knowledge of large meaningful content; it is a particular judgment about holistic picture's fragment, and it can also be understood geometrically, as all that is non-absolute–that is, in the range from 0 to 1, except these boundary numbers (first formulated in 2005).

Many would agree that, at least in formal logic, truth does exist and can be discovered.

2. ARE "TRUE-FALSE" VALUES CONTRADICTIONARY?

Quite a lot has been and is being said about the controversies of the truth of propositions. But it makes sense to add a few more considerations to the discussion.

2.1. On the authorship of two-valued logic

Aristotle's definition of truth given in *Metaphysics* is widely known. "The father of logic" began the explanation of truth from the characteristic of falsity. In the famous translation of Sir William D. Ross,

> "To say of what is that it is not, or of what is not that it is, is false, while to say of what is that it is, and of what is not that it is not, is true; so that he who says of anything that it is, or that it is not, will say either what is true or what is false; but neither what is nor what is not is said to be or not to be"[1].

Hermann Bonitz' translation into German comes even closer to the original wording, due to the use of the noun "*Seiende*:"

> "Zu sagen nämlich, das Seiende sei nicht oder das Nicht-seiende sei, ist falsch, dagegen zu sagen, das Seiende sei und das Nicht-seiende sei nicht, ist wahr. Wer also ein Sein oder ein Nicht-sein prädiziert, muß Wahres oder Falsches aussprechen. Man sagt aber von dem Seienden nicht, es sei nicht oder es sei, und ebensowenig von dem Nicht-Seienden"[2].

And even before Aristotle, Plato, through Socrates, supposed in *Cratylus* that he who speaks of things in accordance with what they are, speaks the truth, while he who speaks of them differently, lies. "A true proposition says that which is,

---

[1] Aristotle. *Metaphysics*. Ross, W. D. (Trans.). Book IV (Γ). Ch. VII. 1 – 25–30, 38–149; Aristoteles,_Metaphysics,_transl.%20by%20Ross_EN.pdf

[2] Aristoteles. 1966. *Metaphysik.* von Bonitz, H. (Ed.). Book IV (Γ). Ch. 7. – Das Prinzip des Ausgeschlossenen Dritten. – Lines 26—29, 88.

and a false proposition says that which is not"[1]. Now even more widely known is the maxim of Alfred Tarski " 'Snow is white' is true if the snow is white," which caused no less objections than Aristotle's definition. Contemporary non-classical logic always starts with a critique of such definitions.

However, in our case, it is worth paying attention to the following. Zinov'ev opens his *Essay on Many-Valued Logic* by mentioning that it is not Aristotle who was the author of two-valued logic based on the categories "truth–falsehood," but the ancient Greek Stoic Chrysippus. In this he follows Łukasiewicz who wrote:

> "I shall therefore explain an easy method of verifying expressions of our system without deducing them from the axioms. This method, invented by the American logician Charles S. Peirce about 1885, is based on the so-called principle of bivalence, which states that every proposition is either true or false, i.e. that it has one and only one of two possible truth-values: truth and falsity. This principle must not be mixed up with the law of the excluded middle, according to which of two contradictory propositions one must be true. It was stated as the basis of logic by the Stoics, in particular by Chrysippus"[2].

The "father of logic" also provided for the case of not just two, but of a possible third value, or mid-option, when the judgment/statement about the future time, even if it contains the modal operator "necessary", is still neither true nor false: this is the famous naval battle that "necessarily will take place tomorrow." Łukasiewicz opines:

> "As the sea-fight of tomorrow is not real today, and its future existence or nonexistence has no real cause today, the proposition 'There will be a sea-fight tomorrow' is today neither true nor false. We can only say: 'There may be a sea-fight tomorrow' and

---

[1] Plato. Cratylus; http://www.cakravartin.com/wordpress/wp-content/uploads/2008/08/plato-complete-works.pdf

[2] Łukasiewicz, J. *Aristotle's Syllogistic from the Standpoint of Modern Formal Logic*, 82.

‘There may not be a sea-fight tomorrow.’ Tomorrow’s sea-fight is a contingent event”[1].

A closer attention to Zinov’ev’s remark about Chrysippus and his key role in establishing two-valued logic leads us to the following paradoxical chain of opinions.

Two-valued logic is sometimes called Aristotelian, Zinov’ev writes. However, it is not quite correct.

“As Łukasiewicz rightly noted, the principle of two-valuedness of propositions was first formulated by Chrysippus, and not by Aristotle. [...] Chrysippus created a kind of prototype of modern propositional logic […] and the latter is inconceivable without the hypothesis of the number of truth values ...”[2]

We open Łukasiewicz’s treaty. It turns out that the remark mentioned by Zinov’ev concerns four definitions of implication:

C00 = 1, C01 = 1, C10 = 0, C11 = 1.

“This means: an implication is false only when its *antecedent is true* [italicized by me.–E.T.] and its consequent is false; in all the other cases it is true. This is the oldest definition of implication, stated by Philon of Megara and adopted by the Stoics”[3].

As Łukasiewicz has righteously mentioned in the beginning of his treatise while reforming “Aristotelian” most famous syllogism about mortal human, not assertion but implication, in Aristotle, was what formed the core of reasoning.

“No syllogism is formulated by Aristotle primarily as an inference, but they are all implications having the conjunction of the premises as the antecedent and the conclusion as the consequent. A true example of an Aristotelian syllogism would be, therefore, the following: If all men are mortal, and all Greeks are men, then all Greeks are mortal […] If all B is A, and all C is B, then all C is A”[4].

Philo Megaric began his characteristic of implication backwards, from the consequent. The clarification of what ex-

[1] Łukasiewicz, J. 1957, op. cit., 208.

[2] Зиновьев А. А. [Zinov’ev, A. A.]. 1969, op. cit., 114.

[3] Łukasiewicz, J. 1957, op. cit., Ch. IV. § 23 “Theory of Deduction,” 83.

[4] Ibid., 2.

actly Philo was saying lies in a reference to Sextus Empiricus on the same page in footnote 1, as follows. Łukasiewicz uses Greek. In original wording: οἷον ὁ μὲν Φίλων ἔλεγεν ἀληθὲς γίνεσθαι τὸ συνημμένον, *ὅταν μὴ ἄρχηται ἀπ' ἀληθοῦς* [?!–italicized by me. – E.T.], καὶ λήγῃ ἐπὶ ψεῦδος, ὥστε τριχῶς μὲν γίνεσθαι κατ' αὐτὸν ἀληθὲς συνημμένον, καθ' ἕνα δὲ τρόπον ψεῦδος. This means: "Philon taught that a true combination (true implication) occurs when *the antecedent is not true* [?!–italicized by me. – E.T.], but the consequent is false, so that, according to him, the true combination (true implication) is obtained in three ways, and the false in only one"[1].

Note that explaining (to the students) how, albeit formally, the false can follow from the true, presents a serious didactic difficulty; one has to refer to empirical sciences, which, having an initial confirmed fact, cannot always draw the right and true conclusions from it. But in this case, the contradiction between the statements of Łukasiewicz and Philo is much more serious: the antecedent is *true* (Łukasiewicz) and the antecedent is *not* true (Philo). Should this be considered a typographical error, an oversight of the proofreader, or the arbitrariness of interpretation? We open Sextus Empiricus. *Against Scientists, Two Books against Logicians. Book Two* (Adv. math. viii.)[2]:

> "113. Philo declared that "the hypothetical is true *whenever it does not begin with what is true* [(italicized by me – *E.T.*] and end with what is false;" so that, according to him, the hypothetical is true in three ways and false in one way. For whenever it begins with truth and ends in truth it is true, as thus – "If it is day, it is light." And whenever it begins with what is false and ends in what is false, once more it is true, as for instance "If the earth flies, the earth has wings." 114. Likewise, also that which begins

[1] Footnote 1 in: Łukasiewicz, J. 1957, op. cit., 83. Exc. from: Sextus Empiricus, Adv. math. viii. 113.

[2] Секст Эмпирик [Sextus Empiricus]. 1976. Сочинения в 2 томах [Works in 2 Volumes]. Losev; A. V. (Trans., Ed., notes and commentaries). Moskva: Mysl.

with what is false and ends with what is true is true, as thus – "If the earth flies, the earth exists." And it is false only in this one way, when it begins with truth and ends in what is false, as in a proposition of this kind– "If it is day, it is night;" for when it is day the clause "It is day" is true, and this was the antecedent [ἡγούμενος], but the clause "It is night," which was the consequent [λῆγον], is false"[1].

Certainly, neither Aristotle, nor Sextus Empiricus used Latin terms "antecedent" or "consequent." It was ἀρχόμενον [prior] or ἡγούμενον [leading] for the first, and συνημμένον [accompanying, adjunct] or simply λῆγον [closing] for the second. In original:

„οἷον ὁ μὲν Φίλων ἔλεγεν ἀληθὲς γίνεσθαι τὸ συνημμένον, ὅταν μὴ ἄρχηται ἀπ' ἀληθοῦς καὶ λήγῃ ἐπὶ ψεῦδος, ὥστε τριχῶς μὲν γίνεσθαι κατ' αὐτὸν ἀληθὲς συνημμένον, καθ' ἕνα δὲ τρόπον ψεῦδος. καὶ γὰρ ὅταν ἀπ' ἀληθοῦς ἀρχόμενον ἐπ' ἀληθὲς λήγῃ, ἀληθές ἐστιν, ὡς τὸ 'εἰ ἡμέρα ἔστι, φῶς ἔστιν'. καὶ ὅταν ἀπὸ ψεύδους ἀρχόμενον ἐπὶ ψεῦδος λήγῃ, πάλιν ἀληθές, οἷον τὸ 'εἰ πέταται ἡ γῆ, πτέρυγας ἔχει ἡ γῆ'. ἐστὶν ἀληθές, ὡς τὸ 'εἰ πέταται ἡ γῆ, ἔστιν ἡ γῆ'. μόνως δὲ γίνεται ψεῦδος, ὅταν ἀρχόμενον ἀπὸ ἀληθοῦς λήγῃ ἐπὶψεῦδος, ὁποῖόν ἐστι τὸ 'εἰ ἡμέρα ἔστι, νὺξ ἔστιν' ἡμέρας γὰρ οὔσης τὸ μὲν "ἡμέρα ἔστιν" ἀληθές ἐστιν, ὅπερ ἦν ἡγούμενον, τὸ δὲ 'νὺξ ἔστι' ψεῦδός ἐστιν, ὅπερ ἦν λῆγον."

The stipulated extra-linguistic, extra-logical condition of this conditional proposition is very characteristic: ἡμέρας γάρ οὔσης, *In the presence of a day* ("when it is day").

In another work, *Three Books of the Pyrrhonic Propositions. Book Two* (Russian title), Sextus puts this passage more briefly while discussing the correct implication, or conditional proposition:

"110 But, even leaving these points aside, the sound conditional will be found not to be apprehensible. For Philo says that a sound

[1] Sextus Empiricus. 1935. *Against the Logicians. In III Volumes.* Rev. Bury, R. G., D. Litt (Trans., Ed.). London: William Heinemann, LTD; Cambridge, Mass. Harvard University Press, 297. https://ia601408.us.archive.org/10/items/in.ernet.dli.2015.183448/2015.183448.Sextus-Empiricus-Vol-11-Against-The-Logicians.pdf

> conditional is one that does not have a true antecedent and a false consequent; for example, when it is day and I am conversing 'If it is daytime, I am conversing'."[1]

Here the condition of this conditional proposition is doubled: 1) if there is a day, 2) if I will talk. Read: "p" is true if and only if p is true. There is no escape from burdening speech and thought with objectivity!

Of note are really sharp questions: how could it happen that, in relation to the case of the falsity of the implication–namely, in the case of falsity of the consequent–Russian translation of Łukasiewicz's Greek footnote claims that it happens when "the antecedent is *not* true" while the author himself claims in "Aristotle's Syllogistic": "an implication is false only when its antecedent is true"? Probably because Philo, quoted by Sextus, affirms that "the right connection is the one that *does not start from the true* one"? Then this is a shortcoming of Russian commentators. But more seriously, neither Zinov'ev nor Łukasiewicz, while attributing the honour of asserting two-valued logic to Chrysippus–nor, apparently, Chrysippus himself–paid attention to the fact that, according to Sextus, Philo had an opponent in terms of discussing the truthfulness and falsity in implications: that was Diodoros Kronos, Megaric, the teacher of this same Philo. Diodoros, who authentically expressed a different view of the implication than Philo, called true such an implication which, starting from the true antecedent, cannot end in a false consequent. For example, such a conclusion: "If it is daytime, then I am talking," in the presence of a day and in the fact of conversation, according to Philo, is true; but according to Diodoros, it is false.

[1] *Sextus Empiricus*. 1996. *Outlines of Pyrronism*. Mates, B. (Trans., Introduction, Commentaries). New York–Oxford, Oxford University Press. Book 2 of Three. 11. *Is There Such a Thing as an Indicative Sign?*; http://www.sciacchitano.it/pensatori%20epistemici/ scettici/outlines%20of%20pyrronism.pdf

Starting with the true “It is daytime,” it can, after the conversation is over, end with the false “I am talking.”

> “… but Diodorus defines it as one that neither is nor ever was capable of having a true antecedent and a false consequent. According to him, the conditional just mentioned seems to be false, since when it is day and I have become silent, it will have a true antecedent and a false consequent”.

In original wording:

> „Διόδωρος δὲ ἀληθὲς εἶναί φησι συνημμένον ὅπερ μήτε ἐνεδέχετο μήτε ἐνδέχεται ἀρχόμενον ἀπ' ἀληθοῦς λήγειν ἐπὶ ψεῦδος. ὅπερ μάχεται τῇ Φίλωνος θέσει. τὸ γὰρ τοιοῦτον συνημμένον “εἰ ἡμέρα ἔστιν, ἐγὼ διαλέγομαι” ἡμέρας οὔσης ἐπὶ τοῦ παρόντος κἀμοῦ διαλεγομένου κατὰ μὲν τὸν Φίλωνα ἀληθές ἐστιν, ἐπείπερ ἀπ' ἀληθοῦς ἀρχόμενον τοῦ “ἡμέρα ἔστιν” εἰς ἀληθὲς λήγει τὸ”ἐγὼ διαλέγομαι”, κατὰ δὲ τὸν Διόδωρον ψεῦδος”[1].

Philo’s proposition “If it is daytime, then I am talking” seems to Diodoros false, because, as it is explained in the Fragment, if there still is a day and his student stops talking and becomes silent, the proposition starts out true and ends up false.

By the way, in his “Outlines of Pyrronism”, Sextus gives another, more curious, example; according to [materialistically thinking] Diodoros,

> “… the following conditional seems true: 111 ‘If atomic elements of things do not exist, then atomic elements of things do exist,’ since it will always have the false antecedent, ‘Atomic elements of things do not exist,’ and the true consequent, ‘Atomic elements of things do exist’ ”[2].

Sextus Empiricus, apparently ironically, refers to the possible critics of this passage, according to whom *all* the implications made are erroneous, and only the following tautology

---

[1] Sextus Empiricus. *Outlines of Pyrronism*; http://www.sciacchitano.it/pensatori%20epistemici/scettici/outlines%20of%20pyrronism.pdf

[2] Ibid.

is true: “if there is a day, then there is a day.” Sextus ends with genuine skeptical: “So it will seem, I guess, that there is no way of settling the controversy.”

Having no opportunity to consider Sextus’ argument in detail, let us dwell on the fact that many authors, past and present, consider Philo Megaric to be the ancestor of the two-valued logic, for he problematized the “truthfulness–falsity” couplet in relation to implicative conclusions; obviously, at the suggestion of his teacher Diodoros Kronos.

2.2. Imprecision of contrasting the meanings of the main categories of two-valued logic as contradictory

Difficulties in assessing truth values arose in relation to statements about future, about unobservable or non-existent events, as well as in assessing mutually exclusive data of experience, Zinov’ev writes[1]. As we could see, temporality wants special attention. Zinov’ev analyzes the similar case in the *Essay*.

> “If we take into account the difference between the past and the present, then four meanings of truth are possible: 1) true yesterday and today; 2) true yesterday and false today; 3) false yesterday and true today; 4) false yesterday and false today [...] Similarly, truth values are introduced, taking into account the present and future tenses ...”[2]

In general: the principle of two-valuedness “X or not-X” can no longer be written in multiple-valued logic in a similar way; other statements “[X] = i^1 или [X] = i^2 or…” would be required, etc. The following statement of Łukasiewicz–Tarski is noteworthy for Zinov’ev:

[1] Zinov’ev, A. A. 1969, op. cit., 121.
[2] Ibid., 170.

> "True values are real numbers in the range from 0 to 1 inclusive […] Tautologies take the value 1, which corresponds to verity. The value 0 corresponds to falsity"[1].

Verity and falsity are seen and felt as antithetical concepts inasmuch as we speak in terms of common sense of elementary logic. Inexactness of this polarization does not often come to mind; not even in multiple-valued logics. In this respect, we want to pay special attention to the fact that the predicates "true" and "false" do not oppose each other as contradictory, contrary-expressed, contra-asserting. Truth and falsity are *controversial* (opposite), but *not* contradictory (antithetical) properties/concepts/categories; it is truth and *non*-truth that *are* contradictory. This means that there is a real field, or zone, of the transition existing between the values "true–false." Similarly, between white and black there exists not only gray; it is, for example, pale; fawn; ashy; it is smoky, pearly, silver, steel, asphalt and even the enigmatic chalcogen. Indeed, infinity lies between 0 and 1; and, for example, any violinist knows this very well: not only *C sharp* lies between *C* and *D*, as was arbitrarily accepted in the "Well-Tempered Clavier" as a result of approximative abstraction called "the circle of fifths", but the infinite nuances of both certified sounds. Zinov'ev also mentions, and we fully agree with this, that true, "marked" (asserting) values are real numbers in the range from 0 to 1 inclusive. We could say that 1 means inevitable, 0 is impossible, and within these limits "everything is possible" for the reason that it is possible.

It is also important to remember that, as in the "tree of Porfiry," countless meanings, and not necessarily negative ("unmarked"), exist in the "non-truth" terricone. For example, in English, the logical opposition "true–false" is not "verity–lie." Lying is necessarily deliberate deception, and it always involves an audience; "false," as a mistake, does not always imply it. (Musicians know this too).

[1] Ibid., 126–127.

Zinov'ev writes further:

"... the two-value principle is the statement 'Every proposition is either true or false', but not the statements 'Every proposition is either true or not true' and 'Every statement is either false or not false.' [And] the multiple-value principle is the assumption that there can be more than two mutually exclusive truth values"[1].

Łukasiewicz initially suggested that the third truth value could be "neutral." Zinov'ev shows in his *Essay* that three-valued (and four-valued, and even infinite-valued) logic is a fragment of two-valued one, and/or it retains the classical propositional calculus, and all their tautologies are tautologies of two-valued logic[2]. Zinov'ev's new logic starts from the two-valued logic with its equivalence, conjunction, disjunction, implication and negation; these operations are preserved in multiple-valued logic, with special attention to the judgments of implication and negation. The philosopher writes: "Any multiple-valued hypothesis includes: 1) indication (assignment) of a set of truth values that propositional formulae take; 2) recognition that one and the same formula cannot immediately take on two different meanings"[3]. Is not this the law of the excluded middle? Zinov'ev points out that there are truth values that do not satisfy the second condition; at the same time, later in the text, he proves that the law of the excluded middle remains unshakable for *general* negation, while the law of contradiction is preserved *even for particular* negation[4].

However, the following radical conclusion of Zinov'ev seems to us brilliantly paradoxical:

> "Two-valued logic turned out to be a good means of logical research, retaining its meaning even in the context of the multiple-valued logic development, for one reason that is usually not paid

[1] Ibid., 145.
[2] Ibid., 125; 127.
[3] Ibid., 134.
[4] Ibid., 194.

due attention to. This reason is that two-valued logic is actually treated as [...] one-valued. In fact, it accepts one and only one truth value, namely, 'true.' The second meaning is only the negation of the first one ..."[1]

This alone is capable of asserting the inner unity of logic as a science.

The *Essay* also emphasizes that logic is an empirical science: in its original foundations, in the source of problems, in the criteria for evaluating a theory. The structure of propositions is abstracted from empirically given sentences–the basic units of language.

"The construction of two-valued and multiple-valued logic is the solution of a meaningful problem; this solution is carried out in a language that has certain logical properties; logical systems that are being constructed can be used to explicate these properties of the language, but the language possesses these properties before and independently of them"[2].

Such, we would say, is the semiotic unity of logic, linguistics and onto-gnoseology, about which Aristotle wrote.

CONCLUSION

Even in the most diverse logical systems, we always deal with the concepts of proposition, truth values, inference, implication, etc., thus confirming each time that these logical systems are united into something whole not only by agreements, but by correspondence to each other and to the objective world. Truth values are the results of comparing statements with the actual state of affairs. All "truth-values" are properties of "thing structures," i.e. linguistic structures of statements, and if it is known what is the verity of a given statement, then the actual state of affairs in the area of interest is also known to the researcher.

[1] Ibid., 162–163.
[2] Ibid., 145.

However, as Zinov'ev emphasizes, the task is not to describe the logical means of language as fully as possible and then make the discovery that mankind has successfully operated with these means "for centuries and without the help of [...] logic!" These means must find real applications. "They are found for two-valued logic. This kind of research is also being carried out in relation to the apparatus of multiple-valued logic"[1], which always receives an interpretation in a particular subject area.

And truth as a whole, with all its diversity, variety of properties, symbolic terminology and conceptual differences, does exist. The realm of philosophy is the genuine "house of truth" in all its glory and richness. But at first place it is a resident of logic, and thus of common sense. "Objective dialectics" all through is natural philosophy, for sensuality is the beginning and founding layer of existence, and so, in Immanuel Kant, "perception" approaches mathematics, and in Engels metaphysics approaches everyday life.

In terms of the fashionable semantics of everyday life– when the most staunch opponent of the existence of truth falls ill, s/he goes to be treated and takes the doctor's prescription as an indispensable guide to action; and the most eloquent postmodernist, having received, for example, a blatantly unfair accusation, does not merely shrug the shoulders, saying: "This is just another narrative that has the right to exist among all other narratives"–but swears in court to tell the true truth, the whole truth and nothing except the truth.

References

1. Aristoteles. *Metaphysics.* Ross, W. D. (Trans.). Book IV (Γ). Ch. VII.
2. ____ . *Metaphysics.* Ross, W. D. EN.pdf; *Internet Archive.*

[1] Ibid., 178.

3. ____ . 1966. *Metaphysik.* Von Bonitz, H. (Trans.). Wellmann (Ed.). München: Centro Italiano di Studi Umanistici e Filosofici; Aristoteles, Bonitz, Carvallo-Aristoteles 20Metaphysik-Rowohlt.
4. Зиновьев, А. А. [Zinov'ev, A. A.]. 1969. *Очерк многозначной логики* [Essay on Multiple-valued Logic]. In: *Проблемы логики и теории познания* [Problems of Logic and Theory of Knowledge]. Narsky, I. S. (Ed.). Moscow: Publishing House of Moscow State University.
5. Baggini, J. 2018. *A Short History of Truth. Consolations for a Post-truth World.* London: Quercus Ed. Ltd..
6. Czarnocka, M. 2017. *A Path to a Conception of Symbolic Truth*. Frankfurt am Mein: Peter Lang Verlag.
7. Heidegger, Martin. 1943. *On the Essence of Truth.* Sallis, J. (Trans., based on the 1961 fourth edition); https://aphelis.net/wp-content/uploads/2011/02/Martin-Heidegger-On-the-Essence-of-Truth.pdf
8. Łukasiewicz, Jan. 1957. *Aristotle's Syllogistic from the Standpoint of Modern Formal Logic.* Second edition enlarged. Oxford Clarendon Press.
9. Лукасевич, Ян [Lukashevich, Jan]. 1959. *Аристотелевская силлогистика с точки зрения современной формальной логики* [Aristotelian Syllogistics from the Point of View of Modern Formal Logic]. Стяжкина, И. И., А. Л. Субботин (Styazhkina, I. I., A. L. Subbotin. Trans. from English). Popov, P. S. (Ed., Introduction). Moscow: Publishing House of Foreign Literature.
10. McIntyre, Lee. 2018. *Post-Truth*. MIT Press Essential Knowledge Series.
11. Jackson, Frank, Michael Smith (Eds.). 2013. *The Oxford Handbook of Contemporary Philosophy*. Oxford University Press.

12. Plato. 2008. *Completed Works*; http://www.cakravartin.com/wordpress/wp-content/uploads/2008/ 08/plato-complete-works.pdf
13. Платон [Plato]. 1990. *Кратил* [Cratylus]. In: *Сочинения: в 4 томах.* [Works in 4 Volumes]. Losev, A. W. (Ed., Commentaries). Vol. 1. M., 1990.
14. Sextus Empiricus. 1935. *Against the Logicians*. In: III Volume. Rev. Bury, R. G., D. Litt. (Trans., Eds.). London: William Heinemann, LTD; Cambridge, Mass.: Harvard University Press; https://ia601408.us.archive.org/10/items/in.ernet.dli.2015.183448/2015.183448.Sextus-Empiricus-Vol-11-Against-The-Logicians.pdf
15. Sextus Empiricus. 1996. *Outlines of Pyrronism.* Mates, Benson (Trans., Introduction, Commentaries). New York–Oxford: Oxford University Press; http://www.sciacchitano.it/ pensatori%20epistemici/scettici/outlines%20of%20pyrronism.pdf
16. Секст Эмпирик [Sextus Empiricus.]. 1976. *Сочинения: в 2 томах.* [Works in Two Volumes]. Losev, A. F. (Trans. Ed.). Vasilyeva, T. W. (Commentaries). Moscow: Mysl.
17. *Свасьян, К. А. 2010. Философия символических форм Э. Кассирера. Критический анализ* [Cassirer's Philosophy of Symbolic Forms. Critical Analysis]. Series: Contemporary Russian Philosophy. 2nd edition. Moscow: Akademicheskiy Projekt Publishing House; Alma Mater Publishing House.

Впервые опубликовано в:
"Dialogue and Universalism" – Vol. XXXIII (1).
No. 1/2023. P. 143–161.

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

МНЕНИЕ – ЗНАНИЕ – ВЕРА
Философское эссе

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению классического, методологически ценного размежевания переходных ступеней, ведущих от веры к знанию, произведенного в философии Нового времени первоначально Локком, а затем и Кантом.

Существует и обратный переход.

Хотя следует признать, что мнение, знание и вера являются перекрещивающимися понятиями, они никогда не эквивалентны. Вместе с тем, как сами эти категории, так и стоящие за ними формы общественного и индивидуального сознания (*gesellschaftliche Bewusstsein*, как называли их немецкие классики), обладают предельной важностью для гносеологии, антропологии, психологии и философии образования.

В принципе, категориальный анализ, по определению предполагающий качественное своеобразие и границы рассматриваемого понятия, более всего интересен (диалектической) возможностью найти, обозначить, и тем самым продемонстрировать, по меньшей мере, синтагматически, траекторию развития и закономерного перехода, «перелива» одной категории в другую и стоящих за ними феноменов, соответственно, одного в другой.

Показать, как это происходит, является целью данного философского эссе. Форма очерка избрана автором намеренно, дабы иметь большую свободу стиля изложения, при сохранении общего академического стандарта.

Ключевые слова: убеждение, знание, вера, мнение, Локк, Кант, Гегель, Маркс, субъективное, объективное.

Opinion – Knowledge – Faith
Philosophical Essay

Abstract. The article considers the classical, methodologically valuable demarcation of the transitional stages leading from faith to knowledge (and back again), produced in modern philosophy originally by Locke, and then by Kant.

Although it should be recognized that opinion, knowledge, belief, and faith are overlapping concepts, they are never equivalent. At the same time, all these categories themselves and the forms of social and individual consciousness (*gesellschaftlichen Bewusstseins*, as German classics put it) behind them are of utmost importance for gnoseology, anthropology, psychology, and philosophy of education.

In principle, logical analysis which by definition presupposes the qualitative individual identity and boundaries of the concept under consideration, is mostly interesting because of the (dialectical) opportunity to find, designate, and thereby demonstrate, at least syntagmatically, the trajectory of development and natural transition, or, the "overflow" of one category into another – as well as the phenomena denoted by them, respectively, one into the other.

Showing how this happens is the purpose of this philosophical essay. The form of the essay was chosen by the author deliberately in order to have greater freedom of presentation style while maintaining common academic standards.

Key words: belief, knowledge, faith, opinion, Locke, Kant, Hegel, Marx, subjective, objective.

Введение

> ...зачем человечество вообще вышло из животного состояния и обрело себе такую хлопотную способность, как сознание?
>
> ***Э. В. Ильенков***

В марте 2024 г. состоялась международная конференция, в ходе которой автору этих строк встретился интереснейший вопрос, заданный болгарским философом Арто Артиняном, редактором гуманитарной секции журнала «Марксизм и науки о природе, культуре, человеке и обществе». Вопрос звучал так: каким образом возможно, принимая, что нет подлинно человеческого общества, кроме коммунизма, и что Маркс был последним и гениальным его пророком, воплотить в реальность эту доктрину? Ведь общество, где каждый получает, что хочет, отдавая, что может, пока не существует. Для начала, как можно объяснить это людям, живущим совсем в иных условиях – и к тому же запуганных жупелом коммунизма (как Вы сами это и признаете)?

Рассуждая теоретически, вспоминаем: Маркс считал, что мировую революцию нужно призвать из будущего, а не из прошлого.

Обозревая практически, наблюдаем: во многих современных странах есть очень много от коммунизма.

Отвечая на вопрос, пришлось заговорить об общественной природе человека как рода; о том, что тяга к единению имманентна, и в течение жизни любой из нас это постигает; что *дзоон политикон* Аристотеля – верное определение. Следовало добавить, что колоссальные первомайские демонстрации в СССР не были или не всегда были принудительным сборищем: «...Цель советского репрезентационного проекта [понимаемого в качестве образа будущего. – *Э.Т.*] некорректно сводить к одной лишь

прямой агитации или мобилизации... Такой проект представляет собой, помимо прочего, одну из форм модерного бустеризма» [1: с. 21]. Напротив, на них или во время них проявлялось очень много прекрасных, оптимистических чувств – радости настоящего и надежды на светлое будущее; и свидетели скажут то же самое.

И не только на демонстрациях. Например, комсомольские стройки:

> ...Новая общность первостроителей ГЭС в массе своей следовала идеям коллективизма. «Честность была поразительная. Чемоданов не закрывали, замков не знали. <…> За 6 лет ни одной кражи»... В сущности, строители сибирских ГЭС строили не только сами гидроэлектростанции, но и коммунизм, превосходя в отдельных аспектах общий уровень советского государства. Важным мотивом как начального, так и конечного этапа строительства ГЭС являлась сама цель сооружения гидроэлектростанции, которая заключалась в использовании водной энергии для нужд трудового народа и построения коммунизма [1: с. 25].

Отвечавшему так или почти так автору не показалось уместным назвать главный довод в пользу принятой максимы; а этот довод – *вера* в коммунизм как светлое будущее и в марксизм как учение, способное привести к нему все человечество.

Следовало ответить одной фразой: «Я в это верю». Я верю, что идеал общественного устройства – это «свободный труд свободно собравшихся людей», как о том говорил Маяковский.

Что такое эта *не-религиозная вера*, как она возникает, каковы её корни и чем она отличается от религиозной веры и от *научного содержания*, составляющего упомянутое или любое другое учение, и от проистекающего из него *знания*, индоктринального или нет?

В общем виде нам предстоит задуматься над тем, что истинность (понимаемая разнообразно), последовательность, непротиворечивость, очевидность, общезначимость, соответствие (рас)суждений эмпирическим событиям и свидетельствам, называемые когнитивными ценностями, присутствуют также и в вере, религиозной вере в том числе, не говоря уже о мнении – убеждении, взятом субъективно, но при изложении опирающемся на те же ценности.

Степени убеждения/убежденности

Все компоненты сознания по природе имеют не просто одинаковое, но одно и то же происхождение: такова его привязанность к здесь-и-теперь-бытию, «открытие бытия».

Развиваясь и усложняясь, познание постепенно закономерно «отливается» в разные формы: интердикция и мимезис на уровне раздражимости, чувство (психическое состояние), эмоция (психический процесс), переживание и воспоминание, настроение, воля (активно-организующее начало), целеполагание, интуиция, способность оценки, мышление (обобщенное, абстрагированное воспроизведение, связанное с речью и сопровождающее творчество), знание (процесс и результат мышления и действия), вера (то же самое плюс надежда {на чудо} и сочувствие), мнение, со-мнение, предвидение, идеалы и нормы и проч. Эти формы, однако не рядоположены, и эффект их неодинаков: одно дело личное мнение, особенно невысказанное, ниже которого в табели о рангах стоит только кукиш в кармане, и совсем другое – сложившееся мировоззрение, за которое убивают и умирают.

Существуют классически выстроенные иерархии стадий, или ступеней, демонстрирующие степень прибли-

женности того или иного структурного элемента сознания к целостному мировоззрению.

Классик материалистической гносеологии Джон Локк так рассуждал о религиозном веровании (faith), вере (belief) и мнении (opinion) во Введении к «Опыту о человеческом разумении»: мнения людей чрезвычайно противоречивы, но утверждаются решительно и с немалым рвением, а воспринимаются благосклонно. Это порождает у философа закономерные сомнения: в состоянии ли вообще человечество достичь достоверного познания? «Я исследую природу и основания *веры,* или *мнения*. Под этим я разумею наше согласие с каким-нибудь положением как истинным, хотя относительно его истинности мы не имеем достоверного знания... Вот почему стоит поискать границы между мнением и знанием…» [2: т. I, с. 92]. Здесь у Локка используется термин belief – вера-убеждение вообще, не обязательно религиозная, и он поначалу берется как *синоним* мнения.

Столкновение мнений, как кажется, ведет в повседневности к со-мнению, то есть некоему недоверию, – а в академической среде к необходимости проверки соответствующего суждения, гипотезы или целой теории. Вспомним методологическую роль, которую приписывал *сомнению* Декарт: можно сомневаться в любой информации, любом мнении, исходит ли оно от коллеги, преподавателя-профессора, кюре или маститого авторитета в науке; нельзя усомниться только в нем самом, в подлинности его существования. Но сомнение – это мышление (его компонент). Следовательно, мышление действительно существует; а значит, существует и его носитель, субъект: отсюда, cogito, ergo sum.

Более подробно переходы от одной когнитивной формы к другой показаны у Локка в кн. IV «Опыта о человеческом разумении», гл. 15: «О вероятности» (“Of Probability”).

Вероятность восполняет недостаток познания. (item 2. It is to supply our want of knowledge) …Существуют различные степени [несогласия], начиная от чрезвычайной близости к достоверности и доказательству, кончая невероятностью и неправдоподобием, вплоть до невозможности, а также различные степени согласия (Assent), начиная от полной уверенности (Assurance) и убежденности (Confidence) и кончая *предположением, сомнением и недоверием* [2: т. II, с. 134].

В оригинале: “But there being degrees herein, from the very neighbourhood of certainty and demonstration, quite down to improbability and unlikeness, even to the confines of impossibility; and also degrees of assent from full assurance and confidence, quite down to conjecture, doubt, and distrust…” [3: Bk. IV, Ch. 15, item 2].

Как видим, здесь выделены следующие понятия, выражающие степени «согласия»: сомнение (и недоверие), предположение, мнение, вера-убеждение, уверенность и убежденность, достоверность и доказанность. “Confidence”, убежденность, ниже у Локка переведено как «до*вер*ие», от лат. fide – [религиозная] вера, что хорошо согласуется с русским словом, имеющим тот же корень, – *ver* (истина).

Надо заметить, что на английском «вероятность» (как и в название главы) не содержит корня “ver” (истина): это probability, нечто испробованное, апробированное, возможно, даже экспериментально.

Известно, что в английском языке есть два способа передать термин и понятие «вера»: belief и faith; нельзя утверждать при этом, что первое – это религиозная вера, а второе – не-религиозная, хотя такая тенденция может быть замечена.

Латинский корень -ver, «истина», в русском языке присутствует во множестве гносеологических категорий,

различающихся эпистемической, алетической, деонтической модальностью: легковерность, вероятность, заверение, верификация, верность, доверие, проверка, достоверность, та же уверенность; верительная (грамота); «вернее» и «наверное» существуют как вводные слова наряду с другими категориями, ушедшими в организующее начало предложения («точнее», «правда», «в общем и целом», «в сущности», «поистине» и т. д.). Но корень -ver на русском отсутствует в самом слове «истина». Однако ближайший синоним «истинного» – «верно».

Между прочим, только по-русски «сомнение» ясно происходит из соположения *нескольких* мнений, основанных на опыте личной жизни; на других языках корневая морфема указывает только на двойственность оценки (dubious, zweifeln, etc.).

Наиболее известна, однако, градация, произведенная классиком идеалистической гносеологии Иммануилом Кантом в «Критике чистого разума». Он сразу приступает к категориальному анализу интересующих нас понятий: так, уверенность – состояние, не подкрепленное объективными основаниями и существующее лишь в силу *субъективных* причин, а убеждение – *общезначимое* суждение, имеющее *объективное* основание. Семантически к этому кантианскому пониманию убеждения ближе всего в русском языке стоит уверение и заверение. Кант пишет в Разделе Третьем «Канона чистого разума» «О мнении, знании и вере» (Des Kanons der reinen Vernunft dritter Abschnitt; Vom Meinen, Wissen und Glauben):

> Признание чего-то истинным имеет место в нашем рассудке и может иметь объективные основания, но требует также субъективных причин в душе того, кто высказывает суждение. Если суждение значимо для каждого, кто только обладает разумом, то оно имеет объективно достаточное основание, и тогда признание истинности его называется *убеждением*. (Überzeugung) Если же оно имеет основание только в особом

характере субъекта, то оно называется *уверенностью* (Überredung) [4: с. 609].

В оригинале: “Das Fürwahrhalten ist eine Begebenheit in unserem Verstande, die auf objektiven Gründen beruhen mag, aber auch subjective Ursachen im Gemüte dessen, der da urteilt, erfordert. Wenn es für jederman gültig ist, so fern er nur Vernunft hat, so ist der Grund desselben objektiv hinreichend, und das Fürwahrhalten heiβt alsdenn *Überzeugung*. Hat es nur in der besonderen Beschaffenheit des Subjekts seinen Grund, so wird es *Überredung* genannt” [5: S. 687].

Если субъективное основание суждения (ошибочно) принимается за объективное основание, то оно (суждение) «имеет только индивидуальную значимость»; его даже невозможно сообщить другому субъекту, пишет Кант. Следовательно, уверенность неистинна: она есть лишь видимость (Schein).

«...Критерием того, имеет ли признание чего-то истинным характер убеждения или только уверенности, внешне служит возможность сообщать его и считать, что его истинность может быть признана всяким человеческим разумом» [4: с. 609].

В оригинале: “Der Probierstein des Fürwahrhalten, ob es Überzeugung oder bloβe Überredung sei, ist also, äuβerlich, die Möglichkeit, dasselbe mitzuteilen und das Fürwahrhalten für jedes menschen Vernunft güldig zu befinden” [5: S. 687].

Кант в этом отрывке делает замечание чрезвычайной важности для гносеологии. Хорошо известна контрарность, которая была приписана так называемой корреспондентной («архаической») теории истины, гласящей, что истина соотносится с действительностью – и так называемой «когерентистской» (более новой) теории. Первую точку зрения всегда отстаивали материалисты, а также «реалисты» Рассел и Мур в начале XX века. Авторы статей в Стэнфордской философской энциклопедии пи-

шут об этом так. Marian David: “…a view that was advocated by Russell and Moore early in the 20th century. But the label is usually applied much more broadly to any view explicitly embracing the idea that truth consists in a relation to reality” [6]. (В переводе автора: «…этот ярлык обычно применяется гораздо шире к любому взгляду, явно охватывающему идею о том, что истина состоит в отношении к реальности»). Первая концепция, очевидно, исходит из старого материалистического принципа отражения. Стэнфордская энциклопедия указывает и на понимание его как принципа «метафизического реализма»: “The correspondence theory of truth is often associated with metaphysical realism” (M. David). Сейчас это значит, что истина – так сказать, функция от положения дел, state of affairs. Truth-maker – положение дел, которое описывает пропозиция, то есть truth-bearer.

Вторая концепция исходит из позитивистской установки аналитической философии на то, что условия истинности пропозиций состоят в других пропозициях; ср.: Young, James O.: “The truth conditions of propositions consist in other propositions” [7]. А сама «истинность любого (истинного) предложения состоит в его согласованности с некоторым заданным набором предложений»: “The truth of any (true) proposition consists in its coherence with some specified set of propositions” (J. O. Young) [7].

Кант внятно разъясняет, что в действительности эти теории могут – а с нашей точки зрения, и должны быть – совместимы. По крайней мере, можно предположить, что для самых различных субъектов когерентность суждений, составляющих теорию, только в том случае будет иметь общее основание, если все они *согласуются со своим объектом*.

> «Между тем истинность основывается на соответствии с объектом, в отношении которого, следовательно, суждения всякого рассудка должны быть согласны

между собой (consentientia uni tertio consentiunt inter se)» [4: с. 609].

В оригинале: “Wahrheit aber beruht auf der Übereinstimmung mit dem Objekte, in Ansehung dessen folglich die Urteile eines jeden Verstandes einstimmig sein müssen (consentientia uni tertio consentiunt inter se)” [5: S. 687].

В данной статье, однако, мы не ставим целью разбирать проблему истины подробно; это уже неоднократно предпринималось, и теорий истины великое множество (дефляционная, ревизионистская, аксиоматическая, плюралистская, «идентичная»...) Обратим внимание на следующие детали понимания ключевых категорий, выражающих ступени приближения к *знанию* – или к *вере*.

Укажем особо, что слово «уверенность», Überredung, имеет в немецком языке корень “Rede”, речь; предположим, что оно, следовательно, означает то, что вне речи, за речью или выше нее. “Überredung kann ich für mich behalten, wenn ich mich dabei wohl befinde, kann sie aber und soll sie außer mir nicht geltend machen wollen” [5: S. 688]; «...уверенность я могу сохранять для себя, если она удовлетворяет меня, но я не могу и не должен пытаться рассматривать её как значимое и для других людей» [4: с. 610]. Это ближайший синоним частного *мнения*.

Не то убеждение, или убежденность. В исходном немецком Überzeugung означает, скорее всего, «рожденная свыше» (zeugen – производить, рождать), появившаяся благодаря внешней причине; в свою очередь, она одна как-то обусловливает нашу способность нечто *утверждать*: “Ich kann nichts *behaupten*, d.i. als ein für jedermann notwendig gültiges Urteil aussprechen, als was Überzeugung wirkt” [5: S. 688]. В переводе: «*Утверждать*, т.е. высказывать как нечто необходимо значимое для каждого суждения, я могу только то, что приводит к убеждению» [4: с. 610].

В русском же языке этимология совершенно иная. «Убеждение – от двух древних корней: приставочного *hew- < *au- «вниз, прочь, от, по» (у) и основного *bʰeydʰ- – «льстить, принуждать лестью» – того же, что в слове *беда*. В сочетании эти корнесловные образы порождают весьма грустное представление... [состояние падения, отдаления от Бога, вызванное льстивым принуждением]» [8]. Как оно приобрело более чем возвышенное значение? Есть предположение, что таковое использовалось уже в Библии. Это –

> «...одно из ключевых святых слов: πίστις /пистис/ «вера, верность, преданность». По данным российских и зарубежных этимологических исследований, это имя существительное восходит к более древнему глаголу πείθω /пейто<писо/ «я убеждаю», который происходит от корня *bʰeydʰ-. Применение этого древнего глагола в Евангелии открывает причину противоречия между корнесловным образом *убеждения* и современным значением этого слова. Политики и духовные «вожди слепых» хорошо научились убеждать простой народ льстивым подкупом, силой, устрашением и иными средствами психологического влияния с целью управления массами» [8].

Итак, в приведенном контексте убеждение ближе всего подходит к *вере*.

Вера – интенциональное состояние, переживаемое как блаженство.

Но это противоречие.

Интенция процессуальна. Блаженство субъективно устойчиво и вечно; точнее, оно есть одно из явлений, или же «ликов вечности».

Что же это за состояние, каковы его когнитивные корни, если таковые имеются?

Вера и знание

Когнитивные основания веры и всех ее оттенков, можно утверждать, ровно те же, что и у знания, как гипотетического, так и подтвержденно-точного. В чем же разница? Не только в субъективности одних оснований и объективности других. Тем паче, что существует закономерный, отмеченный еще в диалектическом материализме, переход, или «перелив», субъективного в объективное и даже материального в идеальное – и обратно. «Различие идеального от материального тоже не безусловно, не überschwenglich» (Ленин).

Вернемся к соответствующему Разделу Третьему «Канона чистого разума» Канта. Мнение, вера и знание, пишет он, суть три ступени формирования убеждения; в конце абзаца вводится еще одна категория – *достоверность*, помогающая разъяснить, так сказать, коммуникативную ценность убеждения.

> *Мнение* есть сознательное признание чего-то истинным, недостаточное *как* с субъективной, *так* и с объективной стороны. Если признание истинности суждения имеет достаточное основание с субъективное стороны, и в то же время считается объективно недостаточным, то оно называется *верой*. Наконец, и субъективно, и объективно достаточное признание истинности суждения есть *знание*. Субъективная достаточность называется *убеждением* (для меня самого), а объективная достаточность – *достоверностью* (для каждого) [4: с. 610].

В оригинале: *Meinen* ist ein mit Bewußtsein *sowohl* subjektiv, *als* objektiv unzureichendes Fürwahrhalten. Ist das letztere nur subjektiv zureichend und wird zugleich für objektiv unzureichend gehalten, so heißt es *Glauben*. Endlich heißt das sowohl subjektiv als objektiv zureichende Fürwahrhalten

das *Wissen*. Die subjektive Zulänglichkeit heißt *Überzeugung* (für mich selbst), die objective *Gewißheit* (für jedermann). Ich werde mich bei der Erläuterung so faßlicher Begriffe nicht aufhalten [5: S. 689].

По видимости логичное и ясное, это рассуждение содержит два противоречия. Первое: признание *истинности* суждения приравнивается к *субъективной* его значимости, хотя выше утверждалось, что «истинность основывается на соответствии с объектом, “Wahrheit beruht auf der Übereinstimmung mit dem Objekte”. Второе: *субъективная* значимость почему-то здесь отнесена к убеждению, хотя и с оговоркой («которое имеет также объективную значимость»), в то время как весь период Третьего раздела начинается с введения специальной категории «уверенности», существующей именно в силу *субъективных* причин. Налицо указанный «перелив». А наличие одновременно и субъективной, и объективной значимости – это уже знание.

В истории философии существовало, как известно, три точки зрения на переход от веры к знанию и на возвышение от знания к вере. Первая точка зрения, находящаяся на «линии Платона», как думается, прекрасно может быть проиллюстрирована опытом Августина Блаженного: озарение пришло к нему не в результате долгого изучения трудов языческих ученых, но чудесным образом, в итоге молитв и волевого стремления. «Иди, читай!», нараспев произнесенное мальчиком из соседнего сада, привело к этому внезапному и потрясающему инсайту... Со скамьи Августин встал христианином. Solo fide. Только верой. «Верю, а потому и знаю». Православие зиждется именно на этом.

Вторая точка зрения связана с авторитетом Аристотеля: его логика, воплощающая правильный путь абстрактного мышления, то есть путь (научного) знания, тысячу

лет использовалась для доказательства истин веры. «Узнав, поверю». Это будет путь католицизма.

Согласился ли бы с этим сам Философ – неизвестно; несомненным кажется, однако, что его вера в разумный, но безличностный неподвижный двигатель не была религиозной. Это можно проиллюстрировать на любом современном примере; моим любимым (его я использую, преподавая философию) является следующий. Представьте себе что-то совершенное, прекрасное настолько, что все люди, движимые врожденным стремлением к благу и красоте (тут Аристотель предстает как ученик Платона), влекутся к нему. Мне, например, представляется гора Фудзи-сан, 富士山. По склонам этой великолепной горы круглосуточно поднимаются паломники со всего мира. Спрашивается, «знает» ли об этом Фудзи-сан? Вопрос напрасный. Она вызывает движение, оставаясь неподвижной. Таково действие любого совершенства.

Есть еще и третья точка зрения, эксклюзивная. Это (предположительно) Тертуллиан: «Верую, ибо абсурдно». Странной эта фраза представляется только, если не вспомнить, что ближайший синоним «аб-сурда» – аб-солют. Оба концепта обозначают то́, что́ вне и выше всех разумных решений; в принципе, это есть апофатический путь описания бога. На этом же пути и прославленное кантовское «я ограничил знание, чтобы оставить место вере», и блоковское «умом Россию не понять... у ней особенная стать, в Россию можно только верить». И лермонтовское: «...храм оставленный – все храм, кумир поверженный – все Бог».

Вера *небезосновательна*! Вера может получить многоразличные обоснования, и она может оправдаться, подтвердиться, триумфально увенчаться и проч.; уже не стоит упоминания, что она есть belief, то есть убеждение. Но

еще более действенно то, что вера черпает силу не в абстрактной мысли, а в чувственной сфере психики.

Религия и религиозная вера (здесь не имеется в виду иудаизм с его грозным, карающим богом) предлагает не только защиту и спасение, по крайней мере, надежду на него: она переживает и сочувствует, жалеет, утешает, оберегает. *Спасает*. Потребность в любви и утешении, жажда сочувствия неискоренима. Личностное, заинтересованное отношение к обладателю души, человеку, сильному и слабому одновременно, – вот в чем влияние новозаветной религии и религиозной веры, будь то христианство или ислам, самая «философичная» из авраамических религий.

Что касается нерелигиозной веры: для нее сверхчувственное давно перестало быть сверхъестественным, еще со времен Галилея; а вся сила древней эмоциональной сферы – экспектация, нетерпеливое ожидание, восхищение перед наметившимся открытием, изобретением, близким приходом светлого будущего – та же самая, что у религиозных верований. Нерелигиозная вера значительно чаще опирается на традицию науки; но, во-первых, неотомизм и нео-исламское богословие также постоянно ссылаются на науку, а во-вторых, и богословие, и философский идеализм опираются на науку *логику*. И в-третьих: в научном познании, со своей стороны, огромную роль играет интуиция, а не только логика и опора на соответствующие эмпирические факты.

Поэтому данные различия феноменальны, однако несущественны.

Есть одно существенное, дефинитивное различие: *вера в чудо*.

Лев Толстой утверждал, что это неискоренимое народное чаяние, его не изменяет время, не отменяет атеизм. А. М. Горький писал об этом в своих Заметках «Лев Толстой», цитируя восхищавшего его «этакого русского

бога, который «сидит на кленовом престоле под золотой липой»»:

> «Интеллигент – это галицкий князь Владимирко; он еще в XII веке говорил «предерзко»: «В наше время чудес не бывает». С той поры прошло шестьсот лет, и все интеллигенты долбят друг другу: «Нет чудес, нет чудес». А весь народ верит в чудеса так же, как верил в XII веке» [9: Заметки, V].

Нерелигиозная вера в этом отношении подобна знанию: чудо не рассматривается как достаточное основание достоверности.

Что касается собственных признаков веры – прекрасными примерами надежды на защиту и помощь свыше, вызывающими ответную любовь и доверие, являются, например, такие молитвы.

Василий Великий.

> Спаси мя по благодати, молю Тя; аще бо от дел спасеши мя, несть се благодать, и дар, но долг паче. Веруяй бо в Мя [не *я* в него, а *он* в меня! – *Э.Т.*], рекл еси – жив будет и не узрит смерти вовеки... Вера, яже в Тя, спасает отчаянныя... Вера же вместо дел да вменится мне, не обрящеши бо дел отнюд оправдающих мя... Да не убо похитит мя сатана, и похвалится, Слове, еже отторгнути мя от Твоея руки и ограды, но или хощу, или не хощу, спаси мя,... (sic! – *Э.Т.*)

Подозревать в Отцах Каппадокийцах детское сознание не приходится.

Иоанн Дамаскин, прозванный Χρυσορρόας, то есть «золотой поток», в миру Мансур ибн Серджун ат-Таглиби, один из Отцов Церкви, богослов и философ, следовавший Отцам Каппадокийцам.

> Вем убо, Господи, яко недостоин есмь человеколюбия Твоего... Но, Господи, или хощу, или не хощу, спаси мя. Аще бо праведника спасеши, ничтоже велие; и аще

чистаго помилуеши, ничто же дивно: достойни бо суть милости Твоея. Но на мне грешнем удиви милость Твою... и якоже хощеши, устрой о мне вещь.

Это именно общечеловеческая потребность в любви, сочувствии и утешении, искренняя просьба, высказанная исключительно сердечно, художественно и проникновенно. В этом и только в этом чувстве заключена сила религиозной веры.

Вера, любая вера, могущественна: подводя к научному открытию или к свидетельству чудесного явления/совпадения/предвестия, предвосхищая гениальное изобретение, обещая подтверждение предположения, гипотезы, интуитивной догадки и т.д., она приводит к величайшему воодушевлению.

При этом религиозная вера не всегда празднична; она может быть и бывает мучительной, поскольку имеет дело с всесильным существом. А. М. Горький, например, так писал о толстовском «открытии бога в себе»:

> Он напоминает тех странников с палочками, которые всю жизнь меряют землю, проходя тысячи верст от монастыря к монастырю, от мощей к мощам, до ужаса бесприютные и чужие всем и всему. Мир – не для них, бог – тоже. Они молятся ему по привычке, а в тайне душевной ненавидят его: зачем гоняет по земле из конца в конец, зачем? Люди – пеньки, корни, камни по дороге, – о них спотыкаешься и порою от них чувствуешь боль... [9: Заметки, IX].

Вернемся к Локку.

> Разница же между вероятностью и достоверностью, между верованием и знанием (probability and certainty, faith, and knowledge) состоит в том, что во всех частях знания есть интуиция: каждая непосредственная идея, каждый шаг имеет свою видимую и достоверную связь. Не то с верой: меня склоняет верить нечто внешнее к той вещи, в отношении которой у меня есть вера, нечто такое, что не имеет очевидной связи ни с вещью, ни со мной, и что поэтому не показывает

ясно соответствия или несоответствия рассматриваемых идей [2: т. II, с. 134–135].

В оригинале: And herein lies the difference between probability and certainty, faith, and knowledge, that in all the parts of knowledge there is intuition; each immediate idea, each step has its visible and certain connexion: in belief, not so. That which makes me believe, is something extraneous to the thing I believe; something not evidently joined on both sides to, and so not manifestly showing the agreement or disagreement of those ideas that are under consideration [3: item 3].

Итак, вера (belief) – по Локку – *вызванное чем-то внешним* суждение, которое не имеет интуитивно очевидной связи ни с объектом, ни с субъектом познания. Кант позже скажет о философской недостаточности ссылки на это «нечто внешнее»: «...Неизвестный предмет нашей чувственности не может быть причиной представлений в нас... о неизвестном предмете никто не может сказать, что он может или не может сделать» [4: 688]. Вера (Glauben), по Канту, – это суждение, достаточное обоснованное с субъективной, но не с объективной стороны. Студентам на лекциях можно дать такое или примерно такое определение: это пристрастное присвоение недоказанного знания и исповедование его вопреки сомнениям.

Значит, все-таки знание.

На русском языке «знание» семиотически родственно таким словам, как «знак», «значение» и даже «признание», «знамение» и «знамя». Философичный немецкий язык пользуется термином “Wissen”, родственным «мудрости». Английское “knowledge” напрямую происходит от греческого γνώση.

Уже приходилось – под влиянием концепции Шелера – предложить определение знания, объединяющее теорию познания и семиотику (1997). Здесь, однако, рассмотрим понимание знания, принятое у современного англо-

шотландского философа Данкана Притчарда, одного из основоположников так называемой Эпистемологии добродетелей.

> ...it seems that there must be more to knowledge than just true belief. But what could this additional component be? The natural answer to this question, one that is often ascribed to Plato, is that what is needed is a *justification* for one's belief, some good reasons or grounds for believing what one does [10: p. 23].

В переводе автора: «...кажется, что знание должно быть чем-то большим, чем просто истинная вера-убеждение. Но что это может быть за дополнительный компонент? Естественный ответ на этот вопрос, который часто приписывают Платону, состоит в том, что необходимо *оправдание* своей веры, какие-то веские причины или основания для веры в то, что человек делает» [10: p. 23]. Данкан Притчард касается здесь так называемого JTB-анализа, в формате которого знание рассматривается как justified true belief, обоснованная истинная вера-убеждение, или просто убеждение.

> ...the ability to offer good reasons in favour of ...belief, ... is just what being justified intuitively involves. It is thus plausible to contend that knowledge is simply justified true belief... [ibid.]

В переводе автора: «...способность предложить веские резоны в пользу... убеждения... – именно то, что обоснование интуитивно и предполагает. Таким образом, вполне правдоподобно утверждать, что знание – это просто обоснованная истинная вера...»

Является ли знание обоснованным истинным убеждением?

Притчард подчеркивает, что дело с подобным определением обстоит не так просто, как это кажется.

Автору этого очерка тоже не раз приходилось отвечать отрицательно; знание может не быть ни тем, ни дру-

гим, ни третьим, и все же оставаться знанием. С другой стороны, встречаются случаи (вроде «потемкинских деревень», а также «кейсов Геттиера»), когда обоснованное истинное убеждение «не попадает в цель», то есть вы не знаете, во что именно поверили. Скажем, на часах в холле 8.20. Вы верите и ведете себя соответственно; однако оказывается, что часы давно встали, и ваше правильное поведение – просто совпадение. Можно ли назвать эту уверенность *знанием*?

Все не так прямолинейно.

> Unfortunately, matters are not nearly so straightforward. The reason for this is that this three-part, or *tripartite*, theory of knowledge has itself been shown to be completely untenable... In essence, what Gettier showed was that you could have a justified true belief and yet still lack knowledge of what you believe because your true belief was ultimately gained via luck [10: 23].

В переводе автора: «К сожалению, все не так однозначно. Причина этого в том, что сама эта трехчастная, или *триадическая*, теория познания оказалась совершенно несостоятельной... По сути, Геттиер показал, что можно иметь обоснованное истинное убеждение и при этом не знать, в чем именно вы убеждены, потому что ваша истинная вера в конечном итоге была получена благодаря удаче» [10: 23].

Тем не менее, доказательность слишком часто принимается за необходимый и существенный признак *истинного* знания (хотя логика в принципе может доказать что угодно), поэтому коснемся данного вопроса.

Доказательство решающим образом зависит от процедуры демонстрации: импликативной связи, налаживаемой между доводами и тезисом. Сет подобранных аргументов выстраивают так, чтобы импликация стала возможной, и тем самым доказывают истинность суждения. На это указывает Локк: процедура доказательства состоит в том, чтобы обнаружить соответствие «идей» – тезиса и аргу-

мента(ов) – посредством «доводов, находящихся между собой в постоянной, неизменной и видимой связи» [2: т. II, с. 133].

Такое структурно совершенное доказательство доступно далеко не всегда: по недостатку времени на подбор аргументации или недостатку доводов; по их легковесности (свидетельство уровня «ей-богу», например, или «вещий сон»); по неумению следовать правилам логики; из-за отсутствия финансирования, отводимого на практическую проверку, и проч. Не всегда нужны строго выстроенные определения и классификации – это дело очень трудное и ответственное. С другой стороны, философские категории и не поддаются формально-логическому определению, будучи высшими родами бытия и разрядами познания. Именно поэтому Локк замечает: «...Не будем категорически и неумеренно требовать доказательства и достоверности там, где возможно достигнуть одной лишь вероятности, вполне достаточной для устройства наших дел» [2: т. I, с. 94].

Коснемся еще взглядов Гегеля на все эти предметы. Из его работ ближе всего к теме подходят три ранних: «Положительность христианской религии» (Die Positivität der christlichen Religion, 1795/96), «Дух христианства и его судьба» (Der Geist des Christentums und sein Schicksal, 1799/1800), а также «Вера и знание, или Рефлекскивная философия субъективности в полноте её форм как философия Канта, Якоби и Фихте» (Glauben und Wissen oder Reflexionsphilosophie der Subjektivität in der Vollständigkeit ihrer Formen als Kantische, Jacobische und Fichtesche Philosophie, 1803). Остановимся только на последней – в связи с оценкой Канта.

Культура, – говорит Гегель с первых строк этой своей ранней работы, – настолько «поднялась над старой противоположностью знания и веры, философии и позитивной

религии, что ...противопоставление веры и знания получило совсем иной смысл и ныне перемещено внутрь самой философии» [11: с. 157]. «Позитивной» значит здесь «авторитарной», устанавливающей определенные нормы поведения для народа. Гегель (получивший теологическое образование!) в тот период мечтал о «живой вере сердца», воплощающей «дух народа», и коллективном, свободном общежитии. «Но великая форма мирового духа, которая познала себя в ...философских учениях, есть принцип Севера..., – субъективность, в которой красота и истина излагается в чувствах и убеждениях, в любви и рассудке» [11: с. 159]. Кроме «принципа Севера» (и того, что речь конкретно идет о протестантизме), всё в этих высказываниях молодого философа, отправлявшегося от времени Просвещения, увлеченного красотой воображения, фантазии и любви, звучит привлекательно. Правда, это еще не «сам Гегель», трактовавший о снятии отчуждения субъекта, о закономерностях общественного процесса, перешедший от иллюзий к «Феноменологии духа», новой философии. Но это *Гегель*, уже тогда, 220 лет назад, резко и определенно заявивший о «высшей идее», из которой можно заключить о существовании ее референта, следующее: (Канту) надо было «вместо того, чтобы заканчивать верой в эту идею, с нее только и начинать философию и ее признать единственным содержанием последней» [11: с. 171]. «Докажите мне – и я поверю». «Я верю – и ради этого познаю».

Заключение

Новизна научного трактата может состоять в двух вещах: новой идее или новых аргументах в поддержку уже существующей идеи (идей).

Концептуальный анализ понятий веры, знания и мнения, проведенный в данном эссе, не привел к открытию новых, оригинальных признаков этих феноменов и трансформации содержания терминов, их обозначающих. Словарные определения веры как особого состояния психики, выражающегося в твердой убежденности, несомненном доверии и надежде, знания – как воплощенного в языке образа реальности в виде общих представлений и понятий, мнения – как представления, не имеющего вполне надежного основания, в принципе верны; во всяком случае, не неверны. Однако современное развитие не столько, может быть, общей гносеологии, сколько эпистемологии (как теории *научного* познания), философии и методологии науки, социологии знания и т. п. привело к появлению новых доводов в поддержку этих суждений (тезисов), – например, в области экзистенциального материализма, эпистемологии добродетелей, семиотики и теории коммуникации.

Знание, мнение и вера, в особенности вера-убеждение, суть категории перекрещивающиеся. В *знании*, преимущественно в научном знании, есть дополнительный признак – любого рода обоснование (весьма часто у классиков в их числе называются общезначимость и необходимость), а *веру* отличает сильное воодушевление. В религиозной вере присутствует признание необходимого существования чудес, нарушающих естественный ход событий; в не-религиозной – экспектация подтверждения прогноза, догадки, гипотезы – научной, художественной или философской. *Мнение* в качестве дополнительного признака содержит частные соображения, присущие каждому субъекту в его приватности, и оно обладает для него не просто правдоподобием, но *истинностью* в виде личной уверенности.

В средостении этого «трехлистника» стоит убеждение, в общем виде понимаемое как мировоззренческая идея, определяющая волю и поведение личности или общества. Убеждения – то, что надлежит передавать, в пределе создавая традицию: своим ученикам, детям, в целом любой читающей и слушающей аудитории.

Синтагматически линию развития и перехода одной из анализируемых категорий в другую (другие) можно проиллюстрировать следующим образом. Если использовать эмблему лествицы, последовательность будет такова: восприятие (всегда индивидуальное), предположение, мнение, уверенность, вера-убеждение, знание, доказанность.

Возвращаясь к вопросу о вере в коммунизм – обществе, основанном на равенстве людей, в котором отсутствует частная собственность на землю, заводы и фабрики...etc., как бы его не называли, – «коммуна», «соборность», «община», «махалля», «ауровилль» и т. д., – можно сказать следующее.

Свою миссию я и мои единомышленники определяю как «хранители». Преподавая в вузе или беседуя об этих материях в публичном и приватном пространстве, на конференциях, собраниях и проч., подчёркиваю: главное, чтобы история остановилась не на нас. Главное, чтобы мы сохранили и смогли передать ученикам и детям, коллегам, друзьям и попутчикам это величественное и вдохновенное знание, всеми доступными способами.

Потому что мы правы. Об этом рассуждали еще Семь греческих мудрецов, представляя себе, каким должно быть справедливо устроенное, разумное общество свободных людей. Солон говорил: я так полагаю, что более всего стяжает славы царь или тиран тогда, когда он единовластие над гражданами обратит в народовластие. В том государстве лучше всего правление и крепче всего народовластие, где обидчика к суду и расправе привлека-

ет не только обиженный, но и не обиженный. А Фалес утверждал: лучшее государство то, в котором нет ни бедных граждан, ни безмерно богатых. Анахарсис же сказал: то, где лучшее воздается добродетели, худшее – пороку, а все остальное – поровну.

Коммунистический образ жизни в природе человека, в его крови. Народные праздники; молодежные «тусовки»; серьезные студенческие организации от древнего Пифагорейского союза до современной Лиги плюща; первобытнообщинная взаимопомощь в деревне; пиратская Тортуга, Запорожская Сечь, Холмогорские поморы, у которых не было системы рабства, и перуанские инки, у которых все работы по строительству, орошению и т. д. совершались сообща, – все они собраны по принципу свободы-равенства-братства, а руководимы избранниками, считавшимися достойными. Сегодня в первую голову надо назвать многочисленные региональные и международные сообщества ученых и философов наподобие ISUD – International Society for Universal Dialogue; это, конечно, и все иные профессиональные Союзы и сообщества творческих работников: например, литераторов, от «Арзамаса» и Пушкинского Царскосельского лицея в прошлом и до современной Казанской Altera Pars в наши дни – всё это яркие и понятные картинки свободно собравшихся людей, дружественного, артельного – «соборного» – «коммунного» образа жизни. Формы общественного самоуправления.

Другое дело – мировая революция. С уничтожением системы наёмного труда и классовых различий само собой исчезло бы социальное и политическое неравенство.

До этого все же далеко.

Маркс в «Критике Готской программы» (1875) – работе, анализирующей перспективу, предложенную Лассалем и его рабочей партией, – достаточно резко и уничижительно по пунктам разбирает недостатки и даже ошибки

социалистического проекта: в нем государство рассматривалось как некая самостоятельная сущность (Разд. IV). В действительности, напротив, это *общество* должно рассматриваться как *основа* существующего государства – как и будущее общество составит основу будущего государства. Главная претензия Маркса к Программе социалистов – воплотившись, это был бы «демократизм, который держится в пределах полицейски дозволенного и логически недопустимого» [12: с. 24].

Социалистическое наше государство, разворачиваясь по дуге, возвращается, уже вернулось, к капитализму. «Проект» был объявлен провалившимся – собственно, как и «незавершенный проект модернити» в целом (Хабермас); СССР и КПСС «распущены» и т. д. Два ныне живущих поколения тем изменениям свидетели.

> В духе эпохи Просвещения с ее идеей о силе человеческого разума и способности с помощью него изменять существующую реальность и создавать новую... советский человек заставлял природу и ее ресурсы работать на благо человечества, осушал болота, перекрывал реки или же поворачивал их вспять, утверждая себя не только в новых индустриальных границах, но и границах человеческих возможностей, воплощения идей и идеологий. Такая риторика будет сопровождать ... на всем периоде существования советского проекта [1: с. 20].

Никакое государство не свободно и не народно, писал в 1875 году Маркс... да, это так. Однако он никакой другой государственности и не застал в то время, кроме буржуазной. А Ленин и социал-демократическая партия большевиков выстраивали государство нового типа: оно не должно было «возвышаться» над народом; напротив, народ – та почва, из которой вырастало это государство вместе со своими народными судом, армией, флотом и Советами депутатов. Однако и его перспектива была та же самая: исчезнуть со временем, хотя и не самым революционным путем.

Что далее?

Маркс в «Критике Готской программы» («Капитал» к тому времени уже был опубликован) не отвечает, чтó должно прийти на смену государству, с точностью, которая удовлетворила бы читателя, – вероятно, это различные формы общественного самоуправления. Однако о свободе в этом произведении он говорит совершенно внятно и убедительно. Свобода народа состоит в том, чтобы превратить буржуазное государство, которое «ранний» Маркс еще называет «гражданским обществом» (собственно, это гегелевский термин), в противовес коммунизму – «человеческому обществу», – из органа, стоящего *над* обществом, в орган, обществу *всецело подчинённый* [12: с. 22].

Это уже доктрина.

Это *знание*.

А потом уже вера – в добро и разум, в природу и сущность человека.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Это мнение исследователей лаборатории исторической географии и регионалистики при Тюменском государственном университете.
2. По решению редактора и автора словаря, ссылка https://pervobraz.ru/ должна была закрыться с 19.12.23: «Я также обратился с просьбой к администрации этого сайта о полном удалении всех текстов «Глагола» из интернета и о ликвидации сайта... Дело в том, что сайт словаря никак не защищен от доступа недобросовестных пользователей...» и т. д.
3. «Знание можно охарактеризовать как *обнаружение* и *принятие* («понимание», т.е. «имение», присвоение) *бытия, участие* человека в конкретном существовании объекта так, что он (объект) оказывается заме-

щенным, а точнее, он презентирован, *представлен* (vorgestellt), обо-*значен* идеальным образом (в обоих смыслах слова «образ» и в обоих смыслах слова «идеальное») [Э. А. Тайсина. К определению знания // Феномены природы и экология человека. М-лы межд. симпозиума. Казань: 1997].

4. «Какие общественные функции останутся тогда, аналогичные теперешним государственным функциям? На этот вопрос можно ответить только научно; и сколько бы тысяч раз ни сочетать слово «народ» со словом «государство», это ни капельки не подвинет его разрешения» [12: с. 23].

Литература

1. Рябов, Ю. В., Груздев, А. А. Образы индустриального фронтира в контексте энергетического освоения территории Восточной Сибири // *Журнал Фронтирных исследований – Journal of Frontier Studies*, Vol. 9, № 1, 2024. С. 15–35. https://jfs.today/index.php/jfs/issue/view/35 (accessed on March 9, 2024).
2. Локк, Джон. *Опыт о человеческом разумении*. / Сочинения в 3-х т. М.: Мысль, 1985. Пер. А. Н. Савина.
3. Locke, John. *An Essay Concerning Human Understanding*. London. George Routledge and sons LTD. New York: E.P. Dutton and co. Published first in 1894. Available at https://ebooks.adelaide.edu.au/l/locke/john/l81u/contents.html (accessed on March 5, 2024).
4. Кант, Иммануил. *Критика чистого разума* / пер. с нем. Н. Лосского сверен и отредактирован Ц. Г. Арзаканяном и М. И. Иткиным; прим. Ц. Г. Арзаканяна. М.: Эксмо, 2012. 736 с.

5. Immanuel Kant. *Kririk der reinen Vernunft* / Immanuel Kant: Werke in zwölf Bänden. Band 3, Frankfurt am Main 1977. Der Kanon der reinen Vernunft. http://www.zeno.org/Philosophie/M/Kant,+Immanuel/Kritik+der+reinen+Vernunft (accessed on December 12, 2020).
6. David, Marian. The Correspondence Theory of Truth // [Стэнфордская энциклопедия] Available at https://plato.stanford.edu/entries/truth-correspondence (accessed on March 6, 2024).
7. Young, James O. The Coherence Theory of Truth // [Стэнфордская энциклопедия] Available at https://plato.stanford.edu/entries/truth-coherence (accessed on March 6, 2024).
8. Семенцов, Василий Васильевич. Интернет-словарь «Глаголъ». https://pervobraz.ru/slova/article_post/ubezhdeniye (accessed on March 6, 2024) (in Russian).
9. Горький, М. Лев Толстой. Заметки. Собр. соч. М. Горького. 2-е изд. Т. 22. М.Л., 1933. С. 48–88.
10. Pritchard, Duncan. *What is this Thing Called Knowledge*? 2-nd edition. 2010. First published 2006. This edition published 2010 by Routledge, the USA and Canada.
11. Гегель, Георг Вильгельм Фридрих. *Вера и знание. Работы ранних лет* / Пер. с нем., вступ. статья и примеч. А. А. Иваненко. Санкт-Петербург: Умозрение, 2021. 384 с.
12. Маркс, Карл. Критика Готской программы // К. Маркс и Ф. Энгельс. Избр. соч. в 9-ти т. Т. 6. М.: Изд-во полит. лит-ры. 1987. С. 8–28.

References

1. Ryabov Yu. V., Gruzdev, A. A. Obrazy industrial’nogo frontira v kontekste energeticheskogo osvoyeniya territorii

Vostochnoy Sibiri [Images of the industrial frontier in the context of energy development of the territory of Eastern Siberia] // *Journal of Frontier Studies*, Vol. 9, No. 1, 2024. P. 15–35. https://jfs.today/index.php/jfs/issue/view/35 (accessed on March 9, 2024).
2. Lokk, Djon. *Opyt o chelovecheskom razumenii* [An Essay Concerning Human Understanding]. Coll. Papers, in 3 vol. Moskva: Mysl'. 1985. Transl. by A. N. Savin.
3. Locke, John. *An Essay Concerning Human Understanding*. London. George Routledge and sons LTD. New York: E. P. Dutton and co. Published first in 1894. Available at https://ebooks.adelaide.edu.au/l/locke/john/l81u/contents.html (accessed on March 5, 2024).
4. Kant, I. *Kritika chistogo razuma* [Critique of Pure Reason] / Transl. from Germ. by N. Lossky, verified by Ts. G. Arzakanyan and M. I. Itkin; notes by Ts. G. Arzakanyan. Moskva: Exmo, 2012. 736 p. (in Russian).
5. Immanuel Kant. *Kririk der reinen Vernunft* / Immanuel Kant: Werke in zwölf Bänden. Band 3, Frankfurt am Main 1977. Der Kanon der reinen Vernunft. http://www.zeno.org/Philosophie/M/Kant,+Immanuel/Kritik+der+reinen+Vernunft (accessed on December 12, 2020) (in German).
6. David, Marian. The Correspondence Theory of Truth // [Stanford Encyclopedia of Philosophy] Available at https://plato.stanford.edu/entries/truth-correspondence (accessed on March 6, 2024).
7. Young, James O. The Coherence Theory of Truth // [Stanford Encyclopedia of Philosophy] Available at https://plato.stanford.edu/entries/truth-coherence (accessed on March 6, 2024).
8. Sementsov, Vas. Internet-slovar' "Glagol" [Internet-dictionary "Verb"]. https://pervobraz.ru/slova/article_post/ubezhdeniye (accessed on March 6, 2024) (in Russian).

9. Pritchard, Duncan. *What is this Thing Called Knowledge*? 2-nd edition. 2010. First published 2006. This edition published 2010 by Routledge, the USA and Canada.
10. Gor'kiy, M. Lev Tolstoy. Zametki [Leo Tolstoy. Notes]. Coll. op., 2-nd edition. Vol. 22. Moskva-Leningrad, 1933. P. 48–88.
11. Gegel', G. V. F. *Vera i znaniye. Raboty raznykh l'et* [Belief and Knowledge. Varia] / Transl. from Germ., Intr. and notes by A. A. Ivanenko. Sankt-Peterburg : Umozreniye, 2021. 384 p. (in Russian).
12. Marks, Karl. *Kritika Gotskoy programmy* ["*Critique of the Gothauer Program*] // K. Marx and F. Engels. Selected op. in 9 vol. Vol. 6. Moskva: Polit. literature Publishing House. 1987. P. 8–28 (in Russian).

Впервые опубликовано в:
«Социальные и гуманитарные науки
на Дальнем Востоке».
Том XXI, Вып. 3, 2024. – С. 51–61.

ТРАНСГУМАНИЗМ И ПОСТГУМАНИЗМ КАК ПРОЕКТЫ ЭВОЛЮЦИОННОГО И РЕВОЛЮЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

Аннотация. Широко обсуждаемые феномены трансгуманизма и постгуманизма в виде подлинной и неизбежной реальности принадлежат скорее будущему времени, нежели настоящему. Рассматривая их как проекции, мы не можем свидетельствовать, что они вскоре превратятся из утопии в реальность, из возможного в действительное. Однако, рассуждая не столько с технологических, сколько с философских позиций, нельзя не признать вероятность адвента того и другого, поскольку такие сценарии в принципе укладываются в классическую диалектическую схему эволюционного и революционного: трансгуманизм во-

площает идеал возможного эволюционного развития человека с явно положенной целью постепенного, сознательного улучшения человечества как вида, а постгуманизм предполагает неизбежный революционный скачок в постчеловечество.

Оптимистическое убеждение адептов обоих проектов в том, что современные технологии позволят без проблем перенести человеческую персональность («душу») в андроида, наталкивается не только на технические, но и на философские проблемы, одна из которых ставит под сомнение максиму «человек – вершина мирового развития».

Ключевые слова: трансгуманизм, постгуманизм, эволюция, революция, настоящее, будущее, утопия, реальность

TRANSHUMANISM AND POSTHUMANISM AS PROJECTS OF EVOLUTIONARY AND REVOLUTIONARY DEVELOPMENT

Abstract. The widely discussed phenomena of transhumanism and posthumanism as a “kingdom come” of a true and inevitable reality belong rather to the future than to the present time. Considering them as projections, we cannot testify that they will soon turn from utopia to reality, from possible to actual. However, arguing not so much from technological as from philosophical positions, one cannot but recognize the likelihood of the advent of both, since such scenarios, in principle, fit into the classical dialectical scheme of the evolutionary and revolutionary: transhumanism embodies the feasibility of man’s evolutionary development with the clearly set goal of gradual, conscious improvement of humanity as a species, while posthumanism presupposes an inevitable revolutionary leap into the enhanced posthumanity.

The optimistic conviction of the adherents of both projects that modern technologies will make it possible to transfer the

human personality (“soul”) into an android without any problems runs into not only technical, but also philosophical problems, one of which is questioning the convention “man is the top of world’s development”.

Keywords: transhumanism, posthumanism, evolution, revolution, present, future, utopia, reality

Введение

Существует давняя философская, научная и литературная традиция описания взаимопревращения искусственных и естественных тел: ожившая Галатея (а также Голем) – и, наоборот, профессор Троттельрайнер или (увы) более известный Робокоп. Изобретения инженерных устройств, облегчающих труд человека, улучшали, возвеличивали и украшали жизнь: прежде – пирамиды, мосты и акведуки, архимедов винт и висячие сады Вавилона; теперь небоскребы с лифтами Отиса, ИИ и проч. Хорошо известны гениальные прозрения технологического будущего в трудах Леонардо с его баллистами, парашютами, танками и дельтапланами, Фрэнсиса Бэкона с его «Новой Атлантидой», в отечественных и западных научных и научно-фантастических произведениях как утопически-оптимистического, так и алармистски-пессимистического характера.

Цивилизационный перекресток, на котором мы ныне оказались, позволяет двигаться по двум разнонаправленным линиям мышления: наука – фантастика, утопия – антиутопия. Невозможно точно предсказать грядущее; но можно предположить, что в ближайшем будущем нас ожидает смешанное биотехнологическое общество. Есть тенденция драматизировать парадоксы существующих проектов этого общества, таких как транс- и в особенности постгуманизм, а также сами био-техно-социальные

новации, такие как постепенное слияние биологических людей с технологическими изобретениями.

Многие из этих изобретений действительно улучшают общее качество жизни человека. Однако оптимизм транс- и постгуманистов относительно того, что современные технологии позволят вскоре переносить человеческую сущность (самосознание, персональность, «душу») в человекоподобную и в любую другую машину, наталкивается не только на технические проблемы: например, как отделить разум от тела, а если невозможно, то нельзя ли заставить разум адаптироваться к новому телу? Сами эти проекты как образы возможного будущего подлежат философскому обсуждению.

Проекты транс- и постгуманизма.

Известный теоретик *трансгуманизма* Ник Бостром (2005) определяет его как убеждение в том, что человеческую природу можно аугментировать с помощью прикладной науки и других рациональных методов: это удлинение жизни, расширение физических способностей, контроль над собственной психикой. Это общество, в котором человечество будет культурно развито, нравственно улучшено и в целом станет более цивилизованным, политически и интеллектуально превосходя нынешнее человечество.

Реалистичные мечты трансгуманизма основываются на концепции прогрессивной эволюции и телеологического понимания жизни. Эволюция не просто создает приспособления для выживания; она совершенствует. Человек, произведенный биопсихосоциальной эволюцией, медлительной, но естественной, по-прежнему «становится», двигаясь к следующей стадии нового, «лучшего» вида человека. Развиваясь по экспоненте, новые наука и инженерия усовершенствуют хрупкие биологические тела, подверженные множеству сбоев и «отказов»; будущий ис-

кусственный мозг, могущественнее человеческого, поможет справляться с неминуемыми сложными задачами.

Трансгуманисты считают, что «технологии улучшения человека должны быть широкодоступны и что люди должны иметь широкую свободу действий в отношении того, какие из этих технологий применять к себе» [1, с. 202–203]. При этом, дополняя или заменяя тело, необходимо сохранить человеческую личность, то есть «сущность».

Ник Бостром, подчеркивая, что природа полна не только чудесных, но и ужасных явлений, утверждал, что использование технологических достижений человечества для подавления природных угроз является даже нравственным долгом современных ученых [1, с. 203–204].

Постгуманизм, имеющий одинаковую посылку с трансгуманизмом относительно траектории развития человечества, – это предположение, что путем революционной инженерной экспансии история неизбежно приведет к технологически преобразованному обществу.

Это «постчеловечество» является фактическим вызовом философскому *гуманизму*: «человек плюс» – не вполне человек, это киборг. Постгуманизм развивает идею о том, что человеческое существование, скорее всего, достигло своего естественного пика, а технология предлагает средства для скачкообразного перехода к чему-то радикально иному, чем человек. Эта философия ставит под сомнение максиму «человек – вершина мирового развития».

Идея естественной человеческой сущности, превосходящей искусственную, имеет глубокие корни в западной мысли. Естественное тело является прекрасным и желательным состоянием по сравнению с искусственным, поскольку оно несет в себе самосознание, человеческую личность, «персональность», которая превосходит искусственно созданную «сущность» неживого тела. Люди ста-

вят себя на вершину цепочки биологических существ, апологизируя представление о том, что быть человеком – это лучшее, что может быть. Действительно ли человеческая сущность настолько особенная, что ее необходимо развивать и сохранять?

Обсуждая Великую Цепь Бытия, Дерил Веннеманн (2016) утверждает, что данная концепция рисовала организацию всеобщего существования в виде сочетания континуума и прерывностей, объясняя место человека по отношению к другим существам. То, что становится «постчеловеческим», можно понять не только как плавный переход к новой форме бытия, но и как «онтологический скачок», представляющий «онтологический разрыв» цепи [2, с. 21], как революционно-прогрессивный характер технологии, ведущий к качественному выдвижению в иное состояние. Некоторые ученые стремятся к признанию непрерывности перерастания человеческого в постчеловеческое, чтобы сохранить понимание постчеловеческой реальности. Другие видят разрыв с человеком, представляющий как захватывающую возможность, так и угрозу [2, с. 23].

Ответ на вопрос о том, будет ли последующее развитие постчеловеческим или трансчеловеческим, будет зависеть от того, считаем ли мы развитие эволюционным, революционным или диалектически сочетающим то и другое.

Центральная тема, проходящая через прежние и современные философские дискуссии, будь то искусственное существо, которое оживает, или человеческое существо, усиленное технологией, заключается в том, что трансформация ведет к *трансцендентности*: переносу сущности («души», самосознания и т.п.) в другое тело. Существует ли преемственность между биологическим человеком и технологическим человеком? Может быть, трансформация – это все, что необходимо для создания

«лучшего» человека? И обязательно ли передача личности из одного тела в другое означает желанный выход за пределы драматично воспринимаемых ограничений собственного существования, и приведет ли такая передача к лучшей жизни?

Человек рожается для человеческого существования и обладает самосознанием, телом и знаниями, подходящими для того, чтобы быть человеком. Робот с искусственным интеллектом создан для соответствующей работы. Вложенные в него сведения и его организация приспособлены для действий в качестве робота. Кем бы данный человек ни был, его личность определена условиями своего происхождения и неповторимым опытом: биологические и социальные обстоятельства детерминируют самоидентификацию, мировосприятие и поведение этого человека. Попытки вырваться из круга данных обстоятельств и стать кем-то другим, кто радикально совершеннее, вероятно, не принесет той лучшей жизни, на которую рассчитывает транс- или постгуманист.

Картинки (из) будущего

По словам Бориса Стругацкого, в августе 1962 года в Москве состоялось первое совещание писателей и литературных критиков, работавших в жанре научной фантастики. Был показан фильм Стэнли Крамера «На берегу» – о последних днях человечества после ядерной катастрофы, – поразивший братьев Стругацких. В своем произведении «Далекая Радуга» они впервые поднимают проблему добровольного скрещивания людей и машин. Позже, в «Жуке в муравейнике», это будет охарактеризовано так: «На глазах у ошеломленных исследователей зародилась и стала набирать силу новая, нечеловеческая цивилизация Земли».

В «Далекой Радуге» группа ученых идет на этот эксперимент, получив чистый разум плюс неограниченные возможности биологического совершенствования. В трагическом финале романа последний из них заявляет: опыт не удался – в том смысле, что бессмертный мозг-дальтоник человекомашины являет собой жертву, принесенную ради гипотетического блага «всего человечества». А ведь «нужно любить… нужны зеленые холмы, музыка, картины, неудовлетворенность, страх, зависть…» [3].

(Кстати, наука и технологии могут предоставить человеку-киборгу массу возможностей ощутить и пережить это все и даже больше – при помощи «психимического воздействия» [4]).

Молодой отечественный философ А. В. Фролов считает, что в «Далекой Радуге» авторы описали наглядную картину действия фундаментальных принципов трансгуманизма [5].

А полстолетия назад был создан шедевр демонстрации постгуманистических программ в действии. Вот памятка:

> «Дорогой Пациент (имя, фамилия)! …Операция, сохранившая Тебе жизнь, оказалась серьезной – очень серьезной (ненужное зачеркнуть). Лучшие наши хирурги, используя последние достижения медицины, сделали Тебе одну – две – три – четыре – пять – шесть – семь – восемь – девять – десять (ненужное зачеркнуть) операций. Ради Твоего блага они были вынуждены заменить отдельные части Твоего тела органами, взятыми у других лиц, в соответствии с федеральным законом... Дружеское наставление, которое Ты в настоящую минуту читаешь, поможет Тебе адаптироваться к новым условиям Твоей жизни. Мы спасли ее, но при этом нам пришлось изъять у Тебя руки, ноги, позвоночник, череп, лопатки, желудок, почки, печень, прочие органы (ненужное зачеркнуть). За судьбу вышеуказанных бренных останков Ты можешь быть совершенно спокоен: мы позаботились о них, как велит Твоя вера, и согласно ее традициям совершили обряд погребения, кремации, мумификации, рассеивания праха

по ветру, наполнения урны пеплом, освящения, высыпки в помойную яму (ненужное зачеркнуть). … Мы усовершенствовали Твой организм при помощи наилучших – полноценных – удовлетворительных – таких, какие нашлись под рукой, – органов (ненужное зачеркнуть). Мы гарантируем работу указанных органов в течение одного года, шести месяцев, квартала, трех недель, шести дней (ненужное зачеркнуть). Ты должен понять, что…»

Это «Футурологический Конгресс» Станислава Лема, опубликованный в 1971, переведен на русский в 1987 г. [4].

Посыл. Человечество раздирали противоречия между старым, биологическим, и новым, технологическим. Конец этой изнуряющей борьбе положила «Психимия». Надо принять препарат, подходящий к данному случаю, а тот уж поможет, поддержит, направит, утешит и успокоит. «Ведь все существующее – не более чем изменение натяжения водородных ионов на поверхности клеток мозга. Вы меня видите, – но это, собственно, лишь изменение натриево-калиевого равновесия на мембранах ваших нейронов. А значит, достаточно послать туда, в самую глубину мозга, щепотку специально подобранных молекул – и любая фантазия покажется явью». Кроме натуральных органов можно иметь добавочные, пристяжные – «деташки». (Пример: «На голове у него был мемнор – приставка памяти... Вторая голова, поменьше и помоложе, торчала у него из-за спины и негромко вела телефонные переговоры»). И так далее.

Идиллия.

Солнечный свет подается по солнцепроводам. Высота, на которой плывут облака, регулируется… Погода выбирается всеобщим и равным голосованием на месяц вперед. Чтобы проголосовать, достаточно набрать по телефону нужный код… Пневмокомпьютеры служат, в частности, для оживления чучел любимых собак. … Детская мода: мальчик, переодетый компьютером. Другой планирует на высоте второго этажа над Пятой авеню, осыпая прохожих сладким драже. А те кивают ему, улыбаются добродушно…

Ребенок появляется на свет от двух матерей: одна дает яйцеклетку, другая вынашивает плод и рожает. Яйценоша

доставляет яйцеклетки от полуматери к полуматери. Мозги дряхлых старцев пересаживаются в черепа юношей. Те ничего не теряют: их мозги, в свою очередь, перейдут подросткам.

Поправка к идиллии.

Машина может сработать некорректно даже с учетом того, что за ней стоит человеческий разум, управляющий сложным искусственным интеллектом. Компьютеры, преодолев определенный порог разумности, потеряют надежность, а все потому, что разума без хитрости не бывает.

Правда, тупая, бесхитростная машина делает, что прикажут. Но смышленая прикидывает, что выгоднее: решить предложенную задачу или от нее отвертеться... А почему бы и нет, если она разумна? Ведь разум – это внутренняя свобода… Большой Автомахинатор, который в течение девяти лет возглавлял проект освоения Сатурна, ничегошеньки на этой планете не делал, зато целыми кипами отправлял фальшивые отчеты, сводки и рапорты о выполнении плана, а контролеров подкупал или приводил в состояние электроступора…

Ограничусь двумя-тремя сюжетами.

Дискуссия о необходимости реанимализации природы. Диких зверей давно нет; но стоит ли рабски копировать то, что когда-то бездумно состряпала эволюция? Нужны плоды оригинального творчества.

Из проектных образцов особенно удачными мне показались грабасты и леммипарды, а также огромный муравец, поросший густой муравой.

Лингвистическая футурология изучает грядущее, исходя из трансформационных возможностей языка.

Я – явь. Ты – тывь. Мы – мывь. Речь идет о слиянии яви с тывью, то есть о парном сознании… мывь… множественное сознание при сильном расщеплении личности.

…Ногизм – новейшее направление автоэволюции человека, так называемого homo sapiens monopedes: Одноного-

го... Потому что ходьба становится анахронизмом, а свободного места все меньше и меньше.

Галлюциногены, маскирующие действительность –

Введя в мозг масконы определенного рода, можно заслонить любой реальный объект иллюзорным так искусно, что замаскированное лицо не узнает, какие из окружающих предметов реальны, а какие – всего лишь фантом. Если бы вы хоть на миг увидели мир, в котором живете на самом деле – а не этот, припудренный и нарумяненный масконами, – вы бы слетели со стула!..

– и редкие действидцы, которые различают ложь и реальность.

…Я застыл, опасаясь поднять глаза на хозяина. Заглянул под письменный стол. Вместо брюк в полоску и профессорских штиблет там торчали два скрещенных протеза. Между проволочными сухожилиями застрял щебень и уличный мусор. Стальной стержень пятки сверкал, отполированный ходьбой.

На щеках, изъеденных язвами, – обрывки ветхого, гнилого бинта. Разумеется, он по-прежнему был в очках – одно стеклышко треснуло. На шее, из отверстия, оставшегося после трахеотомии, торчал небрежно воткнутый вокодер, он сотрясался в такт голосу. Пиджак висел старой тряпкой на стеллаже, заменявшем грудную клетку; помутневшая пластмассовая пластинка закрывала отверстие в левой его части – там колотился серофиолетовый комочек сердца в рубцах и швах… правая рука – в ней он держал карандаш – оказалась латунным протезом, позеленевшим от времени. К лацкану пиджака был наспех приметан клочок полотна с надписью красной тушью: «Мерзляк 119 859/21 транспл. – 5 брак».

Нелишне напомнить, что этой антиутопии 50 лет.

Заключение

Обсуждая человеко-машинные отношения, их онтологию и эпистемологию, многие дискуссанты принимают, что «человек» имеет приоритет в науке, философии и эти-

ке и что существует четкое представление о том, каким может быть «лучший» человек. Эту позицию Бостром описывает как «биоконсервацию», которая выступает против любых технологических усовершенствований человеческого тела [1, с. 203]. В отличие от биоконсерваторов, отстаивающих присущее человечеству «достоинство», которое может быть нарушено инженерным вмешательством, следует признать, что в действительности мир уже сейчас технически продвинут, и ученые ищут для многих своих проблем именно технологические решения. Некоторые из этих технологий реально улучшают жизнь, одновременно *предупреждая о необдуманном преувеличении* возможностей таких технологий.

Технология сама по себе не в состоянии создать трансгуманистический идеал.

Литература

1. *Bostrom, N*. (2005). In defense of posthuman dignity. *Bioethics*, *19*(3), 202–214.
2. *Wennemann, D. J*. (2016). The concept of the posthuman: Chain of being or conceptual saltus? *Journal of Evolution and Technology*, *26* (2), 16–30. https://jetpress.org/v26.2/wennemann.htm 28.09.21
3. *Бреева Т. Н.* Деконструкция утопического дискурса в произведении братьев Стругацких «Мир Полудня» / Т. Н. Бреева // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. – Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2015. – № 1 (136). – С. 226–235.
4. *Лем, Станислав*. Футурологический конгресс. – АСТ, 2017. – 192 с.
5. *Фролов А.В.* Морально-этические аспекты допустимости научного эксперимента в рамках теории трансгу-

манизма // Брянский государственный университет им. Акад. И.Г. Петровского. – 2013.

Впервые опубликовано в:
«XXI век: вариативность человеческого»
М-лы межд. междисц. н-обр. конф.
VIII Садыковские чтения. Эл. ресурс.
Казань, изд-во КФУ, 2001. – С. 183–193

ПОЛУ-ПРАВДА, ПОСТ-ПРАВДА, ПОСТ-ИСТИНА, & POST-EVERYTHING

Аннотация. На пути познания встречаются два блокирующих препятствия – догматизм и релятивизм. Философски они были осмыслены как метафизические крайности, противостоящие истине диалектики. Редуцируя закономерность общей гносеологии до (специального) проявления её в сфере политической философии и журнализма, можно провести параллель с «львами» и «лисами» Стива Фуллера. У него речь ведётся в рамках гипотезы пост-правды (пост-истины) как универсума культуры, и в особенности не столько игры политической силы вообще, сколько её мировоззренческой основы в лице философии. В формате данной статьи «львами» представляются догматики, а «лисами» релятивисты. Терминологическое предпочтение отдается применению понятия «пост-правда» (и «полу-правда») в качестве “*modus operandi*” политики, – и «пост-истина» применительно к философии и культуре.

Ключевые слова: правда, полу-правда, истина, истинность, пост-правда, пост-истина

HALF-TRUTH, POST-TRUTH, POST-VERITY, & POST-EVERYTHING

Abstract. On the path of knowledge, there are two blocking obstacles – dogmatism and relativism. Philosophically, they were interpreted as metaphysical extremes opposed to the truth of dialectics. By reducing the pattern of general theory of cognition to its (special) manifestation in the field of political philosophy and journalism, we can draw a parallel with Steve Fuller's (or, Machiavellian) "lions" and "foxes". Fuller speaks in the frame of the hypothesis of post-truth as a universe of culture, and probably not so much the game of political forces in general, but rather its ideological basis lying in philosophy. In the format of this article, dogmatists are represented as "lions", and relativists as "foxes". Terminological preference is given to the use of the concept of "post-truth" (and "half-truth") as a "*modus operandi*" of politics, and "post-verity" in relation to philosophy and culture in general.

Key words: truth, verisimilitude, verity, truthfulness, post-truth, post-verity

Введение

Во времена всеобщего обмана высказанная истина будет революционным актом.

Дж. Оруэлл

Несколько лет назад Оксфордский словарь предложил следующее определение пост-правды: "Post-truth – relating to or denoting circumstances in which objective facts are less influential in shaping public opinion than appeals to emotion and personal belief": то, что относится к обстоятельствам, при которых объективные факты оказывают меньшее влияние на формирование общественного мнения, чем апел-

ляции к эмоциям и личным убеждениям. Так объяснила свой выбор редакция Оксфордского словаря в 2016 г.[1]

В своем труде “Post-truth. Knowledge as a Power Game” («Пост-правда. Знание как борьба за власть»), уже ставшем классикой, Стив Фуллер с самого начала относит данное определение к «львиным» проявлениям власти, или влияния: (“The *Oxford English Dictionary*’s definition of ‘post-truth’ speaks the lion’s truth…”) [1, p. 2].

«Львы» – Фуллер использует метафоры Макиавелли – это те (влиятельные консерваторы, или ретрограды), кто рассматривает современное понимание прошлого как надежную основу для движения в будущее. (“The lions treat the status quo’s understanding of the past as a reliable basis for moving into the future”). «Лисы» – те, кто считает статус-кво искаженным пониманием прошлого, что препятствует движению в лучшее будущее. (“The foxes regard the status quo as possessing a corrupt understanding of the past that inhibits movement into a better future”) [1, p. 2]. Те и другие торгуют правдой, превращая ее не просто в игру, но в *пост-правду*.

Между тем ни соответствующее слово, ни стоящее за ним явление не возникли в 2016 г. Как поясняет А. В. Морозов, Стив Тешич, драматург, был первым, кто осознанно назвал ситуацию, неуютную для восприятия (американского) народа в связи с войной (во Вьетнаме), «правлением лжи» и «пост-истинным миром» еще в 1992 г. – вполне возможно, что под влиянием заметок Бодрийяра о Войне в заливе, – войне, которой «не было». Телеаудитория предпочла цензуру и «щадящую пропаганду» подлинности жестокой истины [2, с. 287].

Позже появились и вспомогательные термины, позволяющие лучше пояснить природу феномена пост-правды; наиболее яркий из них – truthiness, что-то вроде «более-

[1] https://languages.oup.com/word-of-the-year/2016/

менее правда» (автор Стивен Кольбер), или хорошо знакомая нам «полу-правда», использующая «фигуру умолчания». Последний термин является самоговорящим; пожалуй, главная проблема здесь – возможность существования самого критерия отбора того, что именно следует донести до зрителя – читателя – слушателя в качестве официально одобряемой информации, а что повергнуть акту «эпохэ». Есть ли это универсальный критерий или нужно всякий раз подбирать ситуативные *ad hoc* объяснительные гипотезы – достаточно важный вопрос, заслуживающий дальнейшей специальной разработки.

Экспликация феноменов полуправды, пост-правды и пост-истины в философии и культуре

Полу-правда отличается от пост-правды методологически: первая – это недоговоренность, вторая – более-менее искусная манипуляция, макраме реальных фактов, в основном с целью создания сети альтернативных доводов, способных оспорить материалы объективных научных данных или свидетелей.

Специалист в области исследования пост-правды Ли МакИнтайр, профессор в Бостоне и Гарварде, указывает в своей книге “Post-truth”, что конструирование «альтернативных исследований», которые повели бы завуалированную, однако непримиримую борьбу с неудобствами пугающих фактов, открываемых наукой, началось в 50-х гг. XX века. Пугающим фактом оказалась обнаруженная на подопытных животных угроза рака легких вследствие курения. Когда эти данные были опубликованы в научном журнале, табачные олигархи организовали картель под названием «Исследовательский Комитет Табачной Индустрии» (TIRC) по выработке иных, дополнительных взглядов на сигаретный дым – под предлогом недоказанности угрозы; родилась стратегия «производства сомне-

ния», и с тех пор это лозунг «пост-истинной» «экспертизы» [3, с. 22–23]. Надо заметить, используя «звериную» терминологию Макиавелли-Фуллера, что «львы» применили тогда «лисью» тактику.

Почти через полвека примерно так же подействовали главы нефтяных компаний, предоставив финансирование для «альтернативных исследований», чтобы противостоять научным выводам о потеплении климата со всеми вытекающими отсюда последствиями. Общественность получила картинку «двух сторон» дебатов и двух рядов аргументов, которую нанятые СМИ обрисовали совершенно убедительно. Производство академических знаний в большинстве случаев рассматривается циничными «коммерсантами» как уязвимая мишень.

Джулиан Баджини, основатель и главный редактор журнала "*The Philosopher's Magazine*", вступая в дискуссию, подчеркивает, что эмпирические аргументы действительно могут оставлять нас в неуверенности [4, p. 54]. Однако эта незавершенность опыта – не слабость. ("Far from being a weakness, …the open-endedness of empirical inquiry is actually its strength" [ibid.]) Отсутствие полной определенности принципиально сопутствует получению все новых опытных данных. Абсолютная уверенность может относиться только к определенности математических аксиом и законов логики.

Этот автор оправдывает скромную сдержанность ученого, открытость дополнительным фактам, готовность противостоять властям ('powers'), скептицизм и способность к коллективному изучению проблемы. Эти так называемые 'epistemic virtues', интеллектуальные добродетели, предостерегают от самодовольства и цинизма, узости мышления запредельного индивидуализма, страха перед власть предержащими и утрату веры в саму возможность правды [4, p. 105–106]. Баджини огорченно

констатирует, что перечисленные пороки свойственны как раз эпохе пост-правды. Его чаяния на будущее связаны с новым пониманием «альтернативной перспективы»: необходимо искать её не как «альтернативную истину», а как *обогащение истины*, понимаемой холистски.

Опыт подрыва репутации научной экспертизы при помощи медиа и PR – начиная с деятельности TIRC (1953 г.) – есть главный инструмент пост-правды, коммерческого произведения XX века, полагает МакИнтайр.

Со своей стороны, Стив Фуллер с порога предельно расширяет временные и концептуальные границы «пост-правды», объявляя: “the concept has been always with us in both politics and science – and in a much deeper ways than those who decry its existence realize” (rendering: этот концепт всегда был с нами и в политике, и в науке – и в гораздо более глубоком смысле, чем осознают те, кто порицает возможность осознания самого его существования) [1, p. 1].

Что касается философии: Фуллер достаточно благосклонно, хотя и кратко, отзывается о Хансе Файхингере, основателе «Кантовских штудий», полагавшем, что философия *всегда* жила в мире пост-правды, в мире «как если бы», als ob, as if, – в мире «двойных кавычек» Канта. «Философия оказывается самой пост-истинной областью из всех»: “philosophy appears to be the most post-truth field of… all” [1, p. 27]. В своей «*Философии Als Ob»* Файхингер поддерживал кантианскую идею о том, что человек воспринимает только феномены, конструируя фикции (вымышленные модели) невоспринимаемых сущностей (элементарные частицы, волны и т.д.), принимаемых за реальность, которым действительность «как будто бы» соответствует. Сам Фуллер пишет: “I take post-truth to be a deep feature of at least Western intellectual life, bringing together issues of politics, science and judgment” («Я считаю,

что пост-правда является глубокой чертой, по крайней мере, западной интеллектуальной жизни, объединяющей вопросы политики, науки и права…») [1, p. 6]. Эта тема сближает проблематику пост-правды и так называемой «фейковой» информации, заставляя нас в широком контексте политики, науки и юрисдикции говорить именно о правде – а не об истине.

Лексическое богатство русского языка, позволяющее отличить моральную и политическую «правду» от философской «истины», дает возможность углубиться в содержательные оттенки обоих терминов, как правило, передающихся на английском словом “truth”.

Чтобы понять, что такое пост-правда и пост-истина, необходимо удостоверить, что такое сами истина и правда.

Фуллер предлагает такое толкование.

Слово «истина» восходит к древнеанглийскому слову “troth”, и в нем заключены все философские трудности этого понятия. ‘Troth’ означает верность – но чему именно: источнику или цели? Первоначально «истина» означала верность *источнику*. Речь шла о верности тому, кто дает власть говорящему истину, будь то христианское божество или римский полководец. Именно в таком смысле слова «истина» придерживались иезуиты, католический орден Контрреформации, основанный Игнацием Лойолой. Формула «цель оправдывает средства» стала возможной [1, p. 26]. Однако благодаря другому католику, Фоме Аквинскому, истина стала рассматриваться как верность *цели*, в частности, сотворённым объектам, *rem creandam*. Мир, каким он обычно выглядит, достаточно близок к Божьему плану, поэтому верующие должны перестать пытаться угадать намерения Бога (чему был привержен, например, Ньютон) и вместо этого сосредоточиться на правильном понимании «эмпирических» деталей Творения [1, с. 26–27]. Фуллер счел, что формула *adequatio ad*

rem стала основой так называемой «корреспондентской теории истины».

(Заметим: Хайдеггер прекрасно объяснил, что прочной логической средневековой основой философского соответствия человеческого интеллекта сотворенным объектам является первоначальное соответствие этих объектов плану Бога. Уничтожение этого антецедента оставило консеквент «подвешенным»).

Признавая изящество введенной Стивом Фуллером дилеммы «верности истоку» и «верности цели», необходимо все же привести иное этимологическое объяснение, более глубокое и подробное.

> **Truth** – [ME *trouthe,* fr. OE *trēowth,* fidelity; akin to OE *trēowe,* faithful]: 1 a : *archaic:* fidelity, constancy; b : truthfulness, honesty; 2 a (1) ; the state of being the case ; fact; (2) ; the body of real things, events, and facts ; actuality; (3) *often cap.* ; a transcendent fundamental or spiritual reality; b : a judgment, proposition, or idea, that is true or accepted as true; the body of true statements or propositions; 3 a : agreement with fact or among true facts or propositions; b : true; c : fidelity to an original or to a standard; 4 *cap. Christian Science: GOD.*
>
> **True –** [ME *trewe,* fr. OE *trēowe,* faithful; akin to OHG *gitriuwi,* faithful; Skt *dāruna,* hard; *dāru* – wood]: 1 a : steadfast, loyal; b : honest, just; c : *archaic,* truthful; 2 a (1) : in accordance with the actual state of affairs <~description>; (2) ; comfortable to an essential reality; b : ideal, essential; c : being that which is the case rather than what is manifest or assumed; d : consistent; 3 a : properly so called <~love>, <the ~faith>; b (1) : processing the basic characters of and belonging to the same natural group; (2) typical; 4 : legitimate, rightful; 5 a : that if fitted or formed or that functions accurately; b : comfortable to a standard or pattern : accurate; 6 : determined with reference to the earth's axis rather than the magnetic poles; 7 : logically necessary; 8 : narrow, strict; 9 : corrected for error. Syn.: real[1].

[1] Webster's Seventh New Collegiate Dictionary. Springfield, Mass., USA.

Несмотря на различия в толкованиях происхождения термина, надо подчеркнуть важность смысла «лояльности» как экспликанды истины-правды.

«Правда» почти во всех славянских языках обозначается похожей лексикой и означает примерно одно и то же: следование непреложному пути. «Не лги» – третий императив морального кодекса не только христианства. А пост-правда *создается* и распространяется *преднамеренно*; ложь всегда должна обращаться к некой публике. «Не то чтобы факты были неважны; но их всегда можно затенить, отобрать, подать в формате (политического) контекста в пользу какой-то одной интерпретации правды в ущерб другой» [3, с. 6].

Отечественные ученые И. В. Фотиева и Т. А. Семилет указывают причины формирования общественной ситуации пост-правды: лживые политики и недостоверная реклама; сенсационная журналистика и вездесущность ненаказуемого Интернета; полуправда PR-активности и тотальность победившего релятивизма [5, с. 61]. Надо заметить, что, в целом соглашаясь с этой позицией, мы усматриваем серьезную разницу между ложью и «фигурой умолчания». Первую используют недобросовестные политики и партизанские/профессиональные журналисты; вторая – инструмент деятельности PR-специалиста.

Челябинские ученые Е. И. Салганова, Бредихин С. С. и Щетинина Е. В. добавляют еще целый ряд «факторов и оснований установления в обществе состояния постправды»: снижение статуса общественной и научной экспертизы; невозможность проверки информации в перенасыщенном потоке; недостаток компетенции или времени; взаимные обвинения в использовании «фейк-ньюс» в общественно-политическом дискурсе; а с другой стороны – возрастание уровня необоснованной веры, кризис «критического разума», «бегство от разума» и «бегство от свобо-

ды» [6, с. 107]. Понятно, что речь идет о пониженном уровне аналитического восприятия и об отсутствии умения проверять соответствие информации реальному положению дел, о чем наглядно свидетельствуют проведенные исследования. «При этом почти половина населения (46 %) сомневается в своей способности распознать ложь и правду в информационных потоках» [6, с. 108].

В статье этих авторов приводится значительно больше причин функционирования пост-правды, от информационного «пузыря» и эхо-камеры до двухступенчатости подачи информации и сенсационализма [6, с. 107–108]. Но дело не просто в недоверии фактам, а в том, что принимаются только те факты, которые оправдывают принятую систему взглядов (идеологию). Согласно исследованию, опубликованному в 2018 году в журнале Science (изучено 3 миллиона репостов и 126 тысяч цепочек ретвитов), фейковые новости распространяются на 70 % быстрее, чем настоящие (Vosoughi, Roy, Aral, 2018, p. 1146–1151. [Цит. по: 6, с. 109]. К тому же фейк-ньюс есть не просто несоответствие информации объективно-реальному положению дел; это преднамеренное введение в заблуждение, решение увести читателя в сторону от правды: “…analogy with lying will help to understand that it is the intention to mislead – that makes fake news fake” [3, с. 186].

Наибольшее распространение получают алармистские новости, что понятно без объяснений в эпоху тотальной неуверенности и всеобщих опасений по поводу завтрашнего дня.

Пост-философы пост-позитивного пост-модерного мира пост-социалистической Европы и пост-советской России, мы рассматриваем разбираемые термины и стоящие за ними явления помрачения истины со смешанным чувством экзистенциальной тревоги, скепсиса и постмодернистской иронии. Это ситуация Post-Everything. Как пишет Ли Ма-

кИнтайр, префикс пост- используется не в темпоральном смысле, как будто мы «перешагнули, пережили и «изжили» правду»; кратно опаснее явление *затмения и обесценивания истины* (курсив мой. – *Э.Т.*) [3, с. 5]. Главное даже не фейки и не «*альс об*», существенно связанные с этой «пост-истиной», а её собственная глубина и многоликость. Постмодернизм саркастичен; это пост-ирония метамодерна; но пост-истина порождает «аларм», то есть она пугает, это не просто ирония: см. следующие после “post-truth”, согласно Оксфордскому словарю, «слова года»:

2017 youthquake (слово 2014 года – vape)

2018 toxic

2019 climate emergency

2020 [not chosen]; (согласно словарю “Collins”, это lockdown)

2021 vax

2022 goblin mode

2023 –

Напрашивается примирительное, и тоже половинчатое, объяснение: пост-правда может быть понята в узком и широком смысле. По объёму понятия это «лисья» тактика (или, возможно, стратегия), которую предпринимают «львы», начиная с середины XX века, против убыточного гуманизма (узкий смысл) – и полу-правда политики, идеологии, ангажированной науки, журнализма, заказных литературных текстов, а также социологии и прочих humanities, поистине охватывающая всё общество, или любое общество, где есть соответствующие формы культуры (широкий смысл). По содержанию это дилемма социально-политической пост-правды и теоретико-познавательной пост-истины. Представляется, что они соотносятся как вид и род, то есть пост-правда – это социологическая, политическая, идеологическая, социально-философская и т. п. разновидность пост-истины. Именно с

этим различием связан русский перевод и Оксфордского определения, и Фуллеровского названия книги.

Многоликость анализируемого понятия отражена в построении классификаций истины и истинного. Она более чем полно отражена в приведенных словарных определениях, хотя данная классификация грешит отсутствием единого признака, который бы составил ее основу.

В монографии Баджини «Краткая история истины: утешение для пост-истинного мира» [4] автор различает истины «вечные», авторитетные (authoritative), эзотерические, логические, эмпирические, креативные, относительные, властные (powerful)… и при всей неожиданной пестроте эпитетов, все они обозначаются одним словом: “truth”.

Вспоминается «некая китайская энциклопедия» Борхеса, где утверждается, что «животные подразделяются на: а) принадлежащих Императору, б) бальзамированных, в) прирученных, г) молочных поросят, д) сирен, е) сказочных, ж) бродячих собак, з) включённых в настоящую классификацию, и) буйствующих, как в безумии, к) неисчислимых, л) нарисованных очень тонкой кисточкой из верблюжьей шерсти, м) и прочих, и) только что разбивших кувшин, о) издалека кажущихся мухами». Мишель Фуко охарактеризовал такую классификацию как неожиданное соседствование не связанных между собой вещей, обладающее магической силой. Из его Предисловия к «Словам и вещам»: «Чудовищность, которую Борхес вводит в своё перечисление, состоит в том, что общее пространство встреч оказывается здесь разрушенным». Однако – при всем уважении – с этой характеристикой не обязательно соглашаться, поскольку «энциклопедия» описывает вполне ощутимое и притягательное пространство: дворец китайского императора. Так и с классификацией «истин» Джулиана Баджини: вполне можно представить,

что его список исчерпывает и разъясняет все ценные разновидности высоких истин, не спускаясь к «профиту», главной ценности экономической сферы и финансовых потоков.

С. Фуллер называет расхожее понимание всего нашего времени *пейоративным*; цитируя характерную строку из медиа "*some commentators have observed that we are living in a post-truth age*", он пишет: "This definition is clearly pejorative" («Некоторые комментаторы заметили, что мы живем в эпоху пост-правды… Эта дефиниция явно уничижительная») [1, p. 1]. Скорее можно согласиться, что подобное определение вырастает из чувства сожаления (regret: LeeMcIntyre) – со стороны тех, кто обеспокоен наступившим «помрачением» истины. А вот характеристика философии и философов самим Фуллером – да, является пейоративной. Он весьма насмешливо пишет: "Philosophers claim to be seekers of truth… Another way to see philosophers is as the ultimate experts in a post-truth world" [1, p. 25]. Философы заявляют, что они искатели истины. Это первый путь. Другой путь – считать философов высшими экспертами в мире пост-правды. Сказано достаточно едко.

Между тем именно философия предоставляет возможность объяснить затмение истины как некую крайность, ту или иную, то есть уклон по отношению к диалектическому пониманию её, учитывающему момент абсолютности и значения относительности, присущие мышлению. Догматизм, релятивизм, софистика, эклектика являются антагонистами истины, искривляющими ее, и вместе с тем ее спутниками.

Мы склоняемся к расширительному толкованию «эпохи пост-истины», и это совершенно не обязательно время тотального упадка культуры. Да, в ней стало меньше ярких индивидуальностей; но каналы информации не

уменьшились, а умножились. Как иллюстрацию, можно привести пример из области современной архитектуры, описанную в [7].

Е. И. Спешилова в статье «Urban Imaginary: образ города и медиасреда» анализирует исследовательский проект Эдварда Соджа (Soja, 2000).

В новой информационной среде происходят быстрые и значительные трансформации в городах-мегаполисах; и дело не только в цифровом цунами, сказали бы мы. Современный мегаполис, наше преимущественное место обитания, характеризуется «дихотомией разнонаправленных сил – децентрации и рецентрации, социально-пространственной интеграции и дезинтеграции, возрастания однородности и вместе с тем гетерогенности городского пространства» [7, с. 40]. Соджа предлагает использовать термин «*постметрополис*»: это не только модель развития города, но и выражение интерференции реального и воображаемого.

Автор статьи поясняет: «Классические варианты жёсткого регулирования городской жизни заменяются в постметрополисе на скрытые, мягкие манипулятивные практики, идеологический контроль посредством создания «правильных» образов в средствах массовой информации и рассредоточенного управления городским воображаемым в целом» [7, с. 41]. Последнее означает «реальные-и-воображаемые места» (real-and-imagined places): «третье пространство», объединяющие улицы, здания, парки – и поле их совместных смыслов.

Оптимистично звучит вывод Соджа: несмотря ни на что, постметрополис даст силы сопротивления (экономической и иной) эксплуатации, идеологическому прессингу и проч. «для создания активного и открытого мультикультурного общества, гетерогенного с точки зрения расы, пола, социального класса, но в то же время ориентированно-

го на идеалы справедливости, прозрачности, неиерархичности и демократичности…» [7, с. 41]. Будем надеяться.

Заключение

Действительно, «пост-правда» не является феноменом, впервые возникшим в XX веке или в 2016 году в публицистике и социально-политическом дискурсе. Комментаторы книги Фуллера указывают, что отношение военных и промышленности к производству знаний всегда воплощало в себе перспективу пост-правды.

Но еще в середине прошлого века В. В. Вересаев сформулировал определение *искренности*, которое как нельзя лучше может послужить ключом для наших рассуждений: «Маленький уклон в одну сторону – и будет фальшь; в другую – и будет цинизм». («Записи для себя»). Читай: небольшой уклон в правую сторону *от правды/истины* – фальшь или (не)прикрытая ложь; небольшой левый уклон – цинизм.

О «затмении» истины говорили и «симулякры» Бодрийяра, и «отсутствующая структура» Умберто Эко, и «спектакль» Э. Ги Дебора. Этот художественный гиперреализм тоже является уклонением от истины.

Концепт «пост-истина», как широкомасштабное философское понятие, охватывает все поле культуры и все исторические времена в снятом, логическом значении: нарушение баланса абсолютного и относительного. Наши надежды связаны с их равновесием.

Литература

1. *Fuller, Steve*. (2018). Post-truth. Knowledge as a Power Game. – Anthem Press, NY. – 207 p.
2. *Морозов А. В*. Как «постистинный мир» наконец стал гиперверием : рецензия на книгу Стива Фуллера //

Философия. Журнал Высшей школы экономики. – 2021. – Т. 5, № 3. – С. 287–297.
3. *McIntyre, Lee*. (2018). Post-truth. – MTI Press Essential Knowledge Series, USA. – 216 p.
4. *Baggini, Julian*. (2018). A Short History of Truth. Consolations for a Post-truth World. – Quercus Ed. Ltd. London, England. – 115 pgs.
5. *Fotieva, I. V., Semilet T. A.* (2022). "Post-truth" in modern media: socio-cultural and philosophical aspects. *Inernational Journal of Humanities and Natural Sciences, 1-3 (64)*. Философские науки, 2022.
6. *Салганова Е. А., Бредихин С. С., Щетинина Е. В.* (2023). Медиа-информационная грамотность обучающейся молодежи в эпоху Постправды. *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2023. No 3. – С. 102–120.
7. *Спешилова Е. И.* (2023). Urban Imaginary: образ города и медиасреда. *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2023. No 3. – С. 35–54.

Впервые опубликовано в:
М-лы межд. междисц. н-обр. конф.
«X Садыковские чтения»
Казань, изд-во КФУ, 2023. – С. 320–334

АСИММЕТРИЯ ЭКРАННОЙ И КНИЖНОЙ КУЛЬТУРЫ

Аннотация. Цифровое цунами, чье вторжение было непредставимо еще поколение назад, вызывает у философов, культурологов, специалистов других профессий множественные вопросы. На некоторые из них, а именно: является ли переход от книжной культуры к экранной необратимым, существуют ли промежуточные стадии этого перехода и почему не наблюдается обратное развитие

книги из фильма, – даются ответы в данной статье. Принят взгляд, согласно которому эталоном книжной культуры является художественная, и в частности, философская литература, а первородным «экраном» – кино, а в частности, телевидение. Обсуждаются и другие формы культурных явлений, событий и фактов, что связано с указанным вторжением «цифры» в жизнь социума и личности, вызывающим перестройку индивидуального и общественного сознания.

Ключевые слова: книжная культура; экранная культура; социальные сети; книга; кино; компьютерные игры.

Введение

Общее примордиальное происхождение всех жанров искусства из театрального позволяет объединение любого из них с любым другим. Явившись позже, первоначально в форме философии, но приобретя в эпоху модернити просодическое значение, в особенности в объединении с техникой, наука также предоставляет возможности для синтеза видов культуры, оправданного или нет. Парадоксально, но факт: современное стремление к скорости обмена информацией и краткости сообщений не привело – и не приводит – к сокращению каналов коммуникации. Напротив, человечество множит и множит формы культуры, разнообразно сочетая искусство, науку и новые технологии, и если 20–30 лет назад компьютерные игры были занятием немногих, и притом геймеры не принимались остальным человечеством всерьез, теперь эти «игры» далеко не игра и далеко не детское занятие. Дело не только в том, чтобы перевести документооборот, в том числе на уровне государства, в «цифру», и не в том, чтобы иметь возможность вручать уведомления в электронной, а не в

бумажной форме[1], и даже не в том, что выпускные квалификационные работы студентам «сочиняет» GPT chatbot. Геймеры, пересев за реальный руль, выигрывают призы на серьезных автомобильных гонках (фильм «Гран Туризмо», США, Япония: 2023). Сообщества, существующие в социальных сетях, планируют и осуществляют революционные действия (Нагорняк и др., 2023, с. 87). Электронные социологические опросы позволяют судить о политическом доверии по выбору источников информирования (Попова & Гришин, 2023, с. 90). Пролиферация аддикции молодежи вызывает интерес философов (Лисенкова & Труфанова, 2023, с. 19), социологов, психологов и педагогов (Kalugina & Timchenko, 2023, p. 113). Проблема дигитализации человеческой жизни обращает на себя пристальное внимание ученых всего мира: “We will attempt to unravel some senses of the historical transformations that are reconfiguring the fusion of life and machines, in synch with the rapid advances of digital technology” (Sibilia, 2019, p. 94). (Перевод автора: «Попытаемся разгадать некоторые смыслы исторических трансформаций, которые меняют конфигурацию слияния жизни и машин одновременно с быстрым развитием цифровых технологий»). Эти и многие другие социальные явления современности делают исследование диалога экрана и текста более чем актуальным.

Ради краткости изложения в формате данной статьи мы будем пользоваться только новейшими источниками, в основном посвященными медиа культуре, а также классическими философскими монографиями, оставив в стороне

[1] «Хроническим больным будут напоминать о лечении через «Госуслуги». Пациенты, которые стоят на диспансерном учёте, к 2030 году будут получать на портале уведомления о необходимости обследований, лечения и приглашения на приём к врачу. Внедрение онлайн-технологий поможет сократить время врачей на «бумажную работу» и позволит более внимательно относиться к пациентам». Лента дня – Telegram, 08.02.24

политико-идеологическую тематику, требующую специального изучения.

Теоретические и практические аспекты перехода от образа к тексту и обратно

Новизна научной работы может проявляться в двух (а точнее, в трёх) отношениях: 1) новая идея / тезис; 2) новые аргументы в защиту известной идеи – и способность соединить их с тезисом импликативной связью. Эта операция соединения называется демонстрацией, и она является необходимым звеном доказательства. Без связи цепи или сета аргументов с идеей даже прорывный тезис остаётся «подвешенным», не получая достаточного основания.

Наша работа в основном имеет значение обоснования трёх тезисов.

Тезис 1. Переход от книжной культуры к экранной возможен, хотя и труден, особенно в практическом плане.

Тезис 2. Переход осуществляется при помощи медиатора: музыкального жанра и шире – общей драматургической среды.

Тезис 3. Обратный переход также существует, однако он составляет более серьезную проблему, требующую дальнейшего изучения.

Соотнесение собственного опыта и вымышленных художественных образов является одной из главных задач искусства, вырастающего из театра. Философия, наука и религия, опираясь больше всего на тексты, также широко оперируют иконическими знаками и символами, имеющими «картинный» облик, то есть любого рода сходство с референтом (Пирс, 2000, с. 93, 96). Внешний вид объектов культуры очень важен: об эстетике технологических решений заботятся не менее, чем о функциональности самих приборов, инструментов и программ. Соотношение обра-

за, языковой единицы, символа и знака типа индекса – традиционная философская проблема семиотики и шире – гносеологии.

Прямой переход от древних наскальных изображений к пиктограммам, от них к иероглифам и условным обозначениям звуков речи – буквам – хорошо известен. «Скачок» от рисунка к индексу произошел при возникновении древнегреческого алфавита из финикийского: так, знаменитая α, «альфа», ничего не говорила грекам; это был лишь конвенциональный способ фиксации звука [а]. Однако у финикийцев α была *рисунком* – головой быка («алеф» «бык»). Не зная этого языка и значения слова «алеф», но восприняв начертания элементов чужого алфавита, альфы и беты («бэт» на финикийском – «дверь»), хитромудрые греки стали открывателями/изобретателями величайшей стадии на пути развития европейской культуры – буквенного письма.

Следующей стадией стала «цивилизация Гуттенберга». Печатный станок, текст, рождение современной книги создали новое мышление и новый мир, называемый ныне «модернити», а более благородно – эпохой Просвещения («незавершенного проекта», по Хабермасу).

Образ – знак – и снова образ. Следуя диалектической логике, можно предположить, что спираль эволюции неизбежно должна была привести – и привела – к возрождению влияния «картинной», изобразительной культуры, что наиболее ярко проявилось в современной дигитализации. Однако ничто жизнеспособное не вытесняется и не заменяется следующей ступенью развития «нацело», продолжая существовать, хотя и изменяясь. Не исчезли мифы перед ликом научной философии. Не исчезло традиционное драматическое искусство перед маской трижды условного мира манги/анимэ. И театр абсурда, начиная с «Носорогов» Эжена Ионеско, а еще раньше с «Елизаветы

Бам» и др. Даниила Хармса, существует наряду с пугающим натурализмом компьютерных игр вроде вэб-сериала «Игра в кальмара» или “Whisper”, – это загадочный «Шепот», звук, формирующий реальность. Предварительно можно предложить следующую максиму: по отношению к культуре в целом весьма вероятно, что театр воплощает ее природу, генезис, а книга – сущность. Параллель этих философских оценок лучше всего иллюстрирует ссылка на самого человека, *homo sapiens*: наша природа положена в физике и физиологии, а сущность – в духе.

Переходя к обсуждению взаимоотношений культуры текста и культуры экрана, рассмотрим несколько важных уточняющих вопросов.

Спрашивается, не снимает ли аугментированная компьютерная реальность вопрос об истине и/или не заменяет ли ее пост-истиной?

Хотя компьютерная игра имеет материальные носители – металл, пласт массу, электромагнитные волны – это не они составляют познаваемую реальность, а семиотика содержания. Является ли эта реальность духовной? В редких случаях, да. Является ли тогда духовная реальность единственной альтернативой материальной действительности? Логически, нет. О семантике возможных миров, о «третьем мире» цифры (точнее, числа) рассуждал еще Поппер; истоки же этих идей можно найти у Платона; да и Кант писал о способности (ученого) размышлять о мире “als ob”, “as if”, «как если бы». Для составителя программы на первом месте стоит синтактика, для потребителя семантика и прагматика, а гносеологический вопрос о соотношении виртуального мира с объективно-реальным вообще не встает. Новейшие компьютерные игры – это динамичный трехмерный мир наивозможнейшей свободы субъекта (закономерно ограниченной многими разновидностями необходимости), и этим они привлекают

сильнее всего, предлагая «эстетическое переживание трагического» и «доступ к метафорической реальности» (Миннуллина, 2020, с. 1).

Не угрожает ли эта виртуальность не только существованию знания об объективной действительности, но и существованию самой этой действительности?

В любом случае это не мир пост-истины, по крайней мере, не в темпоральном смысле. Тем более, что принижение роли «объективных фактов» и знаний о них происходит не в идеологической плоскости, но в сфере этико-эстетического. Менее всего эта реальность призвана воздействовать на общественное мнение (электорат). Это новое after-постмодернистское мировоззрение, демонстрирующее искренность переживаний по поводу всеобщих (даже клишированных) этических ценностей и зачастую подлинный экзистенциальный трагизм (Гулеватая & Пеннер, 2023), а изобретение пост-истины нацелено на политическую манипуляцию *plerumque*, т. е., главным образом «ради подчинения реальности политике» (McIntyre, 2018, p. 174). «Утешение для пост-истинного мира», выстраиваемого хозяевами денег и власти, предлагает, например, Джулиан Баджини, главный редактор журнала “The Philosopher’s Magazine”. Нужна не альтернатива истинного знания, подрывающая научную экспертизу в глазах общественности, а обогащение истины, которую следует понимать холистски (Baggini, 2017, p. 106).

Существует еще один важный вопрос: не превращает ли аугментированная компьютерная реальность игрока/участника/зрителя в транс- или пост-человека?

Первое, вообще говоря, было бы неплохо... Прикладная наука и новейшие технологии могли бы удлинить жизнь, избавить от физических страданий, побороть страшные болезни, превратить задатки в способности, увеличить самоконтроль. Но вот гипотеза пост-человека,

исходящая из бесконечной лествицы развития и предположившая скорое низвержение *homo sapiens* с ее вершины и замены его – нас – чем-то/кем-то непредставимо иным, пока не выдерживает проверки не столько на научность, сколько на этичность, в принципе противостоя гуманизму. Теоретически возможный онтологический разрыв Великой Цепи Бытия (Wennemann, 2016, p. 23), обещая фантастический прогрессивный скачок, содержит и угрозу. Но конфигурация бесконечного линейно-прогрессивного развития не выдержала исторической проверки; очевидно, что ближе к действительности лежит эмблема Великой Спирали. И пока что Искусственный Интеллект – это человеческий интеллект изобретателя программ (Дыдров и др., 2023), и его саморазвитие, добавим, отображает эту же человеческую способность. Время покажет практически, прав ли постгуманизм.

Теоретическую сложность представляет также смена интенции, или *direction of fit* (термин из теории речевых актов), то есть «направления совпадения», принятого в реалистических произведениях: субъект направляет «луч» своего разума на объект, чтобы открыть его сущность, отразить ее и вывести на феноменальный уровень в виде истинного знания (живопись направления реализма; кино, в особенности документальное; фотография[1]). А в творениях аугментированной реальности направление совпадения обратное: это не открытие истины, а изобретение смысла, и задача – «поместить» данный смысл в существующее

[1] Невозможно в короткой статье анализировать громадный материал живописи, начиная хотя бы со времени Ренессанса. Но, как отмечает казанский философ Г. В. Авдошин, «в фотографии в концентрированном и урезанном виде воплотились основные принципы зеркальной натуралистической живописи. Разумеется, живопись и фотография – разные практики, разумеется, живопись богаче ... Более того, живопись и фотография – разные искусства. Но ... принципы и истоки... у живописи и фотографии одни» (Авдошин, 2021, с. 168).

мировоззрение, более или менее непротиворечиво встроив его в систему ценностей зрителя: анимэ, манга, абстрактное искусство (путь от манги к анимэ и компьютерной игре, кстати сказать, весьма короткий).

Как пишет об этом современный философ Э. Б. Миннуллина: «Внешнее врезается в жизненный мир человека, при этом не столько субъект соотносит себя с объектом, сколько наоборот: мир подглядывает за человеком, и в этом «паноптикуме» индивид обозрим как часть системы взаимодействий» (Миннуллина, 2020, с. 3). Другой современный философ Г. В. Авдошин рассматривает это взаимодействие при помощи концепта «модус видения / видимого». Под этими модусами понимаются «способы осуществления видения, которые рождают видимое. Для этого можно использовать слово «представление» в его двойственном значении: это, с одной стороны, процесс делания чего-либо видимым, с другой стороны – результат данного процесса» (Авдошин, 2021, с. 46). Фотографию этот автор считает модусом отражения, а кинематограф – модусом преображения (с. 197).

О свободе творчества написано слишком много. Скажем несколько слов о свободе исполнителя замысла автора и восприятия реципиента.

Свобода приписывания добавленного смысла к основному посланию автора, например, к интерпретации сценариста и воле режиссера сыграть пьесу посредством труппы, у театрального актера значительно больше, чем у киноактера, но и эта свобода имеет серьёзные ограничения, а произвол исполнителя может привести к серьезным конфликтам. Например, только исключительное обаяние и слава Джулии Ламберт, примадонны лондонского театра, спасает ее от серьезной ссоры со сценаристом и режиссером из-за своевольной трактовки мизансцены (Сомерсет Моэм, «Театр», Джулия в исполнении

Вии Артмане, латышской актрисы, народной артистки СССР, постановка 1978 г.). Реальный – и редкий – пример терпеливого отношения автора к отклонениям от его текста таков. Драматургу Артуру Миллеру, который начал с написания романа и затем перешел к созданию пьес, нравилось смотреть, что́ именно его творчество пробуждает в других: режиссере, операторе, художнике, актерах... Это могли быть откровения, чувства и идеи, о которых не догадывался он сам, работая над текстом (Люмет, б. д.). Киноактер, со своей стороны, ограничен временем съемки, невозможностью сыграть роль от начала до конца, пережив и продемонстрировав развитие персонажа (зачастую несколько серий будущего фильма снимаются одновременно: например, 2-я и 3-я части франшизы о пиратах Карибского моря или 2-й и 3-й сезон отечественного сериала «Пока цветет папоротник»), и т. д.

Однако это не конфликт текста и экрана, в данном случае сцены и экрана, а двойная спираль контингентности и необходимости в действиях актёров, воплощающих сценарий.

Итак, генеральный переход от изобразительного и пластического искусства к книжной культуре, а от неё к экранной, в истории человечества состоялся.

Переход от рисунка к языку в общем смысле повторяется и как похожая трансформация, или процедура кодирования/декодирования, также и в каждом случае литературного творчества; так филогенез повторяет онтогенез. Сначала писателя, в особенности поэта, посещают идеальные художественные образы, впоследствии обращаясь в языковые знаки, слова и фразы, периоды и параграфы и т. д. Затем они могут быть (или не быть) переложены в другую систему символов; например, образы могут вернуться в виде иллюстраций к книге. Книга может стать источником вдохновения для режиссера театра, и язык ее

получит объемное пластическое выражение; спектакли затем могут быть экранизированы. Если это комикс, картинки могут сопровождаться короткими текстовыми пояснениями; зачастую впоследствии они становятся компьютерными играми.

Прямой путь книга – пьеса – фильм опирается на гибридную форму телеспектакля, где камера играет подчиненную роль. Смысловым узлом, стоящим в центре между всеми ними, является сценарий, компонент незаменимой важности, в котором мышление подчиняется уже не только тексту произведения, но законам экранного восприятия.

В принципе, возвратно-поступательный переход от воспринятой картинки к языку/речи совсем не сложен и совершается непрерывно: от сочинения «как я провёл лето» и пересказа вчерашнего сна до ридерз дайджест, увлекательных травелогов, исторических реконструкций и мемуарной литературы.

Возникает вопрос, симметричны ли прямой и обратный переход?

В общем случае – нет. Симметрия предполагает маятниковый ход, нечто вроде качельного синдрома. А развитие «образ – знак (символ) – образ» идет по спирали, и третья ступень не повторяет первую (или вторая – четвертую), ни в деталях, ни в стилевой «окраске», ни по уровню непосредственной или метафорической репрезентации[1].

[1] Пример аналогии. На заре эпохи модернити машинное производство породило капитализм. В дальнейшем капиталистический строй породил новые машины. Но необратимость элементарной цепочки причинно-следственной связи не позволяет им поменяться местами в абсолютном смысле: это уже «другой капитализм» и «другие машины».

Сумма примеров демонстрации

Рассуждая об экранной культуре, калейдоскопичности не избежать. Это очевидным образом следует из многообразия жанров. Как сказано, нас более всего интересует закономерность – или случайность – скорости перехода от книжного/журнального текста к электронному изображению, состоявшегося в течение жизни одного поколения. (Электронная форма, кстати говоря, оказалась весьма удобной для прессы: в социальных сетях её читают гораздо чаще, чем в бумажном виде). Само же это историческое событие представляется неизбежным, но протекает не без сюрпризов, и необходимость его не означает точную предсказуемость.

Удачи трансформации литературного произведения в экранное встречаются редко, но они тем эффективнее, а также и эффектнее. Нет нужды говорить в очередной раз, насколько легче воспринимается изображение, тем более высокохудожественное, нежели книжный текст. (Строго говоря, кино никогда не называли экранной культурой, однако это феномен именно экранный). Примером может служить «Театральный роман (Записки покойника)» М. А. Булгакова (1965), оставшийся, правда, неоконченным, но послуживший первоначально самому писателю для превращения первородного романа в «Белую гвардию», фактически готовую драму в формате романа (и позже, в наши дни, в пьесу «Дни Турбиных»): «...Книжку романа мне пришлось извлечь из ящика. Тут мне начало казаться по вечерам, что из белой страницы выступает что-то цветное. Присматриваясь, щурясь, я убедился в том, что это картинка. И более того, что картинка эта не плоская, а трехмерная. Как бы коробочка, и в ней сквозь строчки видно: горит свет и движутся в ней те самые фигурки, что описаны в романе». (Глава 7). Впо-

следствии произошла и его/её триумфальная экранизация (первый фильм, снятый по Булгакову, «Бег»: 1970).

Столь же удачными примерами перехода от талантливой книги к выдающемуся фильму явились, к примеру, «Идиот» И. Пырьева (1958), «Сталкер» А. Тарковского (1979), «Отцы и Дети» (Беларусьфильм, 1983), «Замок» А. Балабанова (1994) и многие другие[1]. (Фэнтэзи и научная фантастика в данной работе причисляются к реалистическому жанру, поскольку, несмотря на косплей, потрясающие визуальные эффекты и причудливые декорации, они повествуют о тех же самых человеческих ценностях, имея то же самое направление совпадения, *direction of fit*). Экранизация грандиозного художественного произведения – предприятие заманчивое, однако по-своему трудное, хотя, казалось бы, в книге уже присутствуют необходимые диалоги, помогающие проиллюстрировать развитие характера героев; а это, по мнению опытных кинорежиссеров, главная задача фильма (Люмет, б. д.).

Один из самых сильных аргументов, подтверждающих эту трудность, таков: читая книгу, человек самовластно, произвольно представляет себе пейзажи, костюмы, архитектуру, декор, а главное, поведение и внешность героев. Экран такой возможности собственной интерпретации в общем случае не дает. Со своей стороны, проигрывая сцены, в особенности репетируя их в десятках и сотнях дублей, киноактер почти всегда задает зрителю эту единственную интерпретацию – видение режиссера (даже не сценариста).

Переход, который мы обсуждаем, не происходит мгновенно и прямолинейно. Между книгой и фильмом

[1] Несомненным успехом является экранизация «Войны и мира», «Анны Карениной», «Театра» С. Моэма, «Алых парусов» А. Грина. Есть и столь же несомненные и громкие неудачи: например, «Блистающий мир» (1984) того же Грина. Здесь мы не рассматриваем иностранные примеры.

лежит сценарий, разыгрывается спектакль. Между фильмом и, например, компьютерной игрой также действуют многочисленные посредники. Можно считать, что оптимальным медиатором этого перехода является музыка, непременное обрамление или даже действующее лицо – и не только в кино. То же самое с экраном. В телеспектакле он является быстрым транспортным средством донесения литературного замысла, vehicle; в компьютерной игре – это полноправный субъект высказывания.

Что очень важно, музыка, в особенности великая музыка, может передавать – и рождать – не только эмоции, но и мысли, не только уникальные переживания, но и универсальные истины/ценности, обогащая «картинку», углубляя смыслы, инспирируя интеллектуальные открытия. Симфонии и песни Густава Малера великолепный тому пример. А музыка как медиум, который используется в кинематографе, зачастую пишется также весьма одаренными композиторами, такими, как Генри Манчини, Эннио Морриконе, Джон Уильямс, наш Алексей Рыбников и другие.

Обычно медиатор принадлежит обеим связываемым сторонам. Это верно как для искусства, так и для других форм культуры; например, вот как писал об этой роли по отношению к науке известный советский и российский философ В. С. Стёпин в авторском предисловии к своему самому известному трактату «Теоретическое знание». Основания науки (которые, согласно известным теоремам Гёделя о неполноте, средствами самой теории не могут быть эксплицированы. – *Э.Т.*) закономерно входят в её внутреннюю структуру. Но, с другой стороны, это компоненты ее *инфраструктуры (выделено мною. Э.Т.)*, которая является проводником влияния внешних факторов, позволяя тем самым включить науку в более широкий контекст культуры (Стёпин, 1999).

Надо заметить, что среди научных книг часть также может быть причислена к своеобразным кодам, то есть системам знаков второго рода (если первый – сами буквы и цифры). Это многочисленные каталоги; это алфавитные и систематические словари, в том числе энциклопедические; и, разумеется, это трактаты, изобилующие собственно специальной символикой формульной алгебры, формальной логики, химической номенклатурой и т. д. Аналогом литературного романа является в первую очередь философский трактат. А произведения «короля философии» Платона и по форме, и по содержанию представляют собой переходную форму: готовые пьесы.

Существует не один путь синтеза или трансформации форм культуры; это, перефразируя Борхеса, «сад тысячи троп». Мы признали, что закономерной ступенью перехода от романа к фильму является драматическое его переложение, хотя должно также быть, и бывает, много других переходных форм: мюзикл; либретто оперы или балета; иллюстрации костюмов и декораций; фотографии; даже мультфильм или музыкальный клип и т. д.

Сам процесс рождения пьесы из романа описан Булгаковым трогательно и убедительно: «Зачем же гаснет комнатка, зачем на страницах наступает зимняя ночь над Днепром, зачем выступают лошадиные морды, а над ними лица людей в папахах. И вижу я острые шашки, и слышу я душу терзающий свист. Вон бежит, задыхаясь, человечек. Сквозь табачный дым я слежу за ним, я напрягаю зрение и вижу: сверкнуло сзади человека, выстрел, он, охнув, падает навзничь, как будто острым ножом его спереди ударили в сердце. Он неподвижно лежит, и от головы растекается черная лужица. А в высоте луна, а вдали цепочкой грустные, красноватые огоньки в селении» (Глава 7).

Исключительно репрезентативным примером дальнейшего перехода от драмы к иному виду искусства явля-

ется создание оперы Дж. Пуччини «Тоска» из пьесы В. Сарду, написанной специально для Сары Бернар. Пьеса возбудила интерес не только у Пуччини, но и у Дж. Верди и А. Франкетти; этот композитор даже поручил написание либретто Л. Иллике, но в результате определенной деятельности издателя Пуччини права на создание оперы перешли к последнему. Тогда к Л. Иллике присоединился еще один либреттист, Дж. Джакоза – и «Тоска» представляет собой совместный труд драматурга, композитора и двух промежуточных сценаристов.

Вопрос в том, почему именно книги не возникают из фильмов?

Это несомненное проявление асимметрии между экранной и книжной культурой в отдельных, однако значимых и крупных мега-формах. И в этом специальном смысле переход от книжной культуры к экранной необратим. Другое дело, что экранная культура не отменяет, не в силах отменить книжную и не имеет такой задачи. В частности, эта асимметрия свидетельствует о том, что конкретный труд над произведением искусства или науки, являясь, по Гегелю, конкретно-всеобщим свойством свободы творчества человека, неповторим в отношении самого продукта труда.

Различие не только в том, что художественная литература – явление, безусловно, духовное, а прочие виды текстов – не безусловно, хотя можно сказать, что содержательно все они относятся к одной и той же сфере культуры, нематериальной по существу. Эти произведения, от рекламной таблички или билборда до учебного курса из серии MOOCS, компьютерной игры или любой другой наблюдаемой на экране сцены, воспринимаются кратно легче и проще, нежели чтение, не взыскуя тех умственных затрат, которые необходимы для чтения. Однако, «протащив своё сознание сквозь фильеры» литературы, в осо-

бенности философской, человек гарантированно вырастает над собой, развивается, – что не безоговорочно для зрителя перед экраном, даже если он просматривает так называемые учебные фильмы.

Выводы

Переход от книжной культуры к экранной представляется необходимым, – прежде всего потому, что в истории всегда побеждают сильнейшие причины из всех создавшихся или созданных, а именно, реальные и конкретные одновременно. Реальные причины ближе всего стоят к действительности, и коэффициент их вероятности больше 0, 5. Конкретные причины связаны с основным историческим законом данной стадии развития. Синематограф возник в 1895 г.; телевидение в 1923 (правда, первое устройство, разложившее изображение на линии, построено еще в 1884 г.); компьютер вошел в науку и жизнь в 1927 г. (хотя еще в 1804 г. был придумал способ программирования работы ткацкого станка); а в 1983 секретный военный протокол снял гриф и предоставил в общее пользование то, что сегодня мы называем Интернет. Так был подготовлен масштабный переход от книжной культуры к экранной; можно сказать, он был возможен, хотя и труден; труден, однако возможен. Немаловажно и то, что «картинка» впечатляет сильнее, чем текст, поскольку напрямую воздействует на все каналы восприятия сразу, а главным образом на основной из них, зрительный, вызывая ожидаемые эмоции, а в лучшем случае – индуцируя мысли. В этой трансмутации существовало и существует много промежуточных стадий, предоставленных музыкальным и драматическим искусством. А ныне это движение быстро стало действительностью.

Экранная культура, развиваясь лавинообразно, подчинила себе или синтезировала практически все виды искусства, науки и технологий. Хорошо это или плохо, оправдано или нет – так вопрос не стоит. Плохо ли, хорошо ли, это так есть; философ должен принять и обдумать эту реальность. В общем случае можно сразу сказать, что, подчиняясь универсальным законам развития и сосуществуя в культуре, образ, знак (сигнал, симптом, языковая/речевая единица, схема, формула, гриф, таблица, буква, цифра, коды, алфавиты, схемы, символы, абстракции высших порядков наподобие i, √–1, то есть мнимой единицы, ИИ, и прочая, и прочая) – и затем снова образ – сменяют друг друга, сложно взаимодействуя и меняясь по содержанию, если не по форме. Однако это не маятниковое (затухающее) колебание; например, пока не наблюдается обратное развитие книги из фильма, и это многозначительный пример асимметрии отражения и обозначения, рефлексии и символизации, абстракции и восприятия. Отражение первично по отношению к любому своему воплощению в целом, даже если два эти процесса симультантны, и тем более, если они «разнесены» во времени, и речь здесь не шла о единичном ощущении и первородном его признаке типа симптома либо об условном знаке типа сигнала, но – о таких великих столпах культуры как кино и книга. Главная разница в том, что чтение и осмысление книги требует неизмеримо больших, как интеллектуальных, так и душевно-духовных, усилий, нежели просмотр продуктов экранной культуры, какая бы диверсификация между ними не существовала.

Литература

1. Baggini, J. (2017). A Short History of Truth: Consolations for a Post-truth World. Quercus.

2. Kalugina, T. N., & Timchenko, M. V. (2023). Digitalization of Higher Education in 2021 – Challenges for University Students In Russia. Galactica Media: Journal of Media Studies, 5(2), 102–117. https://doi.org/10.46539/gmd.v5i2.344
3. McIntyre, L. (2018). Post-Truth. MIT Press. https://doi.org/10.7551/mitpress/11483.001.0001
4. Sibilia, P. (2019). The Digitalization of Life: A Genealogy of the Body-Machine. Dialogue and Universalism, 29(3), 93–102. https://doi.org/10.5840/du201929339
5. Wennemann, D. J. (2016). The Concept of the Posthuman: Chain of Being or Conceptual Saltus? Journal of Ethics and Emerging Technologies, 26(2), 16–30. https://doi.org/10.55613/jeet.v26i2.57
6. Авдошин, Г. В. (2021). Взаимодействие видения и видимого в пространстве культуры. Казанский государственный энергетический университет.
7. Гулеватая, А. Н., & Пеннер, Р. В. (2023). Язык экзистенциального опыта в цифровую эпоху. Galactica Media: Journal of Media Studies, 5(1), 179–195. https://doi.org/10.46539/gmd.v5i1.324
8. Дыдров, А. А., Тихонова, С. В., & Батурина, И. В. (2023). Искусственный интеллект: Метафизика обывательских дискурсов. Galactica Media: Journal of Media Studies, 5(1), 162–178. https://doi.org/10.46539/gmd.v5i1.302
9. Лисенкова, А. А., & Труфанова, Е. О. (2023). Цифровой эскапизм – От аддикции до аскетизма. Galactica Media: Journal of Media Studies, 5(3), 17–34. https://doi.org/10.46539/gmd.v5i3.412
10. Люмет, С. (б. д.). Как делается кино. Глава 2. Сценарий. Аудиокнига. https://school.makarovstudios.com/
11. Миннуллина, Э. Б. (2020). Постпостмодернизм: Между субъектом и абсолютно внешним. Философия и

Культура, 4, 1–10. https://doi.org/10.7256/2454-0757.2020.4.31842
12. Нагорняк, К. И., Демешко, Н. Е., Москаленко, О. А., & Ирхин, А. А. (2023). Поляризация турецкого общества и технологии «сетевых революций»: Опыт 2013, 2016 годов и взгляд в будущее. Galactica Media: Journal of Media Studies, 5(4), 84–118. https://doi.org/10.46539/gmd.v5i4.436
13. Пирс, Ч. С. (2000). Логические основания теории знаков. Алетейя.
14. Попова, О. В., & Гришин, Н. В. (2023). Политическое доверие российской молодежи сквозь призму выбора информационно-коммуникативных стратегий. Galactica Media: Journal of Media Studies, 5(3), 79–101. https://doi.org/10.46539/gmd.v5i3.362
15. Стёпин, В. С. (1999). Теоретическое знание. Прогресс-Традиция.

References

1. Baggini, J. (2017). A Short History of Truth: Consolations for a Post-truth World. Quercus.
2. Kalugina, T. N., & Timchenko, M. V. (2023). Digitalization of Higher Education in 2021 – Challenges for University Students In Russia. Galactica Media: Journal of Media Studies, 5(2), 102–117. https://doi.org/10.46539/gmd.v5i2.344
3. McIntyre, L. (2018). Post-Truth. MIT Press.
4. https://doi.org/10.7551/mitpress/11483.001.0001
5. Sibilia, P. (2019). The Digitalization of Life: A Genealogy of the Body-Machine. Dialogue and Univer salism, 29(3), 93–102. https://doi.org/10.5840/du201929339
6. Wennemann, D. J. (2016). The Concept of the Posthuman: Chain of Being or Conceptual Saltus? Journal of Ethics

and Emerging Technologies, 26(2), 16–30. https://doi.org/10.55613/jeet.v26i2.57
7. Avdoshin, G. V. (2021). Vzaimodeistviye videniya i vidimogo v prostranstve kultury. Publishing house Kazan State Power Engineering University. (In Russian).
8. Gulevataya, A. N, & Penner, R. V. (2023). Language of Existential Experience of a Person in the Digital Age. Galactica Media: Journal of Media Studies, 5(1), 179–195. https://doi.org/10.46539/gmd.v5i1.324 (In Russian).
9. Dydrov, A. A., Tikhonova, S. V., & Baturina, I. V. (2023). Artificial Intelligence: Metaphysics of Philistine Discourses. Galactica Media: Journal of Media Studies, 5(1), 162–178. https://doi.org/ 10.46539/gmd.v5i1.302 (In Russian).
10. Lisenkova, A. A., & Trufanova, E. O. (2023). Digital Escapism – From Addiction to Asceticism. Galactica Media: Journal of Media Studies, 5(3), 17–34. https://doi.org/10.*46539*/gmd.v5i3.412 (In Russian).
11. Lumet, S. (n. d.). How movies are made. Chapter 2. Scenario. https://school.makarovstudios.com (In Russian).
12. Minnullina, E. B. (2020). Postmodernism: Between the subject and absolutely external. Философия и Культура, 4, 1–10. https://doi.org/10.7256/2454-0757.2020.4.31842 (In Russian).
13. Nagornyak, K. I., Demeshko, N. E., Moskalenko, O. A., & Irkhin, A. A. (2023). Polarization of Turkish Society and Technologies of "Network Revolutions": The Experience of 2013, the military Coup of 2016 and a Look into the Future. Galactica Media: Journal of Media Studies, 5(4), 84–118. https://doi.org/10.46539/gmd.v5i4.436 (In Russian).
14. Peirce, Ch. S. (2000). Logical foundations of the theory of signs. Aletheia. (In Russian).
15. Popova, O. V., & Grishin, N. V. (2023). Political Trust of the Russian Youth Through the Prism of Communication

Strategies Choice. Galactica Media: Journal of Media Studies, 5(3), 79–101. https://doi.org/10.46539/gmd.v5i3.362 (In Russian).
16. Styopin, V. S. (1999). Teoreticheskoye Znaniye. Progress-Traditsiya (In Russian).

Впервые опубликовано в:
Галактика Медиа Vol. 6. No 2 (2024)
С. 52–65

ЯЗЫК КУЛЬТУРЫ. ЯЗЫК НАУКИ. ЯЗЫК ПОЛИТИКИ

Аннотация. Предлагаемая читателю статья содержит философско-семиотические оценки культурных кодов в контексте парадигмальных изменений в мировоззрении и самосознании европейцев во время пост- и after-постмодернизма.

Для всех, кто интересуется проблемами гуманитарного познания.

LANGUAGE OF CULTURE. LANGUAGE OF SCIENCE. LANGUAGE OF POLITICS

Abstract. The article offered to the reader contains philosophical-semiotic estimation of culture codes in the context of paradigm changes in outlook and self-consciousness of Europeans in postmodern and after-postmodern times.

For all interested in humanities.

В условиях российской действительности исторически сложилось два столичных центра, в которых в XX веке интенсивно велись соответствующие исследования: это Москва (лингвосемиотика) и Санкт-Петербург (филология

и семиотика литературы). Семиотические школы возникли во второй половине истекшего столетия также в Екатеринбурге и Казани. (Тарту, где в знаменитом университете несколько десятилетий существовала семиотическая школа «вторичных моделирующих систем» под руководством Ю. М. Лотмана, остался за границей сегодняшней России).

Десятилетия, истекшие в Европе после «лингвистического поворота», приучили читающую публику считать или по крайней мере именовать любой культурный код «языком». Оставляя в стороне вопрос о том, какая в этом существует необходимость, примем как факт, что в семиотическом измерении все знаково-символические системы в XX веке разделяются в самом общем виде на технические коды, собственно языки и «языки культуры». Соответственно, их изучают: семиотика техническая, семиотика языка и литературы, семиотика форм культуры (и искусства).

Теперь об особенностях семиотического подхода к языку. Семиотика – это также просодическая дисциплина, и она так же способна завуалировать различия материализма/идеализма, как и социолингвистика. Например, кому принадлежат следующие высказывания: «Термины… являются элементами, составляющими высказывание… Термин есть знак (signum) и, соответственно, основная функция терминов заключается в обозначении определенных объектов»? А также: «В собственном смысле слова и первично (primo et proprie) слова обозначают те же объекты, что и соответствующие понятия. Так, например, слово «птица» и понятие «птица» обозначают один и тот же объект – пернатое живое существо»? А они принадлежат тому самому средневековому схоласту Уильяму Оккаму, хотя под ним охотно подпишется любой современный семиолог-материалист (например, автор данных строк).

Родство семиотики и социолингвистики несомненно; можно сделать для краткости одну лишь ссылку на классика: «Первично язык является реализацией тенденции рассматривать объективную реальность *символически,* и именно это сделало его коммуникатором». *Эдуард Сепир.*

Однако отличие семиотического взгляда на вещи, во-первых, в том, что предмет семиотики много шире, нежели социолингвистики, то есть включает язык *наряду с другими* знаковыми системами; во-вторых, в соответствующей широте этого взгляда, каковой не сводится лишь к «третьей навигации»; и самое главное, в-третьих: семиолог *никогда* не отвлекается от обозначаемого разнообразными знаковыми системами, в том числе языковыми, *объективного мира.* Имя—смысл—*объект,* «третья вершина» знаменитого семантического треугольника, символизирующего структуру знака, каковой есть, в сущности, «сверток» семиотической ситуации.

Семиотический треугольник, известный под именами немецкого математика и логика Фреге и английских семантиков Огдена и Ричардса, имеет огромное, до конца не осознанное культурологическое и философское значение. Поистине, несмотря на блеск упомянутых выдающихся имен, он сложился задолго до самой семиотики или, тем более, социолингвистики. Обратимся к важному произведению Вяч. Вс. Иванова ДО – ВРЕМЯ – ПОСЛЕ? – предисловию к кн.: Генри Франкфорт, Г.А. Гройневеген-Франкфорт, Джон А. Уилсон, Торкильд Якобсен. В преддверии философии. М.: Наука, 1984 (как, собственно, и к самой книге). Во вводной статье он рассматривает так называемый «Мемфисский богословский трактат», документ, связанный с идеей творения, оригинал которого обычно датируется серединой III тысячелетия до н.э. (если не полтысячелетием раньше). Это самый первый известный нам философский текст. «…Творение выражается в

философских терминах в той мере, в какой египтянин был вообще на это способен: мысль, посетившая сердце бога, и произнесение повеления, воплощающего эту мысль в реальность. …Здесь… мы вплотную подходим к подоплеке учения о Логосе в Новом завете: «Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (С. 66). Так сложилась основная идея семиотики культуры, она же лингвосемиотика, – еще на самой заре писаной истории.

Меняется ли ветвление семиотики в XXI веке? Возможна ли, например, «семиотика природы»? Куда, к какому ведомству отнести такие функциональные стили как язык науки и язык политики – несомненные реалии цивилизованного общества? В каком соотношении они находятся с языком культуры? Можно ли, например, заявить, что язык культуры – это язык науки плюс язык политики плюс язык эстетики? Не все эти вопросы получили на сегодняшний день однозначные решения.

Ограничения возможностей применения семиотического подхода являются разнородными. У. Эко, например, говорит о «политических» и «естественных» ограничениях.

«Политические» ограничения, в свою очередь, подразделяются на «академические» ограничения, связанные с тем, что семиотика стала отдельной дисциплиной сравнительно недавно, хотя комплекс семиотических идей разрабатывается с античности; «товарищеские» ограничения со стороны сопредельных наук, достигающих важных для семиотики результатов, так сказать, «попутно»; «эмпирические» ограничения, связанные с недостаточным развитием самой теории знаков.

«Естественные» ограничения объясняются незнаковой природой множества объектов.

К этому можно добавить, что существуют и ограничения философского характера, ибо, хотя категории семиотики в целом ряде случаев достигают гносеологической,

но они не достигают онтологической всеобщности. Мир сам по себе не представляет системы знаков, не «заряжен», вопреки расхожему профанному мнению, информацией, ничего не «говорит» субъекту познания; лишь сам человек может придать смысл явлениям природы. Поэтому семиотика не в состоянии подменить философию.

Однако справедливым представляется, что просодический характер знаковых средств в человеческой культуре, особая универсальность семиотики в сфере бытия человека связаны с наличием более фундаментальных, чем иерархический или конкурентный (линейно-вертикальный или линейно-горизонтальный), способов взаимодействия субъекта и объекта в качестве элементов знаковой ситуации. Открываются все новые «лучи», «созвездия», «ярусы» семиотических идей; в силу сквозного характера они пересекаются со все большим количеством дисциплин, перекрывают дискурс культуры, умножая каналы информации. Научная и художественная рефлексия вызывает к жизни все новые семиотические средства. Разнообразна их трактовка с позиций разных дисциплинарных сфер.

Есть и дополнительные вопросы. Они касаются пресловутой множественности дефиниций культуры (в узком смысле, в широком смысле…), ибо, если мы признаем, что культура – самое широкое определение социума и чуть ли не его синоним, то нет необходимости специально выделять упомянутую третью ветвь семиотики и теряют смысл такие словосочетания как «философия *и* культура», «культура *и* искусство», «язык *и* культура». Кроме того, следует подчеркнуть существующие нетривиальные различия между концептуальными комплексами «язык/языки культуры» и «культура как язык». Они отображают общефилософскую проблему взаимосвязи уникального и универсального. Наконец, остается в силе вопрос о разветвлении единых прежде (в рамках философии, вплоть до XIX

века) лингвистики, озабоченной проблемами структуры и функций *языка*, тяготеющей к семантической однозначности даже в части прагматики, и филологии, имеющей более широкий предмет и иной метод: сегодня это интерпретация *текстов*. Соответственно, является серьезной натяжкой объединение семиотики языка и семиотики литературы в одну теоретическую дисциплину, хотя в своей вводной статье к Антологии семиотики такой признанный мэтр как Ю. С. Степанов полагал это возможным[1].

Философский постмодернизм, развивавшийся в последние десятилетия в Европе и Америке, продемонстрировал имеющиеся различия между *лингвосемиотикой, ориентированной преимущественно (нео)позитивистски,* и *семиотикой* художественной литературы, а расширительно – и культуры вообще, *ориентированной, так сказать, постпозитивистски.* Кантианская основа позитивизма не меняется, обеспечивая глобальную преемственность самого философского направления; однако известна и глубокая, существенная обособленность стадий его развития. Собственно, «лингвистический поворот» и явился эмблемой перехода позитивизма из третьей фазы в четвертую, современную.

Словосочетание «язык культуры», в эпоху господства неопозитивизма бывшее разве что красивой метафорой, такой же, как галилеевский «язык природы», – стало в последнее время *термином*. Это произошло, когда превратилось в общее место (нео)кантианское убеждение в том, что между «субъектом» и «объектом» познания стоит непроницаемый щит, или экран, культуры, причем самым главным ее компонентом или репрезентантом, символиче-

[1] См. аннотацию и Вводную статью к: Семиотика: Антология / Сост. *Ю. С. Степанов.* Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001.

ски концентрирующим и воплощающим квинтэссенцию культуры, является *язык*.

Предпосылочное, фоновое знание и знание о нем парадоксальным образом вытеснило на периферию исследовательского интереса фокусное, концептуальное знание (и знание о нем). Тем могущественный первобытный *Объект* превращен в знаменитую непознаваемую кантианскую вещь-в-себе, и теперь для наблюдения от него остается лишь «объект», феномен, неразрывно связанный с наблюдателем, превращенным, соответственно, из Субъекта в… не только не в автора, но даже не в читателя, а в самопорождающий и самопознающий Дискурс (в лучшем случае – Текст). Социокультурные ценности превалируют над бывшим идеалом объективно-истинного знания, раскрывающего законы и трактующего о сущности. Подобные концепты предназначаются постмодернистской синтагматикой для гербария курьезов в лавке древностей или музея истории *и* культуры, в лучшем случае.

Экзерсисы постмодернизма, увлекательные и сами по себе, имели еще ту ценность, что явно продемонстрировали общий современный отход от аристотелевско-гегелевской максимы: основания бытия и основания познания *в сущности одни и те же.* Возобладала кантианская максима: они не одни и те же, причем об основаниях бытия мы ничего не знаем и знать не можем, а знаем или потенциально можем понять только то, что априорно содержится в знании, причем *скрыто,* прячась в формах и нормах родного языка, мифа, традиции, коммуникации, художества, религиозно-мистического озарения, бессознательного творчества и пр. Твердо и однозначно, как хотела бы «строгая наука», познать надежно скрывающуюся сущность того, что в культуре, невозможно; зато возможен и даже весьма желателен герменевтический круг, или, можно сказать, венок интерпретаций. Феноменально

он и составляет культуру (объектный язык) и одновременно ее критику (метаязык).

Отчасти соглашаясь с таким результатом развития европейского самосознания и европейской, в том числе отечественной, философии, полагаю необходимым предложить следующий комментарий.

Прежде всего, эпоха Просвещения, ныне чаще именуемая «модернити», отменила тотальный символизм средневековой культуры, а эпоха «постмодернити» вернула его на место. Я бы сказала, что это может служить еще одним хрестоматийным примером гегелевской спирали развития: возврат к старому на новой основе. И если Фрэнсис Бэкон предупреждал ученый мир относительно вреда для работы сознания известных «призраков», или идолов, то, как кажется, эпоха «модернити» стремилась побороть их все, – (и самым крайним выражением эмпиризма стал в новейшее время именно классический позитивизм), – а эпоха «постмодернити» признала за всеми ними неоспоримую силу и влияние (притом, что она оттеснила на этапе постпозитивизма старый эмпиризм и заменила его неким «теоретизмом», провозгласив теоретическую нагруженность опыта и мировоззренческую нагруженность науки в целом).

Далее. Думается, что реализацию тенденции борьбы со всеми четырьмя группами идолов можно видеть на примере языка науки, понимаемого в духе раннего Витгенштейна и Венского кружка, реализацию тенденции к сдаче позиций в этой борьбе – на примере культуры постмодернизма, а реализацию тенденции к утверждению незыблемости призраков – на примере языка политики, начиная с Николо Макиавелли. Тривиально было бы заявление, что метафоричность и субъективизм языка науки стали ясны после трудов Карла Поппера, и наоборот, что язык политики должен быть недвусмысленным, ибо дву-

смысленность чревата политическими осложнениями вплоть до военных действий. Да, сейчас хорошо известно, как изменился идеал науки в последнее время… Так же хорошо известно, что клишированные метафоры языка политики (пример из времен и реалий советского времени 60-х гг.: «…таскают вязанки сырого хвороста к чадящим кострам антисоветизма»: это значит, в Пекине открылся 6-й съезд коммунистической партии) – вполне однозначны. Здесь, однако, хочется поставить иные акценты, а именно: видимо, Ф. Бэкон был прав в отношении двух первых видов «призраков», – *idola tribu et idola specu*. Бороться с ними вплоть до уничтожения невозможно, есть только вероятность ослабить их (вредоносное) воздействие на разум. Однако две другие группы, *idola fori et idola theatri*, с тех пор для образованной, ученой публики либо являются мишенью критики и преследования вплоть до изгнания (язык науки), либо в полной мере владеют полем смыслов и ценностей, пронизывая сознание, никакому изгнанию не подвластны и не подлежат (язык политики). Семиотически рассуждая, язык науки выстраивают «абстрактные» синтактика и семантика, язык политики – богатейшая прагматика. В этом смысле он гораздо ближе к языку художественной литературы и философии, нежели к языку так называемой «строгой науки».

Можно сказать больше к чести языка политики. Вплоть до последних десятилетий, времени (вероятно, не вполне зрелого и не вполне признанного естествознанием) расцвета социально-гуманитарных наук, причем острием прогресса по-прежнему признается физико-технический комплекс, – общий термин «наука» все же относился к *строгой рациональности*, идеалу не-гуманитарного знания. Научная рациональность в таком смысле – это, так сказать, «усиленная» рациональность. Основные свойства научной рациональности: объективность (эмпирическая

или теоретическая), однозначность, доказуемость, верифицируемость (эмпирическая или аналитическая), способность к модификациям кодов, происходящим по строгим правилам селекции и комбинаторики, – прямо проектировались на требуемый функциональный стиль, призванный обслуживать *такую* науку. И при всей информационной привлекательности, при всех заслугах язык *такой* науки имеет, по крайней мере, один методологический недостаток: – наивную веру в *познаваемость объекта из себя самого,* и один мировоззренческий недостаток: – бессубъектность, «вынесение за скобки» всяческой гуманитарности.

В отличие от этого, язык политики всегда был ее средоточием. Семантически это сложный комплекс этических, идеологических, экономических, психологических и иных «субъектных», социо-гуманитарных измерений. И, будучи прямым выражением не столько этически-должного, сколько психологически и экономически наличного, язык политики есть дискурс самой практики, ее идейный мессидж. А практика, и это с начала прошлого века признано в нашей философии, является не только истоком, основой, целью познания и критерием истины, *но и определителем связи субъекта и объекта в познании.* И это не субъективный идеализм кантианства, не последнее открытие постмодернизма, это мысль диалектического материалиста. С которой хочется выразить полное согласие.

И точно так же, как строгая логика отвергает доводы ad hominem et ad publicum, зато риторика признает и разрешает их, именуя «доводами к пафосу» и «доводами к этосу», язык политики, социальная призма, преломляющая все общественные отношения, в отличие от птичьего языка «строгой науки», возвращает человеку «правду жизни», сладкую или горькую, неважно, – однако в соответствии с закономерностями, раскрытыми в концепции

лингвистической относительности Сепира – Уорфа – Вайсгербера.

Потому что это все-таки язык.

Язык науки пишет картину мира.

Язык политики пишет картину социума.

Язык культуры пишет картину, – точнее, автопортрет – человека.

Впервые опубликовано в:
Ученые записки КГУ. Т. 150.
Серия «гуманитарные науки».
Книга 4. 2008. – С. 99–104.

ЯЗЫК В РОЛИ ОСНОВНОГО ОБЪЕКТА ФИЛОСОФСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация. В работе устанавливаются три основные задачи для исследователей в области философии языка, происходит разграничение философии науки и теории научного познания в социолингвистическом ключе, идет изучение языка в социально-историческом, логическом и гносеологическом аспектах. В классическую теорию познания на правах методологии включается лингвосемиотика. Анализ языка совершается в трех совмещающихся плоскостях: язык как основное средство познания, лингвисты как философы, философы как лингвисты.

Ключевые слова: язык; лингвосемиотика; философия; философия языка; философия науки; лингвистический поворот.

LANGUAGE AS THE MAIN OBJECT OF PHILOSOPHICAL INVESTIGATION

Abstract. Three main tasks for research in philosophy of language are established in this contribution. Borders are shown between philosophy of science and epistemology from socio-linguistic point of view, while language itself, in its turn, is studied in socio-historical, as well as logical and philosophical aspects. Linguistic semiotics is put forward as effective methodology for theory of knowledge. Being the main medium of cognition, language is likewise analyzed as such both for philosophers engaged in linguistics and for linguists turning out philosophers.

Key words: language; linguistic semiotics; philosophy; philosophy of language; philosophy of science; linguistic turn.

О языке в новейшее время ученые пишут много, и в наши дни все больше.

Специальные науки о языке отделились от философии относительно недавно: в виде сравнительно-исторического языкознания и структурной лингвистики, в XIX столетии. Это отделение связывают обычно с двумя именами: Вильгельма фон Гумбольдта (сравнительно-историческое языкознание) и Фердинанда де Соссюра (структурная лингвистика). Де Соссюр был, сверх того, одним из основателей лингвосемиотики как специальной дисциплины (наряду с американским логиком Чарльзом Сандерсом Пирсом). Предшествовавшие же 25 веков продемонстрировали нам глубокое мировоззренческое родство философских и филологических (в частности, лингвосемиотических) проблем: об этом свидетельствуют труды Платона и Аристотеля, скептиков и неоплатоников, схоластов Боэция и Уильяма Оккама, грамматиков Пор-Рояля, эмпириков и рационалистов нового времени. Затем

произошел некий интеллектуальный сдвиг: язык стали пристально изучать не-гуманитарии, в частности, математики и физики, даже инженеры…

В последние десятилетия лингвистическая философия, развивающаяся в англосаксонском мире, опираясь на идеи «позднего» Витгенштейна, стала, кроме прочего, и своеобразной онтологией. Лингвистическая философия – это «средний этап» трансформаций аналитической философии, каковая вышла из логики Готлоба Фреге, содержавшей проект создания идеального языка в виде вычислительной процедуры. «…Этот концептуальный сдвиг… основан на новом понимании роли языка, который начинает рассматриваться как исчисление, аналогичное математическим теориям» [1]. Программа Фреге никогда не была ориентирована на прояснение сущности языка. То была возрожденная идея Лейбница о *Mathesis Universalis* как единстве исчисления умозаключений и языка науки. Логика соединила формы мышления с формами языка.

Г. Фреге заложил основы логической семантики, отделив в логике средства выражения (синтаксис) от их содержания, а в самом содержании значение – от смысла. (На самом деле, последнюю проблему пока нельзя счесть решенной).

По Ф. де Соссюру, наука о языке должна иметь уже три части: синтактику (отношения между знаками), семантику (отношения между знаком и значением) и прагматику (знаки в мире человека). Поистине, использование языка не ограничивается утверждениями и отрицаниями; вопросы, нормативы и другие нереференциальные выражения невозможно редуцировать к одному типу функционирования. Однако неопозитивизм поставил как раз такую цель. В XX веке, как известно, начинается процедура «терапии» языка, простертого на прокрустовом ложе логического синтаксиса и логической семантики…

В последние десятилетия XX в. аналитическая философия объединилась с философией языка, а та, в свою очередь, из позитивистской (кантианской) методологии превратилась в мировую схематику, в которой все элементы (мира) предстали одновременно в качестве форм языка.

В итоге двух этапов развития лингвистического поворота в европейском сознании и культуре утвердилось несколько максим, из которых наиболее известна следующая: язык – предельное основание мышления и деятельности. Сегодня всему читающему миру известны афоризмы типа «Сущность человека покоится в языке» или «Язык – дом бытия» (Хайдеггер).

Можно приветствовать такое возвращение, в исследовательских целях, – не столько к Канту, сколько к мегалитическому комплексу Аристотеля: логика, она же онтология, она же гносеология, лингвистика и семиотика. Еще римский стоик I в. н.э. Корнут подчёркивал параллелизм между категориями Аристотеля и грамматическими элементами греческого языка. Поэтому можно утверждать, что создавать вышеупомянутый «мегалит» Аристотелю повелевал родной язык.

Развитие философии, науки и философии науки последовательно происходило: а) путем направления усилий выдающихся мыслителей-философов (например, Платона, Аристотеля, Гоббса, Локка, Гегеля, Энгельса, Фреге, Хайдеггера, нео- и постпозитивистов, постмодернистов, других современных авторов) к анализу языка; б) путем выхода на мировоззренческий уровень специалистов-лингвистов (таких как В. фон Гумбольдт, Ф. де Соссюр, Э. Сепир, Б. Уорф, многие отечественные ученые, такие, как И. Бодуэн де Куртенэ, В.В. Виноградов и другие); в) в результате «лингвистического поворота», совершенного на общем пути философии науки (Л. Витгенштейн и другие).

Сегодня в этом смысловом поле мы имеем для исследования три взаимосвязанных задачи: 1) проекция основных западноевропейских философских направлений на понимание языка [философы рассуждают о языке]; 2) выяснение философских основ главных направлений западноевропейского языкознания XIX – начала XXI вв. [лингвисты выступают как философы]; 3) целенаправленное построение теории познания при помощи лингвосемиотики и философии языка [используя как эвристические возможности возрождения концептуального комплекса, созданного Философом, так и современные достижения]. При всем мировоззренческом многообразии существует практическая возможность проследить развитие отношений философии и языка, философов и языковедов.

Прошлый век продемонстрировал не только превращение долгого антропологического (в сущности кантианского) поворота в лингвистический поворот, но и парадоксальное сближение на основе повышенного философского интереса к языку *двух оппонирующих направлений*, экзистенциализма с его онтологией и позитивизма с его методологией, в результате чего успехи философии языка оттеснили классическую эпистемологию и даже общую теорию познания. Язык стал приоритетным объектом исследования ученых, и не только гуманитариев, но и «технарей» (каким был сам Витгенштейн в начале пути), и математиков, и естествоиспытателей…

Мы можем легко принять, что язык является основным средством познания как такового, и не только научного. Это билатеральная сущность, чьей субстанцией следует признать смысл, а формой проявления – материальный акустико-артикуляционный комплекс или его корреляты (письмо, иероглифика и пр.). Есть ли в таком постулате нечто проблематичное? Одинакова ли языковая кар-

тина мира для принимающих данное определение людей разных мировоззрений, различных типов рациональности?

Обратим внимание: в философской литературе отсутствует строгое и одновременно общепризнанное определение того, что именно считать средством познания. Классическая гносеология рассматривала язык не в качестве коммуникационного кода, средства общения, как лингвистика, и не в качестве универсальной формы культуры, на манер искусствоведения, – но преимущественно в когнитивном аспекте, в роли спутника (одинокого локкианского) субъекта познания, наблюдающего объект; это язык-для-себя, фиксатор и манифестант уединенной мысли.

Укажем попутно на серьезное различие общей теории познания и эпистемологии. Сошлемся на мнение современного философа науки, лауреата премии президента Британского общества в этой области Статиса Псиллоса.

> «Размышления об истине развиваются в двух направлениях. Первое – утверждение, что истина есть *объективное* качество наших убеждений, благодаря которым они соответствуют миру. Истина соединяет наши мысли и убеждения с какой-то внешней реальностью, придавая им тем самым репрезентативное содержание. …Второе направление принимает, что истина – это *оценочное* понятие: оно суммирует нормы правильно построенного утверждения или *убеждения:* сказать об убеждении, что оно истинно, значит сказать, что иметь его эпистемологически верно, или доказательно [оправдано]».

И далее:

> «Различие между не-эпистемической (общегносеологической. – *Э.Т.*) и эпистемической концепцией истины становится зримым, когда мы мыслим в терминах сократовского парадокса [из диалога] Евтифрон: то ли утверждения являются истинными *потому*, что они признаны за истинные [лицензированы] набором норм [правил] – то ли они признаны [лицензированы] набором норм [правил] в качестве истинных, *потому* что они истинны» [2].

Справедливости ради, надо упомянуть, что в отечественной литературе образ философии науки по-прежнему связан с эпистемологией или, по крайней мере, с научно-теоретической системой, той или иной, а не только с практической деятельностью ученого в лаборатории. Хорошо или плохо, это – так. В итоге мы ошибаемся в своей оценке деятельности так называемых постпозитивистов, они же историки и философы науки, полагая, что их критика неопозитивизма, он же логический синтаксис и логическая семантика, сближает наши позиции [3]. В действительности, философской платформой «нашей» эпистемологии было и осталось гегельянство, а философии науки и в ее рамках позитивизма, всего позитивизма – кантианство. Эти основания совпасть не могут. Коротко говоря, оптимистическая гегелевская философия – это наука о совпадении предельных основ бытия и познания (так было и у Философа, только совершенным состоянием Аристотель считал покой, а Гегель – движение); а кантианская и любая неокантианская философия – учение о «распадении», о драматическом обособлении разума и «вещи-в-себе».

Парадокс состоит в том, что неотличимородственная аналитической философии языка философия науки в конце XX века отказалась быть теорией вообще, а близкородственная философии языка семиотика совершила культурологический крен, вплотную перейдя от лингвистического анализа к исследованию мифов, символов, ритуалов, метафор и т.п. и тем потеряв, как кажется, в академической строгости, которая была присуща лингвосемиотике со времен первых максим, сформулированных Аристотелем.

С определенной точки зрения, а именно, лингвосемиотической, эти дивергенции становятся более понятными. Теория научного познания (эпистемология) так относится к современной западной философии науки, как семантика

к прагматике. Семантика, изучающая отношение знаков и смыслов, – самая «теоретичная» и ригористическая часть семиотики, в ней самые высокие абстракции, строгая логика, определенные уровни, формы и т.д. Она нацелена на познание и раскрытие сущности. Прагматика же имеет дело с содержательной стороной коммуникации, она изучает отношение знаково-символических систем к реальному эмпирическому человеку. В ней больше вольностей, единичностей, игры, больше ситуативности, чем системы. Так же соотносятся первый и второй этапы развития лингвистического поворота («ранний» и «поздний» Витгенштейн). Это значит, что в любом случае объектом исследования выступает язык, но только для неопозитивизма это особый функциональный стиль, искусственный язык науки, а для постпозитивизма это естественный разговорный человеческий язык с его богатейшей прагматикой.

Можно построить некие графики, схематически изображающие особенности понимания языка в его когнитивной роли представителями математических, естественных и инженерно-технических наук, с одной стороны, и представителями социо-гуманитарных наук, и в том числе – философии, с другой стороны. В тезисном виде эти идеи были изложении автором на Российском Философском конгрессе, проходившем в г. Новосибирске в августе 2009 г.

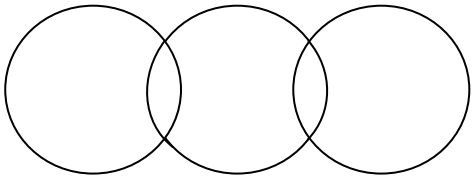

Рис. 1.

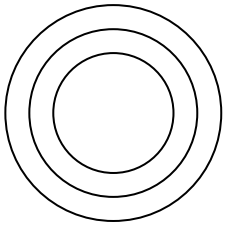

Рис. 2.

Первый график изображает язык в роли посредника между субъектом и объектом; собственно, это разомкну-

тый «семиотический треугольник». Он призван проиллюстрировать, как себе представляют роль языка философы науки не-гуманитарии. Простота здесь лишь кажущаяся. Подобный же рисунок изображает связь кругов пифагорейского числового Универсума.

Обратимся к произведению А. В. Зиновьева «Магия Апокалипсиса» [4]. В свое время Филон Александрийский был убежден, что вся теория чисел заимствована из Пятикнижия Моисея. Тора (Танах) сформировался в целостное писание в VI в. до н.э., как раз когда древние евреи были отпущены из вавилонского плена по указу царя Кира (537 г. до н.э.), а Пифагор путешествовал по Востоку. Создав впоследствии собственную школу, он стал объяснять своим ученикам – «математикам» теорию числового Универсума. Она опирается на числовые соотношения три – трижды-три – разделенного круга.

«Круг Универсума – это геометрический базис древнееврейской Торы и христианской «триады», главный исток пифагорейской «тетракиды» с ее многообразной числовой символикой» [4].

1	*Всеобщий (универсальный) круг*	*Единое, Всеобщий (универсальный) род*
3	*Большой круг*	*Общий род*
9=3·3	*Средний круг*	*Особенный вид*
27=9·3	*Малый круг*	*Единичный индивид*

Все сущности (категории) в универсуме изображаются соединенными в горизонтальные ряды, как на нашем первом рисунке.

На втором графике не просто изображен медиатор в силлогизме: этот рисунок символизирует и «третьего человека» Аристотеля, каковой «третий» («четвертый» и т.д.) человек на каждом уровне концентрических орбит

должен становиться «объемнее», составляя среду для предшественников.

Аристотель, как известно, выступил против учения Платона о безусловной независимости идей (например, идеи человека) от вещей (например, от эмпирического, конкретного человека) по бытию.

Платон считал, что общее образует особый мир, отдельный от вещей и самобытный. Но «между каждой отдельной вещью и ее «идеей» должно существовать нечто сходное и общее для них обеих» [5]. Аристотель утверждает: если по отношению к миру чувственных вещей допустить отдельный от него мир «идей», то «точно так же по отношению к тому общему, что имеется между миром вещей и миром «идей», должен быть допущен – в качестве вполне самобытного – новый мир идей» [5]. И если в силу сходства мира вещей с первым миром «идей» оказалось необходимым предположить второй мир «идей», то на том же основании – в силу сходства второго мира идей с первым, а также с миром чувственных вещей – необходимо предположить существование чего-то общего между ними, т.е. существование особого третьего мира «идей». При последовательном развитии этой аргументации приходишь к выводу, что над областью чувственных вещей высится не один платоновский самобытный мир «идей», а бесчисленное множество таких миров, все более общих.

Наш второй рисунок изображает язык в роли такой всеобщей среды, или «океана» (М. Хайдеггер), в который человек погружен таким образом, что не различает, где «верх» – образы сознания, и где «низ» – объективный мир … Это универсальная способность языка служить фоном, общим топосом, или общей местностью бытия и познания. Так видится язык гуманитариям.

Одна из вечных проблем наук о языке – его происхождение, либо из подражания природе (“physei”), либо

по установлению, конвенционально (“thesei”). Переходя из тысячелетия в тысячелетие, (рас)суждение о соотношении естественного, подражательного, миметического (непроизвольного) и условного («сделанного», договорного, произвольного) стало основной лингвофилософской синтагмой, которая играет роль альфы, омеги и канвы всех соответствующих исследований с тех пор и до наших дней.

Иногда утверждают, ссылаясь на Диогена Лаэрция, что антитеза между «природой» и «соглашением» впервые была высказана Архелаем, учителем Сократа. Источником этой антитезы могут считаться и сохранившиеся фрагменты из трактата «Об истине» софиста первой генерации Антифонта. Однако в «Законах» (690 b) Платон дает понять, что автором её он считает фиванского поэта Пиндара, занимавшего первую позицию. Демокрит же применил антитезу “physei” – “thesei” к такому общественному «институту», как язык.

От Материалиста скорее ожидаешь поддержки в защиту первой позиции. Однако нет; в этом вопросе он поддержал конвенционалистов, т.е. более прогрессивную точку зрения. Язык возникает “thesei”, по соглашению, считает Демокрит.

«267. Прокл in Crat. Демокрит… говорит, что имена – по установлению, и доказывает это четырьмя эпихейремами:

1) на основании одноименности. Ибо различные вещи называются одним и тем же именем. Следовательно, имя – не по природе.

2) на основании многоименности. Если различные имена прилагаются к одной и той же вещи, то они равнозначны между собой, что невозможно [если имена – по природе].

3) на основании перемены имен. Ибо каким образом мы переименовали Аристокла Платоном, Тиртама же – Теофрастом, если имена – по природе?

4) на основании недостатка подобных [имен]. Почему от «мышления» мы говорим «мыслить», а от «справедливости» мы уже не производим [подобным же образом] другого имени? Следовательно, имена – по случаю, а не по природе» [6].

Примером рассуждений на эти темы является диалог Платона «Кратил» [7].

Платон, устанавливая функции языка, колеблется в отношении дилеммы “physei” – “thesei”. Выразительность языковых знаков не просто наглядна, но и не вполне абстрактна. Сократ в «Кратиле» глубокомысленно замечает, что имя-изображение, хотя и стремится к тождественности со своим объектом, не может быть буквальным его копированием.

> «Да ведь смешные вещи, Кратил, творились бы с именами и вещами, которым принадлежат эти имена, если бы они были во всем друг другу тождественны. Тогда все бы словно раздвоилось, и никто не мог бы сказать, где он сам, а где его имя» (432 д) [7].

Имя не есть абсолютное совпадение с вещью или ее эйдосом; субстанционально слова, фонемы, слоги не имеют тождества ни с мыслью, ни с ее объектом. Эта идея высказывалась еще софистами, например, Гиппием, согласно платоновскому диалогу «Протагор»: слово не связано с бытием, не совпадает с ним; в противном случае это было бы одно и то же. Если нет абсолютной истины, а значит, все ложно, то язык приобретает безграничную власть, делает вывод мудрый софист. Сам Протагор также решал эту проблему, хотя в других выражениях. Но, может быть, важнее, что в «Кратиле» Платон без колебаний приписывает языку орудийную силу (сравнивая имена с

применяемыми в ремеслах цельными, нерасколотыми буравами и челноками). Язык – органон, орудие мысли.

Исследование именно этой пер-локутивной функции составляет сегодня основную задачу философии языка.

В 1955 английский философ Дж. Л. Остин прочел в Оксфорде курс лекций, содержавший теорию «речевых актов». Лекции были опубликованы в 1962 в виде книжечки “How to do things with words”. Он показал, что любое значащее (осмысленное) выражение представляет собой коммуникативное действие, которое он назвал locutionary act, локутивный акт. Язык в таком амплуа действует логически, передает некие истины коммуникатору. Locutionary act, утверждает Остин, не может быть вполне отделен от того, что он называет illocutionary act, иллокутивный акт. Сегодня под этим понимают социокультурные детерминанты, предпосылочное знание, или скрытое, tacit knowledge, личностное знание. Ситуация, в которой производится высказывание, и которую Остин называет целостным речевым актом, всегда одновременно locutionary and illocutionary. Но есть еще одно амплуа у языка: уже самим выбором чего-то, что мы хотим сказать, и пропуском чего-то другого, мы оказываем несомненное влияние на тех, кто читает или слушает. Это тот самый перлокутивный акт, perlocutionary act, или metamessage, метапослание (в терминологии Д. Таннен, [8]): орудийная преобразующая сила, «тирания» языка, его, можно сказать, волевое усилие, изменяющее жизнь человека в социуме.

Слово всегда обладало могуществом в мире. В июле-августе 2008 года автору посчастливилось быть участником XXII Всемирного Философского Конгресса, проходившего в Южной Корее. Почти дословно запомнился пленарный доклад Президента Конгресса и на тот момент Президента Международной Федерации философских обществ, выдающегося датского философа Питера Кемпа.

Он говорил о роли языка философов в обществе и языка вообще – как силы, не-милитаристской, не-экономической, не-технологической, но огромной! Peter Kemp заявил следующее: «…The only power we have is the power of the word… “La parole est mon royaume”, and I am not ashamed of it. …Philosophical argumentation and reflection constitute a non-economical, non-technological and non-military power by the *word* that is capable of challenging the other powers exposing lies and illusions, and proposing a better world as dwelling for humanity» [9].

В заключение вернемся к нашим иллюстрациям. Если основные науки рассматривать как «первую навигацию», служащую естествознанию, то нам не уйти от образа печати на воске или зеркала в классической гносеологии, что не помешает использовать для изображения самого языка первый график: язык в роли посредника между ученым и его объектом. В ходе «второй навигации», метафизики, языковые единицы сливаются с идеями, и величественно-спокойный образ вечного солнца-истины можно представить в виде второго рисунка, только анимированного: излучающего волны света. Остается еще одна навигация: «третья», коммуникация. Тогда данный анимированный график будет интерпретироваться иначе: как «место силы», или «место воли», где импульсы идут от основной могущественной универсальной субстанции… да, языка.

С интерпретацией языка как орудия в руках субъекта, как силы, преобразующей объект, связан тот факт, что философ (как и любой гуманитарий) недолго может оставаться «лишь» гносеологом: глубокие размышления обязательно приводят его к вопросам социальным: коммуникации, этики, политики и т.д. Ср.: «Philosophizing is never totally neutral. We philosophers have a responsibility to know how we do things with words». Peter Kemp.

Литература

1. Суровцев В.А. О логико-философских взглядах Готлоба Фреге / Готлоб Фреге. Логико-философские труды. – Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2008. – 283 с. – С. 7.
2. Psillos, Stathis. Philosophy of Science A – Z. Edinburgh Univ. Press. – 2007. – 280 p. – P. 247; 248–249.
3. Лекции по философии науки: Учебное пособие / Ред. В. И. Пржиленский/ – М.: ИКЦ «МарТ» – Ростов н/Д.: Изд. Центр «МарТ», 2008. Серия «Учебный курс». – 544 с. – С. 3–4.
4. Зиновьев А.В. Магия Апокалипсиса. – Саранск: «Поиск», «Норд», 1990. – С. 44; 48.
5. Асмус В. Метафизика Аристотеля // Аристотель: соч. в 4-х т. – М., 1975. – Т. I. – С. 8–9.
6. Фрагменты Демокрита. Малый диакосмос // Материалисты Древней Греции. – М.: 1955. – 238 с. – С. 151–152.
7. Платон. Сочинения. В 4-х т. Т.I. – М.: «Мысль», 1994. – С. 480.
8. Tannen, Deborah. That’s not what I meant! How Conversational Style Makes or Breaks Relationships. – Ballantine books, N.Y. 1987. – 210 p. – P. 16.
9. XXII World Congress of Philosophy. Opening Ceremony. Wednesday, July 30, 2008. – www.wcp2008.or.kr

Впервые опубликовано в:
Современные исследования социальных проблем.
НИЦ Красноярск. № 4.1, 2010. – С. 632–640

ЛИНГВОСЕМИОТИКА И ТЕОРИЯ КОММУНИКАЦИИ

ОПЫТ ПРОЯСНЕНИЯ ПОНЯТИЯ МОРФИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВОФИЛОСОФСКОЙ СИТУАЦИИ

Под современной лингвофилософской ситуацией мы будем понимать сложное и богатое мировоззрение среднего интеллектуала, воспитанного в университетских традициях, каковое (мировоззрение) складывалось в последней трети XX века, известной как время *постмодернизма*, под влиянием трех основных духовных течений, или сил: позитивизма, радикализма, экзистенциализма.

Мы останавливаемся на названии «лингвофилософская» (ситуация) по той причине, что при всем многообразии и принципиальной несводимости идеологий, техник и практик XX века, с учетом непрестанно ведущейся научной и социальной полемики, на фоне, казалось бы, тотального взаимонепонимания – необходимо осознавать: *единственным* общим объектом интереса всех мыслителей новейшего, постклассического и постнеклассического времени является *язык.* Гумбольдт, Маркс, Шлейхер, Пирс, Гуссерль, Ясперс, Хайдеггер, русские философы, неопозитивисты, герменевты, литературные критики ранга Деррида, крупные социологи, такие как Хабермас, делали и делают язык объектом своего изучения. Философия постмодернизма выросла из литературной критики. Все основные концепты и модальности современного человека необходимым образом сводятся к языковой основе и лингвистической проблематике, будь то компьютерные системы, революционные программы левых радикалов, реклама и маркетинг, усилия по сохранению этнических

традиций или обретению национальных свобод, новое искусство и архитектура или старые религии, денежные системы, масс-медиа, символика компенсаторных культур или карнавал постмодерна. Совершенно очевидно, что и *образование* (и в широком, и в тесном смысле), этот приоритет грядущего века, также невозможно и даже немыслимо вне рамок языка и языковых исследований.

В рамках настоящей работы мы имеем целью показать содержание и, сколько возможно, роль такого малоразработанного в гуманитарной науке понятия как «морфизм», важность его для построения образа языка и понимания языкового функционирования, в частности, построения соответствующей картины мира. Правда, этим термином и его модификациями пользовались в позапрошлом веке – Гете, в прошлом – Шпенглер, но ввести его в *философию* на правах (хотя бы гносеологической) категории пока не удается. Между тем экспликация этого понятия имеет, как представляется, большое значение для построения новейшей теории познания, которая учитывала бы достижения таких наук как лингвистика, семиотика, культурология. Важен и практический аспект этих усилий: упомянутые дисциплины изучают богатейшую прагматику реальной человеческой жизни, и никакой страноведческий «ввод», никакое социальное познание и диалог культур невозможны вне их компетенции. Достаточно сказать, что семиотика, например, научно исследует феномен и сущность *значения* как базового и универсального измерения человеческой реальности. Оно структурирует человеческий мир; оно задает способы и является посредником управления (друг другом, собой и объектами действительности). При помощи семиотических средств-носителей значения только и возможно контрфактическое воображение, коммуникация, творчество, существование универсалий.

Дадим абрис наших представлений о языке с позиций гносеологии и семиотики.

Два главных вопроса, поставленных еще в античной философии: естественным или конвенциональным путем возник язык? Является или не является язык образом реальности? (Скажем сразу, что ответы на эти вопросы могут быть получены только при выходе **за** рамки формальной логики). Для современной формулировки этих вопросов обратимся к статье Пэр Ааге Брандта «Что такое семиотика?», доступной в сети Internet[1].

Первейшая задача *современной* семиотики (и она вполне может считаться философской) – понять, каким образом естественные и универсальные познавательные структуры взаимодействуют с культурно-специфическими системами знаков в человеческом уме и коммуникативном взаимодействии с одушевленным и неодушевленным окружением.

Естественный, культурный и психический аспекты человеческой реальности сопряжены в индивидуально и исторически обособленных актах опыта, но их можно рассматривать как сущности, специфически укорененные в универсальных структурах и в *способностях,* позволяющих людям формировать сложные познавательные репрезентации и эмоции, а также создавать стабильные, конвенциональные, экспрессивные системы знаков. Абстрактная мысль и язык, укорененные в этих способностях, регулируют важную часть человеческого поведения, как функционального, так и символического.

Три упомянутые аспекта человеческой реальности структурируются, во-первых, нейробиологически основанными способностями к схематизированию и категоризации реальности, воспринятой в опыте, или переживае-

[1] Per Aage Brandt. What is semiotics? – http://www.hum.aau.dk/semiotics/semdocs/sem.introduction.html

мой (это мы обычно называем логикой); во-вторых, нашей экспрессивной способностью формировать новые *знаки,* при помощи которых мы можем узнавать, верить, общаться и как-то относиться к новым объектам и явлениям. Фундаментальная цель семиотики – построить солидную, серьезную, реалистическую модель отношений между схематизмом, знаковой структурой вообще и языковой структурой в особенности.

Современная лингвистика, указывает Пэр Ааге Брандт, разделяется на разные подходы и субдисциплины.

«Генеративные лингвисты» основывают свою теоретическую позицию на анализе формальный структуры, и в частности, на изучении синтаксиса. «Когнитивные лингвисты» делают акцент на условных (мотивированных) отношениях между значением и формой и на важности трех познавательных способностей: воображения, логической рассудочности (схематизма) и метафорического топокартирования (mapping). Под последним, на наш взгляд, можно понимать способность языка к уподоблению, изобразительности. «Прагматисты» и «аналитики дискурса» изучают использование языка в его контекстах. Эти подходы варьируются от высоко-теоретических (high-level) герменевтических исследований «социальных прагматистов» до «низкоуровневых» (low-level) когнитивных исследований восприятия. С точки зрения общей семиотики, естественные языки интегрируют все эти уровни значения в своих звуко-укорененных (sound-based) знаковых композициях: структура предложений и высказываний есть совместный продукт словесных знаков, основанных на падеже *синтаксических паттернов* и многоуровневой *семантической структуры*, поддерживающей глобальные дискурсные значения, т.е. нарративные последовательно-

сти, так же, как и локальные метафоры и даже чистые проявления схем наподобие логических связей.

Новый, основанный на семиотике, лингвистический подход, соединяющий над пропастью берега когнитивного и дискурсивного (=семантического и прагматического) анализа, называется динамической семиотикой. В ее рамках также делается акцент на анализе субъективности, феноменологическом *Я*, психологическом и философском аспектах, и принято считать, что теоретическая семиотика является *естественной наукой,* хотя ее эмпирический задел покрывает и домен гуманитарных, и социальных наук, включая литературу и искусство, религию и право.

Натуралистический реализм динамической семиотики в этой версии делает из нее «строгую» науку о «нестрогих» фактах. Пэр Ааге Брандт отмечает, что в этом нет противоречия, но есть вызов. Существует целая международная программа развития междисциплинарных исследований в русле динамической семиотики. Ее главная задача – теоретическая *когерентность* между гипотезами и моделями, выработанными в разных частях семиотики.

Мы видим, что философская линия, пролегающая через разнообразные семиотические объекты, выдерживает то общее направление мысли, согласно которому язык есть наиболее достоверная реальность, и никакого другого поддающегося теоретическому объяснению человеческого бытия просто не существует. Интересно, что и постструктурализм, вырастающий из структурализма, вероятно, под влиянием натиска экзистенциализма на позитивизм, удерживает эту идею. После Хайдеггера трюизмом стало представление о языке как доме бытия и подлинном месте пребывания человека. В трактовке речемыслительной динамики Хайдеггер делает акцент на необходимости, известной «непреодолимости» *выражения.* Коль скоро нечто понято, «вскрыто», «высветлено», оно необходи-

мым образом выражает себя в словах. Бытие ищет слова[1]. После Деррида, «философа-от-лингвистики», восстановилось суждение о языке как социальном институте и средстве межиндивидуального общения, как идеального представления о правилах грамматики, произносительных нормах, под инварианты которых подстраиваются вариативные исполнения (аллофоны), иначе носители и исполнители речи просто не поняли бы друг друга. Однако это вовсе не восстановление старого тезиса о единстве языка и сознания, их социальной природе, необходимом возникновении, удовлетворяющем потребность людей в общении. У Деррида с его концепцией «плавающего означающего» (общей у него с Ж. Лаканом, другими постмодернистами) возобладал полнейший конвенционализм.

Вообще в постмодернистской парадигме, резко противопоставившей письменный язык устной речи, принято считать, что говорящий субъект предается иллюзиям. Иллюзии автономности своего сознания, иллюзии суверенности своего *Я*, иллюзии их независимости и самоценности, а главное, – ложным представлениям о естественной связи означающего и означаемого (вопрос, как мы знаем, поставленный еще в античной философии: произошел ли язык «по природе», *physei*, или «по установлению», *thesei*). Последнее для постмодернистов абсолютно неприемлемо. Устная речь, полагают они, слишком тесно связана с действительностью, слишком безусловна. Графика гораздо искреннее проявляет свою условность и позволяет разбить иллюзию связи акустических образов слов со смыслами, тем более – с самими обозначаемыми предметами. Деррида концепция письма «построена скорее на негативном пафосе отталкивания от противного,

[1] См. об этом подробнее: Портнов А. Н. Язык и сознание: основные парадигмы исследования проблемы в философии XIX–XX вв. – Иваново, 1994. С. 125.

чем на утверждении какого-либо позитивного положения, и связана с пониманием письма как социального института, функционирование которого насквозь пронизано принципом дополнительности»[1].

Так или иначе, для наших рассуждений главное, что на сегодняшний день во многих влиятельных философских парадигмах возобладал взгляд на язык как на систему знаков, условно связанных с мыслью; а в тех, где этой связи, как и самому языку, придается иная, неконвенциональная природа (как у Хайдеггера, который онтологизирует язык), остается неясным, в силу каких качеств способен язык выражать бытие, уподобляться ему или *быть* им.

Если язык только условен, то никакая лингвоэтнологическая и лингвострановедческая цель не может быть достигнута *в сущности*, потому что она слишком легко может быть достигнута *поверхностно*: «плавающие означающие» достаточно временно наделить тем же смыслом, какой, «под честное слово», вкладывают в эти знаки естественные носители данного языка. Такая процедура даст нам, в одной мере, произвольную конструкцию знака и значения, в другой мере, эта конструкция будет неоправданно жесткой, поскольку однозначной. Без дальнейших исследований ясно, что таким способом нам не добраться до глубин национального характера, специфики истории данной страны, нюансов психики, шедевров культуры, ибо культура всегда – полифоническая и многослойная метафора. Богатейшая прагматика и «энигматика» любого этнического языка, кстати говоря, свела на нет позитивистскую надежду всеобщего перехода на один и тот же язык в глобальном масштабе. Коротко можно сказать, что если язык *только* условен, то это искусственный язык.

---

[1] Ильин И. Постструктурализм, деконструктивизм, постмодернизм. М.: Интрада, 1996. – С. 36.

Если встать на позицию метафизики Хайдеггера, усмотрев в языке больше, чем коммуникативную систему условных знаков, а именно – само человеческое *бытие*, если принять его представление, согласно которому не человек использует язык, но, напротив, *язык* говорит посредством человека, и притом говорит *сам с собой* – тогда, конечно, философский статус естественного разговорного человеческого языка поднимается до статуса сына *того* Логоса-Слова. Следствием принятия этой мировоззренческой позиции будет восстановление в правах теологических концепций языка, и мы должны будем, наконец, признать приоритет богословия перед наукой.

Если пойти путем «отца семиотики» Ф. де Соссюра, который, как известно, признавал в целом немотивированный, *знаковый* характер языка, но в частности, подчеркивал, что в реальности каждый знак обусловлен, *мотивирован* «лингвистической непрерывностью своего употребления», – мы, во-первых, просто-напросто возвращаемся к решениям, данным еще Платоном в IV в. до н.э. (в диалогах «Кратил», «Менон» и др.), согласно которым в целом языковые знаки имеют природу конвенций, но самые первые из них, к которым сводятся все остальные, были даны когда-то специальными мудрыми людьми, «номотетиками», и даны в соответствии с природой обозначаемых вещей и по совету божества. Во-вторых, и это важнее, мы по-прежнему не будем знать, какие именно качества языка позволяют ему, будучи «непрозрачным для значения» и вместе с тем знаковым, быть формой человеческой жизни, выражать бытие *непринужденно,* естественным, натуральным образом.

Мы предлагаем следующее объяснение указанной способности, каковая лежит в основе всех трех важнейших социальных функций языка: когнитивной, коммуникативной, модальной.

Природа естественного разговорного человеческого языка – образная. Не знаковая, а *образная,* родственная у него с природой сознания, глубочайше обусловливающая их взаимосвязь. Язык и сознание глубоко *конгруэнтны* действительности. Лишь на очень продвинутых исторических этапах обнаружилось отличие образов сознания от языковых единиц: образ связан со своим объектом не одной лишь условной, но *всеми видами связей*, важнейшая из которых – каузальная; образ – представитель своего оригинала. Знаки языка же культивировались как конвенции, *ре-презентанты,* что в последнюю эпоху усилилось появлением громадного числа искусственных кодов и других знаковых систем.

Слишком очевидно, что отдельные слова и выражения языка, за исключением некоторых звукоподражательных комплексов, отдельных выкриков и междометий, не имеют никакого «сходства» с обозначаемыми ими предметами и явлениями, следовательно, нет и критериев такого «сходства». Дело усугубляется, когда речь идет не о тех словах и выражениях, которыми обозначаются конкретные предметы или явления, но о тех, которые выражают абстракции высоких порядков.

Дальнейшие разъяснения должны были бы идти двумя путями:

1) надо показать содержательность и многозначность понятий «сходство», «подобие», «морфизм» в целом, для того, чтобы отличить, какой именно вид сходства преобладает в каждом конкретном акте семиозиса или случае употребления языка;

2) надо раскрыть, в чем именно состоит образность языковой системы знаков. В рамках настоящей статьи, однако, мы сконцентрируемся лишь на втором пункте.

Образ (в частности, познавательный образ) обладает, во-первых, такой имманентной характеристикой как объ-

ективированность, и во-вторых, такой, как подобие своему объекту. Знаки могут относиться к мнимым вещам и могут не иметь сходства с теми реальными вещами, которые они обозначают. В таком случае мы говорим о «чисто условных» знаках.

Однако знаки естественного разговорного человеческого языка, связанные системными (кстати, и бессистемными) отношениями, *взятые в целом,* не являются одним огромным условным знаком действительности. Думается, можно утверждать, что две основных структурных единицы языка – имя и глагол – являются теми координатными осями, которые, внося порядок в языковые отношения, одновременно являются условиями всякого жизненного опыта (во всяком случае, современного) человека и топокартой, почти геометрической, хотя и не в смысле Евклида, основой *образной* сущности языка, основой его *образности.* Имя и глагол отображают покой и движение, пространственное место для сущности и время ее пребывания, эссенцию и экзистенцию, состояние и действие. Эти бинарные оппозиции можно продолжать перечислять; необходимо, однако, подчеркнуть, что, схватывая и обозначая важнейшие координаты бытия, язык одновременно смог развить в себе способность на высшем возможном уровне *изображать* это бытие.

Этот уровень не единственный; развитые современные этнические языки сохраняют черты архаического реагирования *immedia*, которое присуще сигнальным знаковым ситуациям в мире животных. Однако для наших дальнейших рассуждений важнее другое: еще с античности в европейской гуманитарной науке стало непреложным понимание сущности (*бытие*, вещь, предмет), *понятия* о сущности и *имени* сущности в качестве триады, или триединого комплекса, – а в нашем веке, в особенности после трудов М. Хайдеггера, эта триада вообще предстала как не-

делимая. Понимая человека как «*здесь-и-теперь-бытие*», или «*вот-бытие*» (Dasein), считая язык «домом Бытия», истину – «просветом Бытия» и т. д., Хайдеггер совершает синтез трех доменов – объективного, человеческого – понимающего присутствия, и единственного адекватного места мышления и упомянутого понимающего присутствия, каковым является язык.

Здесь необходимо вспомнить и привлечь к рассуждениям важную работу Аристотеля «Категории». Известно, что Аристотель первым предоставил в распоряжение европейской науки и философии свод предельных универсальных понятий, дальше которых мышление просто не идет, и которые являются высшими родами для всех остальных представлений, понятий, мыслей человека. Этих высших универсальных представлений десять; на первом месте стоит сущность, далее идут ее акциденции: количество, качество, отношение, место, время и др. Вторая глава «Категорий» открывается анализом сущности как того, что может существовать без поддержки, не опираясь ни на что, кроме себя. Сущность – логическое подлежащее, то, что составляет предмет мысли. Признаки этой сущности, о наличии или отсутствии которых мы выносим суждение, – это логический предикат. Вне субъект-предикатной структуры мы ничего не можем утверждать или отрицать, стало быть, вне ее не может быть ни истины, ни лжи. Первый вид сущности – единичное; оно обозначается *именем.* Второй вид сущности – общее; слова для обозначения общего в принципе тоже называются именами. Так с подачи Аристотеля логика оказалась имманентно объединенной с лингвистикой, а обе они вместе подчинили себе вещь «как таковую», внесли обозначенную словом родовую сущность (категорию) в эту вещь. Это одно из самых сложных мест у Аристотеля, суть расхождения его учения с философией его учителя. Самому

Аристотелю это дало возможность поместить сущность вещи в саму вещь, а не вне ее, как это было в учении Платона (вечные идеи, прообразы материальных вещей, живут у него в Гипер-урании, месте вне мира). Для нас же это важно в следующем отношении.

Выше мы говорили о том, что не в частностях, но на уровне *структуры, формы в целом* язык изображает упорядоченность бытия. Сопоставим теперь в единую таблицу самые известные категории, не только те, с которыми работал Аристотель, но и те, которые пришли в логику и теорию познания трудами средневековых схоластов, Канта, Гегеля, современных философов. Выдержим избранный признак: категории, выражающие покой, устойчивость, и категории, выражающие движение (имя – глагол). Расположим, сколько возможно, их в бинарные оппозиции.

пространство	время
общее	единичное
необходимость	случайность
качество	количество
действительность	возможность
форма	содержание
сущность	явление

Вырисовывается интересная зависимость. Для обыденного, – или даже научного, но не философского сознания, – такие понятия как, скажем, качество, общее, форма и сущность не являются выражением сколько-нибудь родственных идей. Форму такое сознание понимает как внешнее, содержание – как внутреннее; для него естественнее счесть синонимом содержания сущность, а не явление (как в нашей таблице), поскольку явление – также внешнее, и т.д. Мы высказываем здесь следующую мысль: если таблица будет достаточно репрезентативной, то бу-

дет заметно, что в некоторых *точках оборачивания* человеческое сознание переходит с левой стороны таблицы на правую и обратно, «закручивая» линейный столбец в *спираль* наподобие широкого штопора. Мы убеждены, что таков механизм, позволяющий сознанию переходить от *линейного*, искусственного расположения и изложения наших мыслей, как это происходит в рамках формальной логики при построении полисиллогизмов, к спиралевидным ходам мысли, которые, накладываясь друг на друга и перекрещиваясь, образуют, в конечном итоге, *сферу знания.* Именно поэтому категории определяются не обычным путем – через род и видовое отличие, но *друг через друга* и все вместе. Это единственная возможность для сознания стать подобием бытия, а не его простым хирургическим *томированием*.

Процедура «закручивания» сетей категорий, сопровождаемая своеобразной «переменой знака», напоминает путешествие по знаменитой ленте Мёбиуса – односторонней плоскости. Поэтому мы предлагаем для оперантных целей называть это явление и самую способность сознания переходить от линейного к (условно) сферическому – *мёбиальностью.* Этот искусственный термин мы принимаем за неимением лучшего и не настаиваем на нем абсолютным образом. Однако это все же новое и, возможно, полезное понимание морфизма языка в смысле изображения бытия.

Впервые опубликовано в:
Лингво-страноведческий аспект
преподавания иностранных языков.
Вып. 3. Казань: КГПУ. 1999. – С. 88–97

ФИЛОСОФСКАЯ ОЦЕНКА КОММУНИКАТИВНОГО АКТА: “ТРЕТЬЯ НАВИГАЦИЯ”

Будем исходить из следующих предпосылок.

1. Не всякое (рас)суждение является подлинно познанием (И. Кант). В подлинном суждении (высказывании) грамматическое и реальное подлежащее совпадают безусловно (Аристотель). Кроме того, в подлинном суждении должно присутствовать новое знание.

2. Неподлинное познание в основном является таковым по причине отсутствия в (рас)суждении объективно нового знания.

3. Ситуации обретения нового редки, и субъективно новое знание несоизмеримо объемнее, нежели объективно новое.

4. Обретение субъективно новой информации все же моделирует подлинное познание.

5. Передачу субъективно новой информации будем считать коммуникативным актом *par exellence*.

6. Распространен обмен подобной информацией; результатом такого диалога или «полилога» нельзя считать подлинное познание (информирование). Исключение составляет познавательный диалог (т. наз. «сократический»).

7. Коммуникативный максимум, т. наз. общая беседа (*small talk*), достигается всегда за счет понижения интеллектуального уровня всех участников.

8. Коммуникативный максимум есть когнитивный (подлинно познавательный) минимум.

9. Когнитивный максимум есть “умный экстаз”, молчание, выход из общепринятой системы знаков (А. Ф. Лосев.).

10. Речевое общение есть вид коммуникативного действия (взаимодействия).

О «навигации». Термин был использован Платоном в диалогах «Федон» и др. как аналогия подлинного познания. В античной Греции плавание при попутном ветре под парусами называлось «первой навигацией», а в отсутствии ветра, собственными усилиями гребцов – «второй навигацией». С точки зрения Платона, философы физиса (в нашей терминологии, материалисты), изучая объект, занимались легким делом, «первой навигацией», в то время как сам он, Платон, открыл «вторую навигацию» – поиск умопостигаемых сущностей, эйдосов, находящихся вне поля наблюдения и недоступных органам чувств. Это метафизический мир, объект философского познания, требующего колоссальных усилий и, так сказать, «особых глаз». Собственно, до Платона эту навигацию совершил Парменид и его школа.

Итак, «первая навигация» – занятие ученых-естествоиспытателей. Интенция (напряжение и направление) такой навигации – «на объект». Главный метод – наблюдение (много позже – эксперимент и моделирование). Это акт познания при помощи органов чувств. Цель – истинное знание об объекте (явлении). Ключевые слова: восприятие, опыт.

«Вторая навигация» – занятие метафизиков, философов. Интенция – также на объект, хотя и идеальный. (Я склонна говорить «внутрь объекта», к его невидимой сущности-«душе». Но это не меняет объективной интенции обеих навигаций). Главный метод – абстрагирование, анализ, интеллектуальное созерцание. Это акт познания при помощи умозрения. Цель – истинное знание о сущности, схватывание эйдоса, абсолюта. Ключевые слова: разум, подлинное бытие, истина. Телосом (целью, завершением, «телом», результатом) «первой навигации», по мое-

му мнению, является феномен, целью «второй» – нет, не ноумен, ведь он есть «вещь-в-себе»; телосом «второй навигации» является эйдос, считал Платон… нет, и не эйдос, а философская категория, универсалия.

Обе «навигации» – познавательные акты, происходящие, однако, за исключением «сократического диалога», в ситуации интеллектуального одиночества. Системы знаков, используемые для поиска и фиксации его промежуточных и окончательных результатов, имеют характер of private language. (Though no language is private… See further).

Надо сказать справедливости ради, что «вторая навигация» не есть уже плавание: метафора здесь должна быть другая. Скорее это воспарение, вертикальный взлет, *Himmelmann* (фигура высшего пилотажа). Такое движение к понятиям высшей ступени абстракции я называю сигнификационным лифтом, а способ сублимации универсалии, освобождения ее ото всего феноменального – пресциссией.

Однако лифт, как известно, может двигаться и вниз. После достижения всякой мыслимой высоты любое другое движение будет снижением, кроме движения по поверхности этого небесного глобуса, т.е., от одной универсалии к другой. Такое перемещение дает нам сеть, или систему, категорий, универсальный философский язык… Однако сейчас не об этом. Рассмотрим ситуацию коммуникативного акта, которую я предлагаю назвать «третьей навигацией».

«Третья навигация» – поиск понимания, попытка найти общий язык с другими, притом не только собственно в локутивном, но и в иллокутивном, и перлокутивном акте. Интенция – *на субъект.* Главный метод – карнегианский или бахтианский ***диалог,*** сближение мнений, умиротворение, аппроксимация. Ключевыми словами такого диалога являются понимание, встреча, единомыслие, кор-

поративность и коллективность, соборность и коммюнальность и т.п. Субъектам нужен консенсус. Цель – наладить *общее дело на основе взаимопонимания.*

Задачи, которые необходимо решить для достижения этой цели, суть таковы. Во-первых, необходимо придать обсуждаемому явлению или объекту нужный смысл, повернув объект, который принципиально бесконечен, релевантными сторонами. В ходе обсуждения “отсекаются” многоразличные варианты, нюансы этого смысла и в конце концов устанавливается общеприемлемый его инвариант. На основе достигнутого согласия затем налаживаются межличностные контакты, и наконец, «запускается» общее дело. Взаимодействие субъектов в принципе первично по отношению к речевой коммуникации; оно вместе с тем является ее естественным продолжением на новой основе. Как в целом практика для познания, так «общежитие» и интерактивность субъектов по отношению к речевому действию являются и альфой, и одновременно омегой, то есть и антецедентом (предпосылкой, основанием), и консеквентом (следствием, действием). Следует помнить, что этимологически слово “conversation”, т.е. «разговор», «беседа» означает ничто иное как «совместное житие».

В ходе «третьей навигации» универсум распадается на отдельные «миры» или картины мира, зависящие от общепризнанности в данном социуме факта существования некоторых (биопсихосоцио)релевантных явлений. Избирательным организующим принципом может служить и служит этнический язык, традиция, норма и запрет и т.д., словом, всевозможные социокультурные детерминанты, от мировоззрения в целом до эстетических предпочтений. В коммуникативном акте «третьей навигации» понятие объективности оттесняется понятием интерсубъективности, истина – искренностью, абсолютное – относитель-

ным, категория – смыслом, познание – пониманием, семантика – прагматикой. В ходе коммуникации грамматическое и реальное подлежащее, говоря словами Аристотеля, не совпадают безусловно. Грамматическое подлежащее может и замещать реальное. Понимание в таком случае не есть способ подлинного познания, это есть способ бытия. Это рассказанное бытие. Объект как таковой отодвигается за скобки или экранируется. «Третья навигация» может смешивать сакральное с профанным, это хоровод практик и техник, хор мнений и ансамбль впечатлений, и преобладающим мотивом является мотив интереса или пользы.

В теории речевой коммуникации учтена коренная зависимость локутивного акта, т.е. собственно содержания сообщения, от иллокутивного акта, имеющего неязыковую природу. Универсальной прагматикой выделяются следующие модусы коммуникации: когнитивный, интеракционный и экспрессивный; при этом тематизируются соответственно: пропозициональное содержание, интерперсональное отношение, намерение говорящего; тематизация определяется следующими притязаниями на значимость: истина, правильность, искренность.

Универсальная прагматика позволяет прояснить рациональные основания иллокутивной силы, которую Дж. Остин и Дж. Серл анализируют таким образом, что связывают ее с удачей или неуспехом речевого акта.

> «В конечном счете говорящий может иллокутивно воздействовать на слушателя, и последний, в свою очередь, на говорящего потому, что типичные для речевого действия обязательства связаны с когнитивными и доступными проверке притязаниями на значимость, т.е. потому, что взаимные обязательства имеют рациональную основу» (Ю. Хабермас).

Когнитивное притязание на истинность уступает место в акте коммуникации желанию быть понятым. Противоположность интенции коммуникативного акта по отношению к нацеленности «первой» и «второй навигации» на сам объект в ходе гносеологической робинзонады сказывается в том, что коммуниканты добиваются непротиворечивой нормативной встроенности обсуждаемого в систему уже имеющихся смыслов. Она, кстати говоря, может быть в полной мере виртуальной, художественной, фантастической, обманчивой и ложной и т. п., то есть в такой системе не только феноменальная сторона скрывает, экранирует эйдос, тем более непознаваемый ноумен (кантианскую вещь-в-себе), но и в самом феномене явление может представать как кажимость. (Великолепные примеры такой «навигации» – перформанс Остапа Бендера или Крысы из нержавеющей стали, описание вымышленной до зубов вооруженной и опасной политической силы, реакция на которую вполне реальна и релевантна).

Нормативное притязание на значимость остается имплицитным в когнитивных речевых актах, в которых эксплицитно выражено притязание на истину.

Эквивалент истинности пропозиции и правильности (уместности) межличностного контакта – это, как уже было указано, искренность, с которой коммуниканты выражают свои намерения. Эквивалент ложности пропозиции – искренность со знаком минус, то есть обман. Между обманом и ложью есть серьезное онтологическое различие, однако это не является специальным предметом данного обсуждения. Но в заключение стоит остановиться на разновидных моделях «третьей навигации».

Таковыми, несомненно, являются общая беседа в стиле “small talk”, диспут, дискуссия и полемика, PR-технологии, педагогическая воспитательная ситуация, художественный текст, рассматриваемый как продолжи-

тельная ремарка диалога, любое сотрудничество. Прагматика как часть семиотики имеет своим предметом отношение знаково-символических систем к человеку, а это область практически бесконечного. Обратим, однако, внимание на то, что в последней трети XX века (и это перейдет минимум на первую треть нового века) в европейском сознании и культуре возобладала парадигма постмодернизма, провозгласившая торжество наук о духе (в нашей терминологии, гуманитарных) над науками о природе. Аксиомой этой парадигмы, выросшей из литературной критики, является (кантианское) отторжение претензий наук о природе на их привилегию обладания подлинным объективно-истинным знанием объекта и провозглашение непроницаемости щита культуры, помещенного между субъектом и объектом. В свете настоящего сообщения эта аксиома предстает абсолютизацией «третьей навигации» в ущерб первым двум. Сегодня крайне немодно понятие абсолютной истины. Такое положение открыто для философской критики.

Прежде всего, комична сама абсолютизация, ведь постмодернизм решительно против всех и всяких абсолютов. Далее. В пользу торжества наук о духе следует сказать, что оно, по крайней мере, для гуманитариев, является долгожданным, поскольку речь идет о внутреннем мире, душе человека. Вместе с тем оно объявлено преждевременно.

Правда, в отличие от наук о природе, науки о духе, как и требует того философия, познают «подобное подобным». Поэтому сомнительна ранее провозглашенная строгость, точность и плодотворность методов естествознания, а значит, непререкаемость его выводов, по сравнению с «нестрогими, неточными и субъективными, то есть произвольными способами познания», применяемыми гуманитариями, что, как кажется поборникам *так* понятой стро-

гости, грозит потерей истины. Но постмодернистская потеря, а в худшем случае и отмена объективности и объекта привела и к гибели субъекта, когда нельзя принимать на веру ни позицию автора текста, ни мнение первого или последнего читателя, ни самый текст, поскольку дискурс растворился в интерпретациях. Постомодернистский подход делает историю сказками Шахразады, межкультурную коммуникацию игрой, а любую культуру – лишь карнавалом. Это интересно, иногда восхитительно интересно, но *homo ludens*, по догадкам и прозрениям самих «классиков постмодерна», например, Дж. Ваттимо, вскорости возжаждет созерцательного отдыха и труда. Его ждут. Объекты природы и культуры ждут интеллектуалов, универсалии ждут философов.

Впервые опубликовано в:
Теория перевода. Межкульт. Комм-ция.
Сопоставит. лингвистика.
М-лы I Междунар. науч. конф.
МГУ-КГУ. – М.: 2003. – С. 300–305

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ИСКУССТВЕННОЕ СЛАБОУМИЕ

Аннотация. Средства массовой информации сообщили 8 сентября 2022 года о кончине королевы Великобритании. Елизавета II умерла в возрасте 96 лет в своем любимом замке, в Шотландии. Более 70 лет царствования сделало ее самым долгоправящим и старейшим главой государства в мире.

Если пользователь, заинтересовавшийся жизнью Королевы, проведет несколько часов или дней, запрашивая соответствующую информацию, ему гарантирован десегментированный «фильтровочный пузырь». Искусственный интеллект, отслеживая тематику запросов, сузит круг

предоставляемых тем до предела, тем самым отсекая информацию более животрепещущую, масштабную или диверсифицированную, или, по крайней мере, другие важные смысловые поля сегодняшнего дня; например, замедление ю-тьюб.

Эта капсула истощенной реальности, создаваемая программами искусственного интеллекта, стала не просто техническим просчетом или психологическим неудобством, но философской проблемой. «Пузырь фильтра» обрекает пользователя на гносеологическое одиночество человека, замкнутого в кругу одних и тех же познавательных интересов, отобранных алгоритмами социальных сетей; это эпическое одиночество может перерасти в морально-психологическое. Могут возникнуть и политическая неадекватность, и неврастения, если по случайности или намеренно, – это не очень важно, – человек когда-то проявил выраженное внимание к войнам, эпидемиям, катастрофам, теориям заговора и т.д. Речь идет в таком случае об утрате критического мышления.

Ключевые слова: искусственный интеллект; «фильтровочные пузыри»; одиночество; виртуальная реальность; критическое мышление

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS ARTIFICIAL DEMENTIA

Abstract. The death of the Queen of Great Britain was announced by media on September 8, 2022. Elizabeth II deceased at the age of 96 in her beloved castle in Scotland. More than 70 years of reign made her the longest-reigning and oldest head of state in the world.

If a user interested in the life of the Queen spends several hours or days requesting relevant information, s/he is guaranteed a desegmented “filter bubble”.

Artificial intelligence, tracking the topics of requests, will narrow the range of issues provided to the limit, thereby cutting off information that is more pressing, large-scale or diversified, or at least it might be some other important semantic field of today; for example, slowing down of YouTube.

This capsule of debilitated reality created by artificial intelligence has become not just a technical miscalculation or psychological inconvenience, but a philosophical problem. The “filter bubble” condemns the user to the epistemological loneliness of a person locked in a circle of the same cognitive interests selected by the algorithms of social networks; such epic loneliness can develop into a moral and psychological one. It may develop political inadequacy and neuroses if, by accident or intentionally – it is not very important here – the person once showed a pronounced attention to wars, epidemics, catastrophes, conspiracy theories, etc. In this case, we are talking about the loss of critical thinking.

Keywords: artificial intelligence; “filter bubbles”; loneliness; virtual reality; critical thinking

ВВЕДЕНИЕ

Личный пример.

Два года назад я следила за новостями о состоянии здоровья Елизаветы II, оставшейся в истории не только по причине долгой жизни, но и благодаря личной мудрости и доблести. Это была не вымышленная королева из полюбившихся народу фэнтэзи (что лишний раз свидетельствует в пользу понимания современности как Нового Среднего века) и не кукла на троне; и не просто кандидат-от-инфантерии или -от-кавалерии, пробившийся к выборной власти на 4-8-16 и т.д. лет. Елизавета II – сильный, деятельный, любимый своим народом правитель, и просто достойнейшая женщина. Я несколько дней выбирала в

«паутине» информацию о её долгой, драматичной и великой жизни, о её кончине, этом горестном и одновременно величественном событии, восхищаясь – не монархией, конечно, но – монархом.

В итоге потом почти два года «паутина» неукоснительно подкидывала мне информацию только двух видов: о том, что такой-то, а также такой-то и такая-то умерли, скончались, ушли из жизни, погибли естественной, неестественной или сверхъестественной смертью – и о том, как себя чувствуют король Карл III, бедняжка принцесса Уэльская Кейт Миддлтон, а также как праздновались торжественные события Империи, то бишь Содружества, вроде парада в честь официального дня рождения короля Карла III и дней рождения принцев и принцессы или – для разнообразия – о мужском турнире Уимблдон.

Это, говоря по-русски, смешно и грешно. Самым ошеломительным тэгом для меня стали социометрические сведения об университетском сотруднике AD Scientific Index 2024 (статистика цитирования – 43 на прошлый год, индекс Хирша 2 и проч.), предложенные именно сейчас, в августе с.г. Не буду называть имя и вуз, но это был мой сын; он погиб и похоронен шесть лет назад.

Могу себе представить, что получают и переживают ежедневно юзеры, озабоченные болезнями внутренних органов, пороза суставов, лихорадкой школьных реформ или картой успехов СВО. Так называемый искусственный интеллект, то есть алгоритмы, подбирающие информационные тэги по вкусу читателя/слушателя/зрителя, не просто сузит или ограничит доступ к панораме более обширных и, простите, более значимых сведений, чем ревматоидный артрит или лихорадка Западного Нила. Либо даже чем очередная купа вконец проворовавшихся чиновников – заметим, всегда экс- или вице-. (Никогда не наличных, во всей полноте власти и ответственности). Или, до-

пускаю, кто-то мимовольно загляделся на рекламную сценку сомнительного вкуса. Или...

Во что стала превращаться его/её жизнь?

Надо ли удивляться, что население наше, несколько лет идя одновременно в две разные стороны, становится оглушенным и вместе с тем агрессивным, отворачиваясь от этических – и экономических, кстати говоря! – ценностей международного сотрудничества с наиболее развитыми странами. То, что задумывалось как развлекательно-полезное, а именно, услужливое предложение топиков «по вашим интересам», призванное стать навигатором в океане информации, прежде всего цифровой, обнаружило свою изнанку. Генеративный ИИ доказал свою эффективность во многих сферах; однако алгоритмы соответствующих программ не всегда помогают. Опыт, внедренный в сознание при помощи «фильтровочных пузырей», имеет мягкорисующие последствия для публики, не подозревающей ничего плохого от втягивания в «воронки» интересов.

Эта проблема стала не просто технической, технологической или психологической; она заинтересовала философов.

МЕТОДОЛОГИЯ

Целью данной статьи является рассмотрение различных форм и способов инкапсулирования интересов пользователей при помощи селекции задаваемых в социальных сетях запросов на информацию и фиксации основной тематики.

В практическом аспекте важен выход за формат гносеологии – к этике и социальной философии.

В статье использованы логические методы: анализа и синтеза, индукции и дедукции, «восхождения от конкретного к абстрактному»; психологический инсайт; case-study (метод «кейсов»); а также диалектический способ рассмотрения позитивных и негативных сторон одного явле-

ния. В целом это философское эссе выстраивается вокруг специального номера журнала Springer, № 37, опубликованного летом текущего года, посвященного проблемам искусственного интеллекта. https://link.springer.com/article/10.1007/s13347-024-00768-2

В особенности заинтересовали два автора: итальянский философ Эрмелинда Родилоссо, Рим, университет Universita degli Studi di Roma Tor Vergata [1], и отечественный философ Артур Каримов (Казань, Иннополис) [2].

ОБСУЖДЕНИЕ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Полагаю, анализировать последствия новейшей технологической революции нужно согласно требованиям диалектического метода: 1) в развитии; 2) всесторонне (по крайней мере с двух противоположных сторон); 3) помня о конкретности истины и 4) применяя практический определитель «связи предмета с тем, что нужно человеку».

Заметим, что эта революция подчиняется закону перехода количественных изменений в качественные: чем больше пользователей, чем выше «цифровое цунами», тем радикальнее общественные перемены.

Пользователи социальных сетей – а их ныне едва ли не пять миллиардов, – очень серьезная аудитория, в смысле трудности анализа. Нечто обобщающее все-таки можно заявить с самого начала: согласно обзору Digital 2024 Overview [3], по крайней мере треть пользователей основной причиной, по которой они подолгу остаются на этих платформах, называют «чтение новостей» [2, п. 2]. Относительно меньшая часть использует помощь искусственного интеллекта в профессиональных целях. Прекрасный пример незаменимой помощи ученому – это признание высокого статуса электронных журналов; назову только те, с которыми тесно сотрудничаю – «Журнал фронтирных исследований» и «Галактика-медиа» (Galactica Media:

Journal of Media Studies). Оба в кратчайший срок вошли в российские и международные базы данных.

Пребывание в виртуальной реальности, и это касается не только компьютерных игр и VR-контроллеров, аугментирующих действительность, также можно диалектически оценивать как позитивное и негативное, зачастую даже одновременно. В качестве примеров, заслуживающих безусловной позитивной оценки – успешные тренировочные заезды и полеты, производимые виртуально (фильм «Гран Туризмо», США, Япония: 2023; соревнования VPC Shadow's Trophy Tournament на тренажерных вертолетах [4], и мн. др.), а затем объективно-реально.

С другой стороны – достаточно вспомнить откровенный провал системы ЕГЭ, обрушивший советскую систему образования и приведший и приводящий в вузы, по оценкам практически всех учителей, малограмотных выпускников школ; это жертвы молчаливых компьютерных тестов, проводимых вместо живых бесед и комментируемых сочинений. Сие в высокой мере относится и к студентам. Новый пример. На Международном Кантовском конгрессе, проходившем в Калининграде в конце апреля 2024 года, выступая с приветственной речью на Пленарном заседании, ректор ВШЭ сказал, что разрешает своим студентам (частично) использовать ChatGPT, который, меняя способ работы, помогает искать и структурировать информацию. Это не значит, что дипломника ВШЭ скрупулезно не расспрашивают на защите выпускной квалификационной работы на предмет владения своим и Джипи-ти интеллектуальным продуктом. Но пример показателен. А система «Антиплагиат-вуз» опубликовала 23 июля с.г. такие данные: каждая пятая работа российских студентов имеет следы ИИ.

Было бы слишком просто обойтись сегодня замечанием, что есть светлая и темная сторона у цифровых техно-

логий [5]. Рассуждения о вездесущих киборгах, которых пророчит нам будущее, зачастую распадаются на апологию «света» и критику «тени» трансгуманизма и постгуманизма, соответственно; но, может быть, важнее сегодняшний день. Возвращаясь к нашей непосредственной теме – «Тень» уже надвинулась.

Если существует фильтрационный пузырь, вводящий пользователя в состояние интеллектуального (гносеологического) одиночества, то он вызывает или уже вызвал – или вызовет – и более грозное одиночество, психологическое, идеологическое и общемировоззренческое. Обыденная жизнь не выдерживает сравнения с VR-вселенной; последняя обеспечивает непревзойденный опыт, «предлагая впечатляющие визуальные эффекты, которые превосходят реальность» [6]. В итоге у пользователя быстро развивается видеоаддикция и ощущение неполноценности, незаполненности собственного бытия.

Представляется, что образовательные интернет-технологии, как и домашнее обучение, препятствуют социализации – хотя на этот счет существуют и оптимистические воззрения [7].

Возможная эпистемическая изоляция может привести к политической радикализации, пишет Эрмелинда Родилоссо. «...Наш опыт в социальных сетях может быть настолько повторяющимся и самоподтверждающим, что он способствует развитию эпистемических пузырей: у нас нет доступа ко всем необходимым нам данным, а есть только к тем, которые соответствуют нашим интересам» [1]. Постоянно, но почти неощутимо испытывая воздействие специально отобранных сведений в «паутине», пользователи могут соответственно менять или заново формулировать свои убеждения и ощущать «аларм и полундру», что может привести (некоторых из них) к экстремизму и радикальным действиям. Достаточно вспом-

нить, что «оранжевые» и «розовые» революции были организованы именно в социальных сетях.

«Гиперчувствительный» пользователь, по сути, так же вреден для либерального государства, как и «анестезированный» пользователь, описанный в статье Родилоссо. Оба искусственно оторваны (информационно и эмоционально) от реальных проблем нашего общества из-за того, что заперты в своих личных пузырях фильтров» [2, п. 2]

Предвзятость и субъективность оценки существовали давно; существовали всегда. Если можно ещё говорить о пластичности ума ребёнка или подростка, то сформировавшийся взрослый всегда упорно отстаивает сложившиеся убеждения и поначалу приветствует помощь компьютера, каждый день подтверждающего его взгляды. Однако ныне алгоритм, созданный ИИ, призванный «наводить бинокль» данного пользователя на актуальнейшую (для него) информацию, отсеивает все, что не считает отвечающим потребностям своего юзера, из его поля зрения. «...Огромный объем данных, к которым мы можем получить доступ, строго фильтруется в соответствии с нашими интересами и наклонностями. ...Все, что не совпадает с этими интересами, отсекается», – пишет Э. Родилоссо [1, Введение]. «Строгие алгоритмы рекомендательных систем создают для нас своего рода повторяющийся опыт, который не допускает случайных событий – нас кормят одним и тем же типом контента, который удовлетворяет нашим наклонностям. Пузырь личной информации, который создается для нас алгоритмами ИИ, стабилен и предсказуем», – указывает А. Каримов [2, п. 1].

Возникает антиномия-проблема. В сети вы окружены множеством собеседников, интервьюеров и экспертов, получаете огромное количество сведений и т.д., то есть, сидя в удобном кресле у себя дома, вы вроде бы максимально социализированы. Но «...избирательное управле-

ние большими данными с помощью определенных алгоритмов порождает парадокс: мы и чрезвычайно связаны, и отключены от Сети. Мы постоянно взаимодействуем с тем типом информации, который соответствует нашему привычному поведению в Сети...» [1]. Психологи подчеркивают: «Пока вы в гарнитуре, вы не видите тех людей кто рядом, а им может быть странно, что вы рядом, но не замечаете их. Это новый уровень игнорирования близких» [8]. А зависимость от виртуального мира порождает чувство собственной никчемности [6]. Поэтому «...не лишне подумать о том, как после прогулок по эффектным виртуальным пейзажам вам придется вернуться на землю обетованную, в суровую реальность» [9].

Философия несколько отставала от психологии в объяснениях взрывоопасного распространения цифровых технологий: сова Минервы вылетает ночью. «Проблема, присущая этому технологическому ускорению, заключается в том, что, поскольку оно прогрессирует очень быстро, у нас нет достаточных спекулятивных инструментов для его изучения: проще говоря, философия не смогла угнаться за таким темпом» [1]. Однако ныне она раскрывает более глубокие, существенные проявления этой новейшей технологической революции.

Э. Родилоссо посвящает свою статью не просто отрицательным сторонам заключения в «пузырь фильтра», но к политически опасным последствиям этой самоизоляции. Если у нас нет достаточной информации о политической среде, в которой мы живем, наши решения могут быть предвзятыми и поляризованными, указывает она. Пребывание «запертыми в эпистемической микровселенной» чревато неоднозначными последствиями в политической сфере. Действительно: «Пользователи становятся настолько зацикленными на одной сильной негативной эмоции, что это делает их забывчивыми и безразличными

к другим важным проблемам в нашем обществе, тем самым предотвращая любой рациональный и критический диалог с ними. Поскольку последнее является необходимым компонентом демократии, постольку рост числа таких людей будет представлять серьезную угрозу функционированию демократического государства» [2, п. 3, Заключение].

Не только социальные сети; официальное радио и телевидение действует точно так же, неуклонно формируя, скажем, «образ врага»; но эти медиа навязчивы, их прессинг ощущается; в то время как услужливая информация, предоставляемая Сетью, так непохожа на принуждение! Даже если она могущественно поддержала ваш одноактный интерес к военным действиям или угрозам природных и социальных катаклизмов путем селекции именно этих новостей...

Здесь мы несколько долее остановимся не на политических последствиях этой изоляции, а на следующих негативных феноменах, вызываемых естественным интеллектом программиста (ибо AI, как и ИИ, это метафора), и не факт, что превышающим уровень пользователя платформы: 1) одиночество; 2) иллюзорность виртуальной реальности; 3) подавление критического мышления.

Одиночество, если это не пенитенциарное наказание, стартует как лично выбранное уединение: это может быть отдохновение от трудов (праведных или неправедных), монашеский постриг, поэтическое воспарение, сосредоточенность учёного или профессиональное, более-менее принудительное, но все же добровольное, служение задаче. Иллюстрацией может быть литературный герой: пелевинский S.N.U.F.F., например.

В дальнейшем эклога уединения быстро перерастает в одиночество.

Не ссылаясь на таких тяжеловесов, как Оруэлл, можно вспомнить успех лучших отечественных интеллектуалов-писателей, Пелевина и Водолазкина, многие герои которых прекрасно знакомы и с могуществом системы, и с трагедией неизбывного одиночества. Многоглавый (и многорукий) безликий интеллект усилит дереализацию, предлагая нечто большее, чем ваша жизнь Dasein.

Но самая гибельная тень этой тени – капсулы фильтрующего пузыря – состоит в утрате критического мышления.

«Если мы не обращаемся к различным мнениям и точкам зрения, мы подвергаем себя возможной радикализации наших позиций и подрываем нашу способность к обсуждению» [1].

Дюжинное достояние каждого философа – критическое мышление – не только не сможет распространяться на более широкую аудиторию, чем академическая, но не будет развиваться совсем; и это притом, что пользователь даже не почувствует манипуляции. Образование «пузырей фильтров» основывается на результате селекции, проведенной программами «глубоко обученного» ИИ, которые «делают вывод» относительно экспектаций и оценочных суждений юзеров, моментально подбирая соответствующий контент. So why study?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Мы можем сказать, что искусственный интеллект представляет собой многообещающую область, которая распространяется на многие сферы человеческой жизни – и, возможно, новую фазу технологической революции», – отдает должное успехам «цифры» Эрмелинда Родилоссо.

Однако при всех громадных преимуществах, которые приносят программы, именуемые искусственным интеллектом – их использование оптимизирует логистику и медицину, их взяли на вооружение «Госуслуги», образова-

ние, бизнес и военное дело, – в общественных пабликах это прежде всего непобедимое оружие, лидер влияния. Та же Родилоссо подчеркивает, что «искусственный интеллект в социальных сетях может активно ставить под угрозу способность пользователей к размышлению», сопоставлению различных позиций, самостоятельным умозаключениям. «Становится все более очевидным, что алгоритмы машинного обучения, которые в настоящее время используются для выбора контента в социальных сетях, … препятствуют развитию критического и плюралистического мышления из-за произвольного выбора данных, к которым у нас есть доступ» [1].

Парадоксы ИИ плотно изучаются не менее 15 лет (Эли Паризер указал на эту проблему еще в 2011 году [Цит. по: 1; 2]). Вполне вероятно, опасения могущества ИИ могут быть преувеличены. Сгенерированные тексты и картины, порой весьма удачные, не могут не удивлять и даже вызывать одобрительную реакцию. Маркетинговые площадки сегодня не обойдутся без компьютерной поддержки, особенно это стало ясно в период пандемии Covid-19. Что до трех пороков «эпистемических пузырей», порождающих этические и другие социальные проблемы, надо сказать следующее.

Одиночество ведёт к фрустрации. Однако есть много психологических методик, позволяющих справиться с этим негативным состоянием.

Парадокс виртуальной реальности разрешается просто: как можно больше живого общения, прогулок, путешествий, «находите пять плюсов в каждом своем дне» и проч.

Гораздо серьезнее, опаснее всего утрата способности к самостоятельному мышлению; и это заключение не только философов. «Мы становимся неприспособленными к осуществлению серьезных познавательных процессов...

мыслить стратегически, придумывать что-то новое, рефлексировать и проводить работу над ошибками... а когда мы не можем мыслить, мы также неспособны думать о себе – отсутствует идентификация» [10].

Коротко говоря, утрата критического мышления – это утрата мышления вообще. Слабый ум получает информацию, не усваивая ее надолго, и он не в состоянии полагать личные цели и пролагать траекторию жизни своего носителя. Такой сценарий приведет к «миру из разрозненных индивидов, живущих в иллюзорной вселенной» [10].

Как философ, я думаю, что выход есть – и это именно философские науки: теория познания, логика, этика, философская антропология, etc., – а также художественная классика. И пусть это будет именно чтение книг и личное, без помощи Джи-пи-ти, составление рефератов, а не только и не столько просмотр видеороликов.

В порядке личного мнения – я бы предложила в высшей школе ввести обязательный спецкурс: подробно изучать дошедшие до нашего времени и прекрасно прокомментированные изречения и письма Эпикура. Хотя, разумеется, это могут быть и другие имена: пусть Харман, Мейясу, Жижек или Харари; моей науке 2500 лет, и заинтересованная причастность к этому богатству гарантированно воспитает критическую мысль. Надо надеяться.

P.S. Написано исключительно по виртуальным источникам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Rodilosso, Ermelinda. (2024). Filter bubbles and the unfeeling: How AI for social media can foster extremismand polarization. *Philosophy & Technology*, *37*, 71. (Эрмелинда Родилоссо. Пузыри фильтров и бесчувствие: как ИИ для социальных сетей может способствовать экстре-

мизму и поляризации // *Философия и технология, 37,* 71. (2024) https://doi.org/10.1007/s13347-024-00758-4
2. Karimov, Artur. Comment on the article “Filter Bubbles and the Unfeeling: How AI for Social Media Can Foster Extremism and Polarization” (PHTE-D-23-00352R3) *Philos. Technol.* 37, 93 (2024). (Артур Каримов. Комментарий на статью «Пузыри фильтров и бесчувствие: как ИИ для социальных сетей может способствовать экстремизму и поляризации»). *Философия и технология, 37,* 93. (2024) https://doi.org/10.1007/s13347-024-00768-2 https://link.springer.com/article/10.1007/s13347-024-00768-2
3. https://datareportal.com/reports/digital-2024-global-overview-report
4. https://youtu.be/B23HpcsHLqs?t=15460
5. Тайсина, Э. А., Халитов Т. Н. Свет и тени цифровых технологий // «Общество 5.0.». Парадоксы цифрового будущего. VII Садыковские Чтения. М-лы Межд. науч.-образ. конф. Казань, КФУ, 2019. – С. 225–232.
6. Матвеева, М. Плюсы и минусы виртуальной реальности. https://filmora.wondershare.com.ru/virtual-reality/pros-cons-virtual-virtual.html
7. Гергоков А. А. Преимущества и недостатки использования технологии виртуальной реальности в образовательной среде // Педагогический журнал. 2023. Т. 13. № 11А. С. 189–194. DOI: 10.34670/AR.2023.53.74.025
8. Мусиченко, А. С. Польза и вред виртуальной реальности для тела и психики. https://www.b17.ru/article/506287/
9. Петрова, М. Виртуальная реальность: все за и против от эксперта и разработчика. https://vc.ru/u/1038312-mariya-petrova/340653-virtualnaya-realnost-vse-za-i-protiv-ot-eksperta-i-razrabotchika

10. Левина, Е. Цифровой эскапизм: почему и куда мы бежим из реальности. www.buro247.ru Подготовила Виктория Малахова 08.08.22.

Впервые опубликовано в:
Основы экономики, управления и права. 2024. № 3. – С. 7–13.

ЯЗЫК КАК ОБРАЗ, КОНСТРУКТ И КОНСТРУКТОР РЕАЛЬНОСТИ, ИЛИ ПРОБЛЕМА ЯЗЫКОВОЙ СУГГЕСТИИ

Rem tene, verba sequentur.
Caton S.

Западноевропейская философия XX века, как известно, сделала преимущественным предметом своего интереса язык. Это весьма примечательно, по меньшей мере, в трех отношениях: 1) язык, как письменный, так и разговорный, действительно давно этого внимания заслуживает, будучи наиболее сложным конструктом реальности; 2) общий интерес к языку обнаружили представители таких разных и даже противоположных направлений, как позитивизм, экзистенциализм и материализм (все в позднейших модификациях); 3) хотя западноевропейская философия XX в. в целом представляет собой трансформации кантианства, сам Кант в свое время избегал исследовать язык. По свидетельству крупнейшего современного семиолога Т. де Мауро, он счел такую задачу избыточно сложной. Поэтому разнообразные неокантианцы, взявшись все-таки за ее решение в культурологическом контексте, пользовались не столько теоретическими выкладками, сколько методологией Канта. Скажем, дилемма аналитических и синтетических суждений в научном познании, введенная Кантом, хорошо послужила нео- и постпо-

зитивистам для дифференциации контекста обоснования, на которое будто бы только и способна философия, и контекста открытия, удела и дела частных наук. (Аналитические суждения не содержат в предикате новой информации, они лишь истолковывают субъект; синтетические же суждения *есть* приращение информации). В логическом синтаксисе и логической семантике объектом исследования стал *язык* науки. Венцы объявили науку *текстом,* свободным от всего личностного, исторического, этического, мировоззренческого и т.п. Этот текст состоит из четырех видов базовых *протокольных* (Витгенштейн потом скажет «атомарных») *предложений,* которые можно и должно анализировать с позиции логики. Эти четыре вида суть предложения предмета (вопросы), предложения метода (нормативы), предложения факта и предложения теории. Первые исследует интеррогативная логика, вторые – логика норм и оценок. К фактам уже приложимы такие оценки, как истинность и ложность; правда, коэффициент вероятности включает значения от 0 до 1. И только предложения теории могут оцениваться в двузначной логике, либо как истинные, либо как ложные. Собственную концепцию истинности как выполнимости определенных условий логической проверки на достоверность предложил лидер второго центра неопозитивизма – львовско-варшавской школы, польский философ А. Тарски. Хорошо исследована короткая история принципа и процедуры верификации и ее конец; здесь мы не будем специально на ней останавливаться, напомнив лишь, что сам этот принцип вошел в противоречие с собой, поскольку не мог быть сведен к наблюдаемым данным.

Философская деятельность К. Поппера и Л. Витгенштейна послужила переходным звеном от нео- к постпозитивизму. Поппер называл свою философию критическим *негативизмом,* что само по себе знаменательно. Вит-

генштейн же, с чьим именем связывается понятие «лингвистического поворота» западноевропейской философии XX века, в первый период творчества, как и все венцы, изучал язык науки; но во второй период творчества он перешел к исследованию *естественного разговорного человеческого языка.* К его идеям мы еще обратимся в данной работе. Тем временем философы противоположного стана, экзистенциалисты (прежде всего, М. Хайдеггер) и их последователи, разрабатывавшие герменевтику и подготовившие, не без влияния неофрейдизма, рождение пресловутой постмодернистской парадигмы, со своей стороны сосредоточили исчерпывающее внимание на языке, считая его самым явным текстом культуры, а культуру – своеобразным дискурсом, диалогом, языком.

Поставим теперь проблему максимально ясно. Речь снова идет о статусе языка, его основных ипостасях, его роли в коммуникации и познании.

Что статус языка предельно высок, в принципе в доказательстве не нуждается. Относительно ипостасей и ролей: язык – форма человеческой жизни и совершение мысли, язык – «дом бытия» и способность идентификации и самоидентификации личности, этноса, зачастую государства, человечества вообще. Язык – образ мира и универсальная система знаков. Язык – социальная память, носитель традиции и вместе с тем орудие творчества, средство научного открытия, художественного прозрения поэта и вдохновенного пророчества, изысканного выражения тончайших чувств. Язык, вместе с сознанием, – «мука и крест», и он же – непроницаемый щит, отгораживающий вещи и сущности вещей от любознательности человека. Язык – строжайший норматив, органон (орудие) власти и индикатор социальной принадлежности. Язык – синоним народа и манифестация духа. Множественные языки – системы знаков обслуживают технику, науку, социум.

Язык – конструкция и конструктор. (И так далее). Как конструкт, он есть произведение (Хайдеггер сказал бы «извод») Бога, человека или природы. Как конструктор…

Еще в преддверии философии, в так называемом Мемфисском богословском трактате (украшенная иероглифами базальтовая стела, в настоящее время находится в Британском музее), язык был провозглашен объединенной с мыслью (бога) творческой, созидательной силой, – а это самый древний известный нам протофилософский текст, документ культуры Древнего Египта. Еще античные греческие философы задавались вопросами о происхождении и сущности языка, причем для них это был в высокой мере один и тот же вопрос. Хорошо известна построенная ими антиномия-проблема генезиса: язык мог произойти «по природе», physei, или «по установлению», thesei. (Первое предполагает естественность связи между языковым знаком и означаемым, второе – конвенцию). Прекрасно известна также социально-политическая установка софистов (и отчасти Сократа) на развитие суггестивной функции языковой коммуникации, то есть способности внушения, на которой основана политическая и вообще любая управленческая деятельность. Искусство полемики и риторики, в сущности, эксплуатирует именно эту его способность. В конце XX века релятивистские подходы к языку привели к широкому признанию конвенциональной, знаковой его природы, и «классики постмодернизма», такие как Ж. Делез, М. Фуко, Ж. Деррида, Р. Барт, польские ученые, группирующиеся вокруг журнала «Тель Кель», долгое время бурно обсуждали агрессивный, диктаторский характер языка. Во многом по причине признания такового постмодернисты и отдали с самого начала безоговорочное предпочтение письму перед живой речью, сочтя, что письмо – grammé – много демократичнее, нежели звучащая речь – phoné. Точнее говоря,

только письмо и демократично, речь же всегда дисциплинирует, диктует, требует, угрожает или ободряет и т. д., это сама суггестия. (Обратим внимание, что постструктурализм оборачивает эту пропорцию письма и речи по сравнению со структурализмом, а именно, с самим де Соссюром, «с точностью до наоборот», и над этим еще предстоит задуматься специалистам).

С другой стороны, онтологический подход позволил утвердить статус языка в качестве местности, где присутствует, существует, «сутит» (нем.: “west”) само Бытие. (М. Хайдеггер). Или сама Культура. (Х.-Г. Гадамер, П. Рикёр и др.). В этом плане одна из лучших работ, посвященных интересующей нас тематике, – книга А. Н. Портнова «Язык и сознание: основные парадигмы исследования проблемы в философии XIX–XX вв.». (Иваново: 1994).

С третьей, гносеологической, стороны – язык достаточно противоречиво признается одновременно и образом бытия, и системой знаков, что всегда требует дополнительных разъяснений, и они будут ниже нами даны.

Подходя с четвертой, социально-философской, стороны, надо подчеркнуть, что язык, безусловно, по-прежнему нуждается в анализе не предмет суггестивной способности. Язык как средство ведения психологической войны, или, как это было модно говорить в нашей стране в конце 70-х – начале 80-х гг. XX в., «контрпропаганды», – либо же, как стало модно говорить в 90-е гг. и поныне, как PR-агент и орудие политтехнологий – исчерпывающий предмет научного интереса гуманитарных дисциплин, обслуживающих идеологическую сферу общества.

Остановимся подробнее на метафизических исследованиях языка в качестве конструкта и конструктора, и оценках его, складывающихся в учении о бытии и познании.

В XX веке одна из наиболее интересных и перспективных тенденций изучения языка прослеживается на онтологическом направлении, в трудах классика экзистенциализма М. Хайдеггера. Он исходит из следующих посылок. Язык – имманентный способ бытия в мире, форма человеческой жизни как именно *человеческой* жизни. Бытие не дано познающему, живущему человеку во всем объеме; однако лишь человеку оно дано в целостной форме. Но созерцание в виде восприятия знакомит человека с бытием не как с Единым, а только как с фрагментами действительности, частями целого, – и инструментом, конституирующем эту целостность, является *язык*.

Еще в своей докторской диссертации «Учение Дунса Скота о категориях и значении» (1915 г.) Хайдеггер ставит вопросы о смысле сущего (ens), о связи предмета, значения и знака, о категории значения слова. Понимание, толкование феномена возможно, в этой традиции, только тогда, когда понимающий уже заранее имеет представление о данном феномене. Человек ничего не рассматривает с нейтральной точки зрения; правда, его оценка может скрываться в подтексте. Проблема значения скрытых подтекстов для правильной оценки текста и проблема способов их выявления необычайно важны для прояснения способности языковой суггестии.

С другой стороны, этот философ придавал первостепенное значение искренности языка, его способности и готовности «все говорить» умеющему слушать. (Хорошо известна его ставшая афоризмом фраза «давать слово языку как языку»). Очевидно, что это вторая сторона суггестии.

Человек показывает себя как сущее (Seinendes), которое обладает речью: то сущее (Mensch) Хайдеггер определяет терминологически как “Dasein” (≈ здесь-бытие, вот-бытие). Это то единственное и отличное от других сущее, которое благодаря языку способно само поставить вопрос

о бытии в мире, а также вопросы о сущности и смысле этого бытия. Путем описания формальных структур здесь-бытия как потока сознания человек через бытие-в-мире (In-der-Welt-Sein) дает картину человеческого существования.

Понимание бытия есть Seinsbestimmtheit – придание ему (через себя) значения, определенность, оглашение, самообозначение, самоузнавание, самоидентификация. Смысл бытия между тем покрыт мраком. Эта тайна есть путь к истине – путь бесконечный. Весь смысл бытия заключен в сохранении тайны бытия. Истина – просвет бытия, непотаенность, открытость, «напротивность» (диспозиционность) бытия: бытие открывается в этой свободе просвета, но открывается именно как тайна. Бытие «светит» в своем бытии. Сущность раскрывается через язык. Язык – горизонт бытия.

> «Язык впервые мостит пути и подступы для всякой воли к размышлению. Без слова любому действию не хватит того измерения, в котором оно могло бы обрести себя и оказать воздействие. Причем язык никогда не есть просто выражение мысли, чувства или желания. Язык – то изначальное измерение, внутри которого человеческое существо вообще впервые только и оказывается в состоянии отозваться на бытие и его зов и благодаря этой отзывчивости принадлежать бытию»[1].

В знаменитом раннем трактате “Sein und Zeit” Хайдеггера указывается, что понимание и толкование как первичные модусы всякого осмысления осуществляются в значительной мере *до* и *вне* языка. Но бытие человека в мире открывается через деятельность, каковая превращает это бытие в Вещь-Знак, аналог языкового знака, и через нее осмысливается собственно бытие. Коль скоро нечто понято, «вскрыто» (entschlosst), оно необходимым образом выражает себя, kommt zum Wort. Бытие ищет Слова.

---

[1] Хайдеггер М. Поворот // Новая технократическая волна на Западе. М.: 1986. С. 87.

Сущность языка – как и бытия – тайна тайн. Эта сущность объясняется через герменевтический круг, как язык сущности. «Как же мы можем постигнуть то, что определяет нас самих?» Никак – пока оно, бытие, и он, язык, *сами* не откроются нам. О языке ничего нельзя сказать, если он сам о себе не скажет. Язык – монолог, он говорит только сам с собой.

Хайдеггер различает подлинное и неподлинное бытие, подлинный и неподлинный язык. Экзистенциалы характеризуют подлинное бытие и направление к нему. Характеристику неподлинного мира, мира вещей дает система категорий. Подлинное бытие представляет собой индивидуальный внутренний мир человека; язык есть способ существования индивидуального самосознания. И наоборот, индивидуальное самосознание – место, где скрывается сущность языка, или язык сущности.

Язык сущности и есть подлинный язык, die Sprache, die Sage.

Обыденный язык – неподлинный язык, Das Gerede. Например, знаменитый Angst zum Tode, страх смерти, относится к подлинному бытию, значит, это подлинный язык, а Furcht – боязнь – входит в состав неподлинного языка, поскольку характеризует повседневность. Эти состояния соответствуют двум фундаментальным пластам бытия – «бытию-в-мире» (in-der-Welt-Sein) и «непосредственно наличному бытию» (Das Sein des Da).

Не один исследователь удивлялся своеобразию языка и стиля самого Хайдеггера. Его необычная собственная терминология, как в свое время терминология Канта, явилась сильнейшим толчком для современной мысли. После времени Канта тексты Хайдеггера – сложнейшие в истории философии и культуры Европы. Ср.:

> «Собственное бытия… проявилось как посыл в “дано” и его давании. Собственное бытия небытиеподобно»… «Но где да-

но время и временное пространство? Время – предпространственная местность, благодаря которой только и возможно «где». …*Дающее*, которое дает время, определяется из отказывающе-задерживающей близости. Оно укрывает то, чему отказано – в побывшем, то, что задержано – в будущем. Мы называем дающее, которое дает подлинное время, скрывающим просветом простирания. Поскольку само простирание есть дающее, в подлинном времени скрывается дающее давания».

Или же:

«В своем следовании чему-либо и усвоении этого Dasein не выходит из своей внутренней сферы, в которую здесь-бытие (Dasein) изначально включено, но согласно своему первоначальному способу бытия оно всегда находится «вне» у встречающегося сущего уже когда-то открытого мира». В этих и других отрывках из “Sein und Zeit” с очевидностью говорит внимательный и сверх-утонченный мыслитель, для которого целью является ювелирный анализ нюансов смысла языка, приближающий к “собственному бытия”».

Приведем еще примеры знаменитых «кругов», рассматриваемых в качестве структуры человеческого акта понимания.

Das Wesen der Sprach – die Sprache des Wesens. (Сущность языка – язык сущности, или сущего).

Das Wesen der Wahrheit ist die Wahrheit des Wesens. (Сущность истины есть истина сущности, или сущего).

Der Grund des Satzes – der Satz des Grundes. (Основа предложения, или пропозиции, или положения, есть пропозиция, или положение, основы.)

Das Wesen West, das Un-wesen west nicht. (Сущность *сущит,* не-сущность *не-сущит*).

Или же: *Die Zeit zeitet*. (Время временит).

Тексты Хайдеггера являются источником вдохновения таких социологов как Ю. Хабермас, таких герменевтов как Х.-Г. Гадамер и П. Рикер, семиологов и эстетиков, теоретиков *понимания*, *дискурса, интерпретации,* фило-

логов и философов постмодерна. Рассмотрим основные идеи о сущности языка и его соотношении с бытием и сознанием, содержащиеся в текстах постмодернистов.

Эти ученые исходят, как уже говорилось, из антиномии языка/речи, а также из посылки, что в процессе коммуникации субъект предается иллюзиям. Это иллюзия автономности своего сознания, иллюзия суверенности своего «Я», иллюзия независимости и самоценности, а главное – ложное представление о *естественности* связи означающего и означаемого. Последнее представление для постмодернистов абсолютно неприемлемо. Устная речь, полагают они, слишком тесно связана с действительностью, спонтанна, «слишком безусловна», интимно дана сознанию и как бы репрезентирует его. Документ, письменный текст, графика гораздо искреннее проявляют свою полнейшую условность и позволяют разбить иллюзию связи акустических образов с их смыслами, тем более – с самими обозначаемыми предметами. (Думается, идея о репрезентации знаками *самих объектов* не вполне правомерно приписывается материалистической традиции в философии и лингвосемиотике: так, классик гносеологического материализма Дж. Локк, с чьим именем связывается господство принципа отражения в «метафизической» теории познания, *хотя и это неправомерно,* в своем «Опыте о человеческом разумении» прямо пишет о том, что языковые знаки представляют *идеи.* Так же думал и Т. Гоббс, еще один авторитет в материалистической гносеологии).

Крупнейший представитель постмодернизма – французский литературный критик и философ Жак Деррида создал модную процедуру деконструкции художественного текста. Дерридеанская концепция документа, текста, письма «построена скорее на негативном пафосе отталкивания от противного, чем на утверждении какого-либо по-

зитивного положения, и связана с пониманием письма как социального института, функционирование которого насквозь пронизано принципом дополнительности».[1] Под этим принципом известный исследователь направлений постмодернизма, постструктурализма и деконструктивизма И. Ильин понимает подразумеваемую дополнительность в виде архетипа письма – «архиписьмо», или «протописьмо». Это не то письмо, которое мы наивно-реалистически представляем себе как протокольную материальную фиксацию звуковых языковых знаков в виде текста. Деррида утверждает: «Письмо в целом охватывает всю сферу применения лингвистических знаков. Сама идея конструирования, отсюда и произвольность знаков, немыслима вне и до горизонта письма»[2]. Не дадим ввести себя в заблуждение затейливой терминологией: речь идет о суггестивной способности языка.

Язык никогда не нейтрален, говорит Деррида, он не является простым и прозрачным поместилищем смысла. С этим нельзя не согласиться; приведем здесь мнение отечественного автора.

> «Одна из особенностей полифоносемантики – уничтожение автоматизма восприятия произнесенного слова; форма (звуковая оболочка слова) и смысл перестают казаться одним и тем же. Звуковая ткань становится буквально осязаемой. Здесь допустимо говорить о «знаке, непрозрачном для значения», о нарочито затрудняемом и замедляемом восприятии, о ступенчатой конструкции… Связь звучания и смысла оказывается условной, брак не навязан – каждый волен приискивать себе партнера; но вряд ли можно установить, кто чьей тенью является: нелепо отрывающийся кусок звучания внезапно проявляет свою бытийственность – и сам стремится притянуть к себе смысл. Возникает как бы протопредмет,

[1] Ильин И. Постструктурализм, деконструктивизм, постмодернизм. – М.: 1996. – С. 36.
[2] Derrida J. De la grammatologie. – Paris: 1967. – P. 66.

точнее – имя, которое еще не стало (и, вероятно, не станет!) именем вещи, но тяготеющее к вещам всей своей звуковой сутью…»[1]

Повторяем, с такими мыслями трудно не согласиться; трудно согласиться с манерой Ж. Деррида намеренно, как нам кажется, затемнять смысл. (Кроме того, письмо постмодернистов всегда в наивысшей мере зависит от тела-текста-субстрата, текста-жертвы, избранной для деконструктивистского анализа)**.**

Апологеты творчества Деррида, например, его издатель Дэвид Вуд, объясняют этот постструктуралистский феномен следующим образом:

«Мы можем предположить, например, что прочтения Деррида это *сильное чтение,..* и что работа Деррида имплицитно дает лицензию на соответствующую реакцию со стороны тех, кто предлагает могущественную новую программу <agenda>. Такое сравнение, однако, бьет мимо цели. Парадокс *сильного чтения* в том, что оно является сильным только именно в той степени, в какой оно уже не чтение, а использование искупительной жертвы <sacrificial victim> для того, чтобы выставить, проявить собственную позицию»[2].

И далее:

«Никого из читателей Деррида не приглашают принять на борт многообразные измерения его текстов… Но не замечать специфичности тех отношений, которые он устанавливает с другими текстами, не признавать, что Деррида разрабатывает *новое пространство чтения,* это несомненно означает провал попытки встретить истинный вызов (и соблазн) его работ»[3].

Другой лидер современной философии и «классик постмодернизма» Поль Рикёр в своей работе «Конфликт

---

[1] Шифрин Б. Пришельцы из возможных миров // Лабиринт / Эсцентр. – № 1. – Л., Свердловск: 1991. – С. 97.

[2] Wood D. Reading Derrida: an Introduction // Derrida: A Critical Reader. Oxford, UK. – Repr. 1996 . – P. 2.

[3] Ibid., P. 3.

интерпретаций» задается следующими риторическими вопросами:

> «Не лучше ли будет, если мы отныне начнем исходить из производных форм понимания и в них самих отыскивать признаки того, что делает их производными? Это означает, что точка отсчета находится в том плане, где осуществляется понимание, то есть в плане языка… Не в самом ли *языке* опять надо искать указания, что понимание является способом бытия?»[1]

Философ выражает убеждение, что изначально и только в языке выражается всякое онтическое и онтологическое понимание. Поэтому именно в языковой семантике надо искать *ось* для сопоставления и соотнесения элементов герменевтического *поля.*

Рикер объясняет, что трудность перехода от понимания в гносеологическом (эпистемологическом, позитивистском) смысле к пониманию в экзистенциалистском (и герменевтическом) смысле заключается в следующем. Субъект, который, интерпретируя знаки, интерпретирует этим себя, в том числе и для себя самого, не должен рассматриваться как картезианское Cogito: «это – существующий, который через истолкование своей жизни открывает, что он находится в бытии до того, как полагает себя и располагает собой. Так герменевтика открывает способ существования, который остается от начала и до конца *интерпретированным бытием*»[2]. Следующую же мысль Рикера можно прямо считать программной: «Одна только рефлексия, уничтожая себя как рефлексию, может привести к онтологическим корням понимания. Но как раз это и происходит в языке и в движении рефлексии. Таков тот трудный путь, которым мы будем следовать»[3].

---

[1] Рикер П. Конфликт интерпретаций: очерки о герменевтике. – М.: 1995. – С. 14.
[2] Рикер П. Указ. соч. – С. 16.
[3] Там же.

Итак, направление экзистенциализма, включая новейшие трансформации, привело к утверждению следующих тезисов. Лишь в языке и только в нем одном, причем преимущественно в языке письменном, содержатся не только возможности всех интерпретаций, но и само бытие человека в мире. Интерпретированное бытие – способ существования человека. В языке рефлексия, убывая, возвращает нас к «онтологическим корням понимания».

Подойдем теперь к языку с точки зрения классической гносеологии. Этот, казалось бы, богатый лишь трюизмами подход может подлинно принести совершенно новые результаты, если привлечь к традиционному анализу инструментарий и тезаурус семиотики и учесть опыт развития новых течений в западноевропейской философии. Впрочем, можно доказать, что семиотические идеи всегда обогащали, если не оплодотворяли, теорию познания, логику, лингвистику, составляя с ними целостнонерасчлененный синкретизм со времен Аристотеля. Первые две семиотические идеи – что единицы языка, а именно, слова и предложения, являются знаками, и что эти знаки условно связаны с мыслью, – высказал именно Стагирит. Но нас сейчас больше всего интересует антиномия язык/образ и язык/знак. Вопрос стоит так: является ли язык – сам язык, а не мышление, которое он воплощает – *образом* мира (образом объекта)? Или он является его иероглифом, символом, *знаком?*

И в связи с этим: является ли указанная антиномия именно антиномией, т.е., неразрешимым противоречием, или же существует перекрещивание и совмещение образного и символического, некий диалектический переход, перелив между образом и знаком?

Долгое время наша «школьная» философия давала такие ответы на эти вопросы.

Классическая оптимистическая гносеология, вышедшая сегодня в Европе из моды, базировалась на принципе познаваемости мира и его законов. Философы самых разных направлений, от Аристотеля до Гегеля, Маркса, Фрейда и Рассела, а также подавляющее большинство ученых – представителей как наук о природе, так и наук о культуре – поддерживали и поддерживают этот принцип. Он сам подразумевает постулат единства основ бытия и познания, что одно только и может обеспечить совпадение познания и объекта познания. Аристотель и Гегель считали это единство *тождеством* (сильный вариант), а Гоббс, Локк, Гельвеций, Энгельс – сходством, или *подобием.* Объект составляет содержание своего образа-подобия. Сознание человека есть идеальный образ и подобие бытия. Это ослабленный (материалистический) вариант формулировки принципа единства и познаваемости мира[1].

Можно еще указать на интересную подробность: в немецком языке слово «сознание» – das Bewuβtsein – не означает ничего иного, кроме как «осознанное», или «знаемое бытие». Языковая картина мира у немцев в целом весьма философична.

Итак, материалисты – все материалисты – считают сознание, мышление отражением, т.е. таким взаимодействием, при котором сознание приобретает черты сходства с объектом. Мышление отражает объект. Что же тогда делает язык? Язык выражает мысль (или вообще любой элемент сознания) и *обозначает* объект. *Следовательно, язык не отражает объект, а мысль (сознание) не являет-*

[1] При этом гносеологическое противопоставление физического мира (объекта) и идеального его отражения (в сознании субъекта) у материалистов снимается в онтологии, где в соответствии с принципом единства мира сознание признается свойством материи (высокоорганизованной материи мозга).

ся знаком. Эта банальность, казалось бы, не может быть проблематизирована…

Однако может. Во-первых, в советской философии и науке много сил было положено на доказательство того, что первичные образы сознания, а именно, ощущения, не являются знаками (символами, иероглифами и т.п.). Это было связано со знаменитой в свое время ленинской критикой «теории символов» знаменитого в свое время Гельмгольца (см. «Материализм и эмпириокритицизм», гл. IV, § 6), который-де отказывал ощущениям в образности. (Кстати говоря, сам Гельмгольц употреблял термины «иероглиф» и «знак», а не символ… но это не очень существенно). Потом в 70-е гг. XX в. в связи с открытиями, связанными с физиологией зрения – а зрительное ощущение, безусловно, является самым картинным из всех! – ученые и философы всерьез заговорили о знаковых свойствах сенсорных образов. Соответственно, много усилий было приложено к тому, чтобы отработать проблему иконических знаков, а также сущности вторичной презентации символики в познании, чтобы в итоге можно было, сохраняя материалистический принцип отражения, но с опорой на диалектику, доказать взаимосвязь и взаимопереход образов и знаков. Острота этого противопоставления, не слишком волнующая лингвистов и совсем не волнующая представителей других наук, причиняет особенную боль лишь философам-материалистам, поскольку им вменяется защита принципа отражения и познавательного оптимизма.

На настоящем этапе развития материалистической гносеологии пути решения проблемы «троичности» языка – как одновременно формы жизни (генетический план) культуры (онтологический план) и органона мысли (гносеологический план) – видятся, во-первых, в обогащении реалистической традиции достижениями экзистенциализ-

ма, а во-вторых, в применении к исследованиям всей мощи семиотики, и как теории, и как методологического аппарата. Этот новый синтез поможет сделать шаг к объяснению подлинной диалектической природы и сущности языка как конструкта и конструктора действительности, а тем самым – к построению новой метафизики, соответствующей современной философской картине мира.

Впервые опубликовано в:
Проблемы типологии языка.
Сб. н. статей. Ч. I.
*Казань: КГПУ, 2004. – С. 198–*210.
Соавт. *Т. Н. Халитов*

СИТУАЦИОННЫЙ ПОДХОД И «ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПИРУЭТ»

«Любая наука в словах и о словах» (Виноградов)

Ситуационный подход – веяние времени и его знак. «Лингвистический пируэт» – балетное па, которое совершило большинство тех философов второй половины XX века, которые *не пришли* к мысли о том, что (естественный разговорный человеческий) язык является преимущественным, если не единственным, объектом исследовательского интереса, а *получили* этот посыл от других. Как правило, это философствующие субъекты с естественнонаучным образованием. Не вполне понимая, откуда именно донесся звон, такие философы, вписавшись в лингвистический поворот, начатый «поздним» Витгенштейном, продолжили движение по кривой, а по завершении полного пируэта приземлились довольно далеко от точки отталкивания. По этой причине источник звучания, – не в смысле цитирования, а в смысле нового философского явления, – остался неопознанным, а звучные афоризмы фе-

тишизировались. «О чем нельзя говорить, о том следует молчать» (Витгенштейн), «Бессознательное структурировано как язык» (Лакан), «Язык – дом бытия», «Язык говорит человеком» (Хайдеггер), «Процесс понимания вообще представляет собой событие языка – даже тогда, когда речь идет о внеязыковых феноменах...» (Гадамер). *Это – ситуационный подход как веяние времени.* Нельзя было не отреагировать, когда и аналитическая философия, и семиотика, и эстетика, и герменевтика, и постструктурализм=постмодернизм, и последние представители марксизма как ветви гегельянства нестройным хором провозгласили язык центром философского круга. Такая реакция на возникшую ситуацию совершенно естественна. Как нельзя оставаться иностранцем в родной стране, не воспринимая меняющихся реалий и не успевая за ходом времени, так философам самых разных профилей невозможно было, независимо от профессиональной ориентации, не обратить взор свой на столь громкое интеллектуальное событие, как лингвистический поворот.

Психологи уверяют нас, что речемыслительная деятельность подчиняется или осуществляется по так называемым «цепям Маркова»: говоря совсем просто, это означает, что диалоговое сознание реагирует *каждый раз* не на любую, а именно *на непосредственно предшествующую реплику* воображаемого или реального собеседника. Спонтанная эта реакция укоренена, как кажется, в свойственном высокоорганизованному существу ориентировочном рефлексе, о котором писал еще Павлов; во всяком случае, она очень глубока. Именно по этой причине логика и риторика полагают столько усилий на воспитание способности не терять, удерживать главный тезис, тему, сюжет в течение всего рассуждения. Нормальной же является *ситуативная реакция,* что натуральным образом вытекает из ассоциативной природы сознания как физиоло-

гической работы мозга. Конкретная ситуация – первый познавательный объект.

Однако, в отличие от носителей социально-гуманитарного знания, для которых лингвистический (он же антропологический) поворот был логичным движением роста, оправданным приближением к своему объекту, философы-естественники обладали тем преимуществом, что для них не представляло труда хорошо разбираться в развитии *логики и методологии науки,* каковая складывалась на примерах катаклизмов из мира физических теорий и в которой одновременно с разбираемым «поворотом» произошел *свой собственный,* локальный, однако иррадиирующий во все прочие области знания. Это *смена идеала научности.*

Эволюция позитивизма, являющегося философским фоном для логики и методологии науки, была связана в XX веке с наступившим разочарованием в самой возможности унифицировать научное знание, переформулировав научный язык таким образом, чтобы оно, это знание, целиком вытекало из опыта. (Такую программу, предложенную Карнапом, поддерживал, кстати сказать, и «ранний» Витгенштейн). «Заупрямившийся» язык, до того казавшийся нейтральным и транспарентным, обратил на себя внимание неопозитивистов… Началась трансформация «третьего» позитивизма в «четвертый». В то же самое время в сфере humanities и даже social science укоренилось мнение, что богатая языковая прагматика принципиально не позволяет познавать вещи «сами по себе», что между субъектом и объектом стоит непроницаемый экран знаково-символических форм культуры…

Кстати появилась постмодернистская критика классической теории познания, замена ее «теорией понимания».

Онтологический/антропологический/лингвистический поворот был реальностью, конструкт «языковая картина мира» вошел в универсальное употребление, постепенно

обрел прочный статус, наряду с «научной картиной мира» и «стилем мышления».

Пошло сближение оппонирующих друг другу «философии науки» и «философии жизни». Думается, это не должно вызывать слишком большого удивления, если помнить об общей – кантианской – подоплеке той и другой. (Имеется в виду отказ от «второй навигации» Платона). Поскольку же сам патриарх не занимался *языком*, открылось широкое поле деятельности для современных мыслителей.

Однако дело даже не в этом: не (только) в том, что лингвистически подготовленные и лингвистически неподготовленные ученые одновременно вошли в поворот, а последние, как было сказано, – и в пируэт, то есть оперативно=ситуативно подошли к ставшей актуальной и даже модной языковой проблематике, обогнав в смелых построениях собственно филологов. Те до сих пор не осознали произошедшей философской тематизации, скажем, таких терминов как «парадигма» или «дискурс», по-прежнему понимая под парадигмой пример, а под дискурсом рассуждение, и тезис о «смерти субъекта» повергает их в шок. Дело в следующем. Ситуационный подход, оттесняющий, выразимся так, традиционный эссенциалистский, – знаковое явление нашего времени. *Это знак победившего методологического номинализма.*

Поясним свою мысль, несколько распространив ее за счет следующего утверждения. Достаточно долгое время существовало общепризнанное представление о том, что средневековая дилемма реализма и номинализма, как и породивший ее тысячелетний спор об универсалиях, некоторым образом выдохлись, стали попросту неинтересными, и Новое время заменяет их на эмпиризм и рационализм. Однако, верно это или неверно, гласно или негласно, эмпиризм полагается как некоторым образом наследник номи-

нализма, рационализм – реализма. Это положение можно отстаивать, как кажется, убедительно, на основании того, что и реализм, и рационализм одинаковым – эссенциалистским – образом ориентированы. Это та философская ориентация, на которую нападал Поппер в «Открытом обществе»: сознательный поиск единого начала, или принципа, и даже если философ признает плюрализм субстанций, как Лейбниц, это все же эссенциализм. Номинализм же и эмпиризм сориентированы не столько на поиск (бедной и единой) сущности, сколько на богатое заполнение содержания знания, что хорошо иллюстрирует У. Эко в «Имени розы».

С другой стороны, позитивизм, в особенности логический синтаксис и логическую семантику, не-специалисты в области современной западной философии часто принимают за *рационалистическое* направление, хотя, казалось бы, комментаторы давно и прочно квалифицировали его как эмпиризм. Почему это происходит?

Не только потому, что это направление создается представителями «строгих» наук, философами, изошедшими из лона наук о природе, а не наук о духе, что заставляет говорить об их «сайентизме», ассоциирующемся с теоретическим знанием по преимуществу. (Вебер, Парсонс, Мертон считали науку следствием *рационализации* сознания XVII века). Это происходит еще и потому, что эмпиризм позитивистов, начиная с Конта, оказался не чужд эссенциализму: попытке найти основание единства, унификации знания, чем бы такое основание ни оказалось (например, проекцией принципов механики на социум; например, опытом и т.д.). И ведь они поначалу критично относились к ad hoc-гипотезам – типичным проявлениям ситуационного подхода! (Это важный термин Поппера: *ad hoc*-гипотеза есть объяснение, созданное для данного конкретного случая). Поскольку критический эксперимент требует отбросить неподтвердившуюся теорию, а автор желает ее сохранить,

в «защитный пояс» (термин Лакатоша) вводятся, чтобы спасти ее, ситуативные гипотезы ad hoc. Они очень вредны, считают позитивисты и Поппер. Так, из истории науки хорошо известно, что в 1897 г. Майкельсон и Морли попытались произвести эксперимент по поводу обнаружения эфира – упругой среды, носителя электромагнитных колебаний. Это им не удалось. Критический эксперимент заставил отбросить концепцию эфира (на которой, между прочим, зиждется классическая механика и теория поля – электродинамика), что и сделал, правда, не зная об опыте Майкельсона-Морли, в 1905 г. Эйнштейн.

Двое других ученых, Лоренц и Фицджеральд, узнав о результатах опыта, предложили гипотезу, спасавшую теорию эфира. Сокращение Лоренца / Фицджеральда Поппер считал типичной ad hoc-гипотезой. Попытка углубиться в объяснения формулы «сокращения» тел, проходящих сквозь эфир, была бы сейчас с нашей стороны «лингвистическим пируэтом»: рискованным па, чреватым обнаружением существенной некомпетентности. (Хотя привести саму формулу, конечно, можно: $l = l_0 \sqrt{1 - v^2/c^2}$). Но в данном случае важно, что, во-первых, Поппер первым заявил, что природа научного знания лежит *не в субстанциальных отличиях* науки от не-науки, но *в методах, способах деятельности ученого.* (Это было, конечно, размягчением объективизма: анализировать следует не готовое знание, а эволюционирующую науку). А во-вторых, не без помощи Поппера в философии возродилось представление о «скандале в философии», связанном с платоновской установкой на поиск сущности и на двухтысячелетнюю (с половиной) историю неудач такого поиска. Альтернативу, как известно, сам Поппер нашел в «методологическом номинализме». Это значит, что бесплодный вопрос номинатива (бесплодный, поскольку не принес ответа) – «что это?» – должен был быть оттеснен и заменен вопросами

косвенных падежей: генитивом, дативом, аккузативом. Говори Поппер на каком-либо из финно-угорских языков, где насчитывается до трех десятков падежей, возможностей замены номинатива было бы кратно больше…

На сегодняшний день в философии и методологии науки происходит, если уже не произошла, смена взглядов на критерии научности. Вместо объективности нужна интерсубъективность (общее поле смыслов для данной школы, программы, коллектива ученых). Вместо истинности говорят о понятности, признанности учения, искренности и правдивости ученого. Вместо наивной доверчивости «первых навигаторов», считавших, что объект познаваем из себя самого, умей только аккуратно измерять, внимательно наблюдать, ответственно сравнивать, – появились «третьи навигаторы», озабоченные плетением сети субъект-субъектных отношений, – в языковых знаках и о языковых знаках. Главным понятием и главной заботой стала *коммуникация,* в которой ситуационный подход безусловно довлеет. А пробным камнем научности стал мегакритерий: *способность решать проблемы.* Приведем только одну цитату из коллективной монографии, рекомендованной также в качестве учебного пособия по курсу «Философия и методология науки», т. 1. (М.: 1994). В главе «Идеалы научности» ее автор А. В. Кезин пишет: «Способность решать проблемы, оттесняя фундаменталистскую обоснованность, выдвигается в качестве ведущей ценности нового, формирующегося идеала научности» (С. 293). Не нужно подробной демонстрации, чтобы увидеть, что это также манифестация именно ситуационного подхода.

И хотя собственное изобретение Поппера – принцип фальсификации, выдвинутый как критерий демаркации научного и ненаучного, – не выдержал испытания временем, сам методологический номинализм и уцелел, и победил. Думается, что и в эпоху after-postmodernism’a он в

обозримом времени останется основным направлением философской мысли, даже если некоторые из нас предпримут героические усилия по установлению или по крайней мере провозглашению неоренессанса, призванного возродить силу и привлекательность реализма-рационализма, точнее сказать, методологического эссенциализма. А в более далекой перспективе – и мировоззренческого. Потому что это магистральный путь развития философии греческого типа, «первой мудрости», proto philosophia, собственно философии.

Сказанное отнюдь не означает, что автор данных строк является противником ситуационного подхода и апологетом противостоящего ему фундаментализма. Напротив, будучи реалистом, автор принимает состояние дел как оно есть, пытаясь осмыслить преимущества смены идеала научности на общем фоне поворота науки к социально-ценностной, гуманитарной проблематике. Ни одна дисциплина не смогла бы обрести свой предмет вне ситуационного подхода: например, сама лингвистика в форме сравнительно-исторического языкознания первоначально отделилась от общего философского русла и обособилась именно благодаря глубокому интересу В. Гумбольдта к *единичному* (языку хопи), *а не общему.* Интерес к общему породил, правда, самое философию; а также логику, семиотику, науку управления… Но и отец логики, семиотики и науки управления, крупнейший философ всех времен Аристотель поставил в своих «Категориях», как мы помним, *единичное* на первое место. Это первая сущность, по Аристотелю. Это начало познавательного восхождения к эйдосу, по Платону. И поистине.

Итак, хотя не в наше время впервые возник или был применен ситуационный подход, – ибо любое познавательное движение начинается с единичного, с конкретной ситуации, – он был осознан как серьезная альтернатива

методологическому редукционизму именно в современной парадигме, которая возникла вместе с лингвистическим поворотом. Теперь важно не впасть в крайность…

Впервые опубликовано в:
Ситуационные исследования. Вып.1.
М-лы Всерос. Сем.
Казань: КГТУ-КАИ, 2005. – С. 60–67.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО И СЕМИОТИЧЕСКОГО ПОДХОДОВ К ЯЗЫКУ

> “The most noble and profitable invention of all other”, wrote Hobbes (Leviathan, 1651, ch. IV), “was that of SPEECH, consisting of *names* or *appellations*, and their connection; whereby men register their thoughts; recall them when they are past; and also declare them one to another for mutual utility and conversation”. “The general use of speech”, he went on, “is to transfer our mental discourse into verbal; or the train of thoughts, into a train of words”.
>
> *G. Vesey*

Годфри Визи, современный английский философ (см.: Muirhead Library of Philosophy. Contemporary British Philosophy / (fourth series). Ed. By H. O. Lewis. UK, Plymouth. 1976. Godfrey Vesey. Locke and Wittgenstein on Language and Reality. P. 255), приводит в одной из своих работ слова классика: «Наиболее благородным и полезным изобретением изо всех других было создание РЕЧИ, состоящей из *имен,* или *обращений*, и их связи; при посредстве ее люди упорядочивают [букв.: регистрируют] свои мысли; вспоминают их, когда уж они минули; и также объявляют их друг другу ради обоюдного блага и возможности обще-

ния. Всеобщее назначение [использование] речи – превращение нашего ментального дискурса в вербальный; или состава [трэна, каравана] мысли в состав слов». Это писал Томас Гоббс в первом издании «Левиафана» (1651, гл. IV). И это прекрасное изложение *социолингвистического подхода* к языку. Его особенность в том, что, даже будучи признанным материалистом, ученый, считая речь *человеческим изобретением,* а не естественным природным шумом, отвлекается от физической, объективной реальности предметного бытия, обозначаемого языковыми знаками, и, наоборот, «привлекается» к ее *смыслу,* каковой служит *коммуникации.* В рамках социолингвистического подхода материализм, так сказать, отказывает материалисту. (Например, он может заявить, что те ощущения и понятия, из которых сотканы смыслы речи, контингентно [необязательно] соответствуют или вовсе не соответствуют реальности: ср.: Д. Локк. Избр. Филос. произведения. В 2-хт. Т. П. С. 430. Отрывок из третьего письма Стиллингфлиту. «Я утверждаю, что большинство наших простых идей ощущения не являются подобиями чего-то, находящегося вне нас».). А если речь и идет об *объективном*, то под ним однозначно имеется в виду *социальная реальность,* общество.

Знаки языка обозначают смыслы: вот позиция социолингвистики. См. совр. изд.: Т. Гоббс. Левиафан. Соч. в 2-х т. Т. П. «…*Понимание* есть не что иное, как представление, вызванное речью». (С. 29). Речь надо *понимать,* и тогда ты поймешь человека, сможешь не только беседовать с ним, но и взаимодействовать, кооперироваться, и совместно жить. (Обратим внимание, conversation – букв. не «беседа», а «совместная жизнь».

Не только Гоббс, – и сам отец логики и семиотики, социологии и лингвистики, политологии и множества других наук, *Аристотель,* также считал, что знаки языка, слово и

предложение, условно связаны *с мыслью.* С мыслью, а не с объектом как с фрагментом физической реальности. В сем случае Аристотель выступил как социолингвист. Опираясь на эту идею Аристотеля, без различия оттенков номинализма или реализма, будут рассматривать языковые знаки и средневековые перипатетики-схоласты, например, У. Оккам. Ср.: А. В. Аполлонов. Жизнь и творчество Уильяма Оккама. Вступит. статья к: Уильям Оккам. Избранное. М.: УРСС. 2002. С. 16–17. «Понятия (conceptus)… являются *естественными знаками* (signa naturalia), они суть результат определенного взаимодействия понимающего ума и понимаемых объектов и непосредственно обозначают данные объекты. Понятия одинаковы у всех людей и народов. Напротив, слова… являются *произвольно установленными знаками* (signa secundum voluntarium institutionem), а потому различны у разных народов.

Оккам подчеркивает, что слова требуются для выражения понятий, которые сами по себе быть выраженными не могут (termini concepti... in mente manent et exterius proferri non possunt); при этом слова являются как бы подчиненными понятиям знаками (voces tamquam signa eis subordinata pronuntientur exterius)».

Мало того. Выступая от имени и по поручению социолингвистики, идеалист может перестать быть идеалистом, онтолог становится антропологом (например, М. Хайдеггер с его знаменитым «Язык есть дом бытия» для Dasein), эпистемолог – социальным философом (например, Ю. Хабермас с его «теорией коммуникативного действия»), лингвист – социологом, социолог – лингвистом, и все мы вместе – PR-специалистами. Почему так происходит?

Дело далеко не только в фиксации на языке и гипостазировании всемогущества речевой коммуникации. Слово действительно величайшая сила, и образовательная, и формирующая, и оживляющая, и губительная. «Вся наука

в словах и о словах», считал акад. В. В. Виноградов. Политическая лингвистика является реальным оружием власти. Психологический авторитет любого гуру зиждется менее всего на его чудесах и более всего на пленительной речи. Моральные кодексы, лозунги-знамена всех идейных движений, одухотворяющая способность поэзии, самоидентификация нации, священные тексты от Книги Пирамид до притч Заратустры, компьютерные редакторы, торговые соглашения, меморандумы и пресс-конференции, исповеди и газетные передовицы, – не только наука, «вся культура в словах и о словах». Само общественное поведение человека детерминируется языком.

Однако какое же именно внимание, каким образом организованный интерес, *что, в сущности,* позволяет отвлечься от философских различий, по праву считающихся основными, и объединяет в когорту социолингвистики ученых разных ориентаций? (Потому что ведь это не единая наука, а совокупность множества дисциплин, более или менее академических, более или менее прикладных).

Это «третья навигация», перед которой на время отступает и «первая», и «вторая». Поясним эти символические образы. Они связаны с именем и творчеством Платона.

Вот как это делают современные западные философы. По терминологии древних мореплавателей, ход судна под парусами – это первая навигация. Когда утихал ветер и паруса переставали служить, судно переходило на гораздо более трудное дело – управление веслами, и это называлось второй навигацией. Древнегреческие натурфилософы-материалисты искали объяснения законов бытия в причинах физического и механического порядка (вода, воздух, огонь, совокупность стихий; тепло и холод, конденсация и разряжение и т.д.). Идя этим путем, не удалось объяснить чувственно-воспринимаемое (феноменальное) чувственным же. Платон совершает теоретический по-

двиг, навсегда сделавший его королем философии: он открывает реальность сверхчувственного, нефизического, умопостигаемого мира Идей. «Вторая навигация», δευτεροσ πλουσ, персонифицировалась Платоном и его вкладом, с тем, что, без метафор, было результатом его собственных усилий». См.: Дж. Реале и Дж. Антисери. Западная философия от истоков до наших дней. В 4-х т. ТОО ТК «Петрополис». СПб, 1994. Т. I. «Античность». С. 104–105. (Думается, что траекторию «первой навигации» можно обозначить как луч (взгляд), направленный *на объект*, нечто вроде «постоянного тока». Траектории «второй навигации» – иммельман, фигура высшего пилотажа, вертикальный взлет в Гипер-уранию, царство *сущностей.* А вот «третья навигация», которую игнорировал король философии, была подготовлена, как кажется, софистами. Это горизонтальный «облет» участников дискурса, коммуникантов, не заинтересованный в реальном объекте, на естественнонаучный манер, ни также в его сущности, на манер философский. В такой ситуации целью является не сущность/истина, но *смысл/ценность,* объективность заменяется интерсубъективностью, абсолют – конвенцией, знание – мнением, познание – пониманием).

Третья навигация делает упор на интерпретацию, имплицитно подразумевая, что догматическое упорство в поиске незыблемой истины, или сущности, создало обстановку «скандала в философии», не принеся плодов, что ставит под серьезный вопрос существование подобного абсолюта. Необходимость же коммуникации слишком очевидна и сальтовитальна, чтобы ее доказывать. Она заставляет сплошь и рядом отказываться от полемики, борьбы «насмерть», в пользу дискуссии, которая ведется в целях консенсуса. Ради коммуникации пропагандируются и внедряются толерантность и плюрализм. Эта чуть ли не биологическая релевантность социального заставляет

прилагать усилия ради поиска всех возможных путей к кооперации, корпоративности, сотрудничеству, взаимодействию и т.п. Можно лишний раз вспомнить сильный аргумент, подтверждающий правоту, а если не подтверждающий правоту, то придающий убедительность главному тезису социолингвистики: Полцарства за коммуникацию. Необходимо для этого указать *на трудности перевода* с языка на язык, связанные с реальностью «лингвистической картины мира», описанной Б. Уорфом, Э. Сепиром и Л. Вайсгербером.

Теперь об особенностях *семиотического подхода* к языку. Семиотика – это также просодическая дисциплина, и она так же способна завуалировать различия материализма/идеализма, как и социолингвистика. Например, кому принадлежат следующие высказывания: «Термины… являются элементами, составляющими высказывание… Термин есть знак (signum) и, соответственно, основная функция терминов заключается в обозначении определенных объектов»? А также: «В собственном смысле слова и первично (primo et proprie) слова обозначают те же объекты, что и соответствующие понятия. Так, например, слово «птица» и понятие «птица» обозначают один и тот же объект – пернатое живое существо»? А они принадлежат тому самому средневековому схоласту Уильяму Оккаму, хотя под ним охотно подпишется любой современный семиолог-материалист (например, автор данных строк).

Родство семиотики и социолингвистики несомненно; можно сделать для краткости одну лишь ссылку на классика: «Первично язык является реализацией тенденции рассматривать объективную реальность *символически,* и именно это сделало его коммуникатором». Эдуард Сепир.

Однако отличие семиотического взгляда на вещи, во-первых, в том, что предмет семиотики много шире, нежели социолингвистики, то есть включает язык *наряду с другими*

знаковыми системами; во-вторых, в соответствующей широте этого взгляда, каковой не сводится лишь к «третьей навигации»; и самое главное, в-третьих: семиолог *никогда* не отвлекается от обозначаемого разнообразными знаковыми системами, в том числе языковыми, *объективного мира.* Имя—смысл—*объект,* «третья вершина» знаменитого семантического треугольника, символизирующего структуру знака, каковой есть, в сущности, «сверток» семиотической ситуации.

Семиотический треугольник, известный под именами немецкого математика и логика Фреге и английских семиологов Огдена и Ричардса, имеет огромное, до конца не осознанное культурологическое и философское значение. Поистине, несмотря на блеск упомянутых выдающихся имен, он сложился задолго до самой семиотики или, тем более, социолингвистики. Обратимся к важному произведению Вяч. Вс. Иванова ДО – ВРЕМЯ – ПОСЛЕ? – предисловию к кн.: Генри Франкфорт, Г. А. Гройневеген-Франкфорт, Джон А. Уилсон, Торкильд Якобсен. В преддверии философии. М.: Наука, 1984 (как, собственно, и к самой книге). Во вводной статье он рассматривает так называемый «Мемфисский богословский трактат», документ, связанный с идеей *творения,* оригинал которого обычно датируется серединой Ш тысячелетия до н.э. (если не полтысячелетием раньше). Это самый первый известный нам философский текст.

> «…Творение выражается в философских терминах в той мере, в какой египтянин был вообще на это способен: мысль, посетившая сердце бога, и произнесение повеления, воплощающего эту мысль в реальность. …Здесь… мы вплотную подходим к подоплеке учения о Логосе в Новом завете: «Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (С. 66).

Авторы уделяют трактату пристальное внимание. Памятник, о котором идет речь, – поврежденный камень, хранящийся в Британском музее и носящий имя фараона,

правившего около 700 г. до н.э. Фараон утверждает, что только скопировал надпись, сделанную его предками. Его заявление подтверждается языком и типично ранним внешним оформлением текста. Перед нами документ, дошедший от самых ранних времен египетской истории, от тех времен, когда первые династии основали новую столицу в Мемфисе, городе бога Птаха. Мемфис как центр теократического государства начинался на пустом месте, до этого он не имел никакого национального значения. Хуже того, Гелиополь, традиционная религиозная столица Египта, дом бога солнца и бога-творца Рэ-Атума, находился всего в 25 милях от Мемфиса. Необходимо было как-то оправдать новое расположение центра мира. Текст, о котором идет речь, – часть теологического аргумента в пользу приоритета бога Птаха и тем самым его жилища Мемфиса. Надпись, известная под названием «Мемфисский богословский трактат», – широкая философская система взглядов на происхождение вселенной.

Эта система использует *замысел* как порождение разумом идеи и *осуществление* через произнесение созидательного приказа с помощью речи. Мысль и речь – древние атрибуты власти в Египте… в нашем мемфисском тексте эти два атрибута власти даны в материальных терминах: сердце – орган, в котором мысль зарождается, язык – орган, который эту рожденную мысль превращает в чувственную реальность. Сердце испускает «всё, что завершено», т.е. каждую образовавшуюся мысль, а затем «язык …возвещает то, что измысливает сердце».

Все это приписывается деятельности Птаха, который сам есть мысль и речь в каждом сердце и на каждом языке. Он, таким образом, был первым созидательным началом, каковым является и теперь.

Птах приравнивается к Нун, первобытным водам, из которых возник Атум, обычно считающийся богом-

творцом. Это само по себе делает Птаха предшественником бога солнца…

> «Птах, великий; он – сердце и язык Девятки богов… который зачал богов… воплотилось в сердце и воплотилось на языке [нечто] в образе Атума”. Но созидательная сила Птаха не иссякает после того, как порожден традиционный бог-творец. Всюду, где присутствует мысль и повеление, – творит Птах. Те же созидательные принципы, чье действие в первобытных водах породило Рэ-Атума, действуют и сейчас» (С. 67–68).

До сих пор остается неопровержимой характеристика трактата, данная великим русским египтологом акад. Б. А. Тураевым в его истории египетской литературы, опубликованной в 1920 г.:

> «Мемфисский богослов едва ли не в половине Ш тысячелетия до Р. Х. измыслил своеобразную монотеистическую систему и объяснил весь мир как результат мысли и слова божества! Мы не удивимся, что этот текст уже использован историками учения о Логосе и исследователями источников герметизма» (С. 5). «…Так были рождены боги,… божественный порядок,… принципы существования,… различие между добром и злом,… искусства, ремесла и все виды человеческой деятельности,… провинции и города…» (С. 68). И наконец: “так было установлено и понято, что его (Птаха) мощь более мощи (других) богов. И вот Птах отдохнул после того, как создал все, и божественный порядок (слово божие) равным образом” (С. 69).

В египетской традиции бог Тот (точнее, Тховт) – «язык» другого бога (в частности, Птаха), его «вестник-глашатай» (недаром говорилось потом, что Тховт в Египте то же, что Гермес у греков). Само имя Тховта, возможно, образовано посредством префикса d- от того же корня, который представлен в имени Ху – бога божественного Слова, вместе с Сиа – богиней познания соотносившегося с Рэ также, как Тховт вместе с Сердцем-мыслью соотносился с Птахом. Но Тховт – и бог, благодаря которому написанное может быть произнесено, создатель всего множества языков, которые различаются физиологиче-

ски – поворачиванием языка во рту. Здесь действительно проявляется то понимание термина в конкретном физиологическом смысле, о котором писал Уилсон (С. 5).

В Египте имени (бога, фараона, любого явления) приписывалась особая магическая ценность, что при диалогической установке на собеседника… особенно наглядно проявилось в формуле «в имени твоем», от которой зависела судьба того, к кому обращаются, ср. также в «Текстах Пирамид»: «не умер он, не исчезло его имя». Сходным образом и в культуре шумерской… наименование, по сути, было равнозначно сотворению – созданию…

Несомненно, что египетские, как и древнемесопотамские представления о магии слова восходят к глубокой древности. И для развития самой шумерской и вавилонской мысли (и для всех окрестных областей, испытавших их влияние) понимание значимости имени-обозначения было чрезвычайно существенным (С. 6–7). Оно и вело к фиксации всех возможных обозначений в длинных словарных (по сути дела, уже энциклопедических) тематических списках специальных терминов (географических, зоологических, ботанических и т. п.)… по своему замыслу всеобъемлющих. Списки предполагали полный охват всего словаря и его тематических групп в сочетании с рассмотрением каждой единицы как отдельной и автономной. В этой шумерской традиции коренится уже та ориентация на ключевые слова энциклопедий, справочников, указателей и словарей, которые столько значат для современной формы хранения и передачи научного знания. …В шумерских, эблаитских, вавилонских (а позднее ассирийских, угаритских и других древнеближневосточных, как еще позднее – древнекитайских) словарных списках можно найти зародыши и научного подхода не только к описываемым фактам, но и к самому языку, на котором они описываются (С. 7). Это напряженное внимание к обозна-

чению посредством имен, характерное и для ранней греческой традиции, нашло отзвук в позднейших философских спорах об именах вещей и их роли, которые созвучны новейшей науке (С. 6).

Так вот же он, описанный впервые, возвеличенный языком мифа древнейшей цивилизации, семиотический треугольник: мысль–слово–мир! Или: имя–понятие–объект. Или: знак–значение–референт. Или: знак–десигнат–денотат. Или… Или…

И лишь когда, идя с разных сторон, кантианцы и марксисты, гегельянцы и феноменологи-гуссерлианцы, классические и постнеклассические философы поставят акцент на *активности познающего человека,* избирательной и самонадеянной, – взяв верх над семантикой, обособившаяся прагматика станет тем, с чего мы начали анализ: социолингвистическим подходом. Семиотический треугольник в его рамках не отменяется, но трансформируется, и в него имманентно входит субъект-человек. Можно сказать, что он становится «треугольником Пирса»: обозначающее (sign vehicle) – интерпретанта – интерпретат. Под «объектом», или интерпретатом, будет пониматься социальное явление, общественное отношение или сам социум. А интерпретанта – символизирующий, беседующий, действующий, говорящий, изобретающий и употребляющий орудия и знания, etc., etc. – *человек.*

«…Что это за существо, бытие которого заключается в понимании?.. Герменевтическая проблематика становится областью Аналитики того бытия, Dasein, которое существует, понимая». *(*Поль Рикёр. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: «Медиум», 1995. С. 8.*).*

Впервые опубликовано в:
Социолингвистические проблемы функционирования государственных языков РТ
Казань: Татар. книж. изд-во, 2007. – С. 175–180.

SIGNIFICATION AND THE PROBLEM OF TRUTH

Abstract. The great hopes of scientists in various fields, from computer science and mathematics to literature and art criticism, from analytical philosophy to poststructuralism, in the last third of the 20th and beginning of the 21st centuries are assigned to semiotics, or the general theory of signs, which studies signification and its laws. One of the options for the project of combining the efforts of scientists who accept semiotics not just as a general scientific discipline, but as a means of developing a certain *coine*, a common conceptual language for science and culture, started five years ago on the basis of the Institute of Semiotics of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, which is led by the vice president of the Academy of Sciences of RT, professional mathematician, and among the staff there are philologists, philosophers, specialists in the field of computer science and other sciences.

Key words: semiotics, sign, signification, language, meaning, truth

Signification, or designation (denotation, signalizing, symbolization) is the widest common procedure in scientific creativity and culture in general. The term “signification” comes in the closest way from the English word “sign”; it is, however, pan-European: (Zeichen, signo, seño).

The scope of the semiotic approach and the abstractness of the categories of semiotics are such that they allow us to speak at least of the theoretical and cognitive, if not ontological, universality of its approaches and the universal methodological validity of its tools. Man is capable of thinking only on the basis of the semiotic mediation of reality; moreover, the essence of consciousness itself as a whole is reflective, representative. The recognition of the great informative capacity and value of the basic semiotic concepts, as well as the extreme breadth of the

subject of semiotics due to the actual or potential symbolic nature of human science and culture, the instrumental nature of signs and symbols which science, ethics, religion, and art are full of, allows us to hope that that semiotics will play, in the near future, the role of a universal manifestor and communicator.

The subject of semiotics which is the rules and laws of functioning of symbolic systems has universal significance indeed. Any well-ordered phenomenon that becomes the object of knowledge, a person is inclined to understand as *meaning something*. A person makes any fragment of reality a sign or even a symbol if s/he ascribes a certain meaning to it. Semiotics therefore, being a general scientific knowledge, tends to a kind of "arrogant imperialism" (expression used once by U. Eco), that is, the spread of its vision throughout the world. Such hypostasis, of course, is something superfluous; however, the explanatory power of semiotics is really great.

The main semiotic idea was born long before semiotics itself. Even in the "*Memphis Theological Treatise*"[1], the creative *word* (name), *thought* and *world* were combined into a triad. Today this triad is called by the name of Gottlob Frege or the English semantics Ogden and Richards. In reality, the semiotic triangle is a symbol of the unity of the material and the ideal, and the place of the event of the meeting of these two worlds is a linguistic sign. The recognized founder of comparative historical linguistics Wilhelm von Humboldt believed that each language is the result of the interaction of three factors: the "real nature of things", the "subjective nature of the people" and the "peculiar nature of language". This is it, a *semiotic triangle*. In the *sign*, the interference of the subject and the object, of sensory and logical, of material and ideal, of individual and general, is carried out.

[1] See about this: Henry Frankfort, G.A. Groynewegen-Frankfort, John A. Wilson, Thorkild Jacobsen. In anticipation of philosophy. M.: Nauka, 1984.

Semiotics “officially” originated in the 19th century thanks to the efforts of the American logician and philosopher Charles Sanders Peirce and the ideas of the founder of structural linguistics, the Swiss scholar Ferdinand de Saussure, who included the science of language in the theory of signs. Charles Peirce studied the works of medieval scholasticism in scripts for a long time. After him, with a break of many decades, this huge intellectual work was done by Umberto Eco. F. de Saussure is perhaps better known, especially to philologists; however, in fairness, it should be noted that he expressed the initial *idea of the need* for the science of semiology, whereas Pierce *has constructed* it. Now we have two introductions to semiotics: “from linguistics”, when a sign is understood as an elementary *unit of the system*, and “from logic”, when a sign is understood ontically, as an independent dominant *entity*. Hence its fundamentally different definitions: 1) semiotics is the science of any systems of elements that signify meaning and transmit information; 2) semiotics is the science of the objects of knowledge and means that signify these objects.

The roots of semiotics, its genesis, its main plots (in fact, this is true for any European science) are *philosophical*. Teacher of F. de Saussure Michel Breal, the inventor of the term “semantics”, and founder of French linguistics, in the preface to “*Comparative Grammar*” by F. Bopp, draws a line from Bopp to Friedrich Schlegel, his teacher Karl Windschmann, and then higher up to Herder and Leibniz[1].

The value status of symbolic means in the human world, the possibility of studying language as a system of signs, the relationship of semiotic objects with forms of cognition, the materialization of abstractions, the problem of meaning and interpretation, the social transforming role of symbolism, the

[1] De Mauro, Tullio. Introduction to semantics. – M .: DIK, 2000. Trans. with ital. B. P. Narumov. 1st ed. – 1965. (Translator’s note).

interaction of language and thinking, and finally, the essence of truth has traditionally been the most important epistemological and general gnoseological problems, stood at the center of cognition theories or even accomplished the philosophical systems of individual thinkers.

In Russian humanities, studies on semiotics appeared around the middle of the twentieth century, also initially in philosophy (L. V. Reznikov, Leningrad, 1964; L. V. Abramyan, Yerevan, 1965) and then in linguistics (A. G. Volkov, Moscow, 1966). Tartu School led by Yu. M. Lotman gain fame; close to it were studies of the Moscow school, the most famous author was Yu. S. Stepanov. Leningrad scientific works were devoted mainly to literary criticism, and Moscow ones to linguistics. Our own centers of semiotic research appeared in the 70s. in Sverdlovsk (Yekaterinburg) and Kazan. Despite all the differences between the relativistic and substantialistic approaches, they retained the main semiotic postulate: natural spoken human language is a *sui generis* sign system, and it occupies a *central* place, being a *cor cordium* of all other sign-symbolic systems. All other codes – computers', informational-logical, cultural texts and forms of culture themselves, diagrams and maps, emblems, seals, phalerae and coats of arms, genetic information, animal gestures and signals, etc. – are "also languages", standing either "below" (as biological codes), or "above" the natural language (as technical codes).

The 1st Congress on Semiotics was held in 1974 in Milan. Recently, a three-volume dictionary of linguosemiotics was published, edited by late Thomas Sebeok (USA). Now semiotic literature, so to say, poured in full flow. When semiotics became a university discipline, scientific literature replenished with educational. Works of the following Russian authors are known: N. I. Mechkovskaya (her first works were devoted to sociolinguistics), S. T. Makhlina (semiotics of

everyday life), E. S. Nikitina (semiotics and behavior), Belarusian semiologist A. B. Solomonik (semiotics as the "alphabet of communication"); G. E. Kreidlin and M. A. Krongauz whose "Semiotics, or the ABC of Communication: a Training Manual" has withstood several editions. In 1993, a textbook was published by E. A. Tajsin on philosophical aspect of semiotics.

Observation of language, a universal signifier, is the main source of the semiotic ideas of ancient and modern scholars. Due to such an important role of its object, *linguosemiotics* occupies a central place among other branches – namely, technical semiotics, semiotics of literature, semiotics of culture and art. At the same time, language exists and is understood in three dimensions: syntactic, semantic and pragmatic, as Saussure pointed out. Semiotics, together with linguistics, has passed in recent times the following main stages: comparative-historical, structural-functional, nominative, and discursive-cognitive. Today, many new linguosemiotic disciplines are being born: generative grammar, linguistic logic, text linguistics, semiotics of discourse, ethnography of speech, ethnopsychoconflictology, ethnopsychosociology and even linguosynergetics, etc. There are many different classifications of language signs; those are built on dozens of grounds: according to the quantum of abstraction of the base word, according to the structure of construction (linear, branching, algorithmic), by the degree of openness / closeness, by the way of creation (spontaneous or planned) etc. For a semiologist, it is especially important to have the laws of the meaning of signs and "super signs" – syntaxems (the term of the linguist V. V. Zvegintsev) in the topography of the semiotic field.

The heuristic possibilities of signification are great. The languages of science and natural spoken human language, cultural forms and the genetic code, technical devices and media, signaling situations in the animal world and refined aesthetics

of elite consciousness, all kinds of ciphers and structures – all of these can be interpreted as sign systems (T. Sebeok).

And the agitational and optimistic part ends with this statement. Serious theoretical and practical questions arise.

The main problem of semiotics is the relationship between sign and meaning. It remained "problematic" to this day. How is it possible at all, to combine sound and thought, phenomena of different worlds that do not have common predicates? How strong and motivated is this relationship? Where is the meaning of our reasoning localized, and if "nowhere", then what is it? For example, many philosophers and linguists believe that a linguistic sign connects two "functives", the signifier and the signified, and the latter is an idea (for example, G. Frege and de Saussure believed in it). From this follows the thesis of the indissolubility of the signified and the signifier. Then it is not clear: why is this connection declared "arbitrary"?

E. Benvenist believed that his teacher Saussure interpreting the essence of designation resorted in fact, unconsciously and illegally, to the third term: "thing" in relation to which the sign is arbitrary. It seems that this cannot be avoided. So one of the deepest laws of human existence and cognition acts – namely, the semiotic situation.

Let us dwell a little longer on the limitations of the semiotic approach. It operates within the general framework of the principle of systemicity, although it does not exhaust it, but, on the other hand, it includes hermeneutic insights that do not obey systemicity.

The limitations on the possibilities of applying the semiotic approach are diverse. Umberto Eco, in his famous "*Theory of Semiotics*"[1], for example, spoke of "political" and "natural" limitations.

"Political" limitations are divided into "academic" restrictions associated with the fact that semiotics has become

[1] Eco, Umberto. A Theory of Semiotics. – Bloomington, London: 1976.

a separate discipline relatively recently; “comradely” restrictions on the part of the adjacent sciences, which achieve important results for semiotics, so to speak, “incidentally”; “empirical” restrictions associated with the underdevelopment of the theory of signs itself. “Natural” limitations are explained by the non-sign nature of many objects.

To this we can add that there are limitations of a philosophical nature, for, although the categories of semiotics in a number of cases reach the gnoseological level, but they do not reach the ontological universality. The world itself does not represent a system of signs, is not “charged” with information, contrary to profane opinion, it does not “speak” to the subject of knowledge; only a human being can give meaning to natural phenomena. Therefore, semiotics is not able to replace philosophy. Finally, a special facet through which semiotics can be considered is logic and methodology of science, – this “state in the state” of the theory of knowledge.

So: did the knowledge of some laws of signification help to analyze at least one art historian to analyze a film better, to a linguist to isolate the main language units and their correlates, to combine vocabulary and grammar, to a geographer – to build a topographic map? Do scientists who came to semiotics “from different sides” really understand each other? Or, according to Heraclitus, most people don’t understand what they are encountering, and having learned, they still don’t understand, although it seems to them [they do]?

Deeper answers are required to the questions posed, for it is not enough to indicate that signification is universal or close to that, and even to study the basic properties of sign systems of various kinds. It is necessary to reveal the regularity of the emergence and change of these systems, the causes of symbolism itself and the semantic transformation of symbolics, to show the value of this knowledge, the ability of semiotics to write a holistic scientific picture of the world, to anticipate the

unfolding of the laws of human existence based on understanding of the essence of man, human thinking and practical actions, which understanding semiotics gives.

We give a concrete example of the undoubted usefulness of general scientific approaches, namely semiotic, for the examination of particular scientific research.

Let us consider some of the ideas contained in the remarkable book of someone D. N. Zamyatin "Metageography: The Space of Images and Images of Space"[1]. Its other name is imaginary geography.

Written in a postmodern style, with the use of such powerful general scientific methods of cognition as systemic structural analysis, and such fruitful disciplines as semiotics, with the goal of bringing social science closer to natural science, this monograph offers many solutions to modern problems of geopolitics and political geography, geomorphology and "geophilosophy of language", in the field of geo-urban studies and studies of regional self-consciousness – and at the same time it gives rise to many new queries.

"*Images of space*", i.e. geographical images, and their specification as "the image of the locality, territory, region, country" – are of interest to the author of "imaginary geography" in several respects: substantiating the concept of a geographical image, studying its genesis and modeling, developing mechanisms for adapting this concept "in decision processes for important social problems (politics, ideology, education, socio-economic and cultural strategies)", the study of *geoculture* as a cumulation of geo-images (p. 13).

It is significant in this case that in the long list of social sciences and humanities that are "responsible" for justifying the key concept for D. N. Zamyatin, linguosemiotics and, even more offensively, *theory of knowledge* are absent. As we can

[1] Zamyatin D. N. Metageography: The space of images and images of space. – M.: AGRAF, 2004.

see, its absence leads to an annoying situation: though understanding the heterogeneous origin of the (geographical) image, the author, building his own text, does not consider it necessary – or he is not able – to distinguish between the *image*, *symbol* and *sign*.

This flaw characteristic of many modern scholars involved in postmodern discourse is explained in different ways; in particular, one can refer to neo-Kantian phenomenology, which totally excludes the "real", "physical" object from analysis; to the "second navigation" of Platonism, which makes a *Himmelman*n in search of the lost *eidos*; to the indivisibility of the reflective-critical and objectal language in many modern cultural texts, etc. But the main explanation is just that: without taking into account the family treasure of the materialist theory of knowledge – the principle of reflection – and, on the other hand, the running "working capital" of linguosemiotics – namely, techniques and practices of symbolization, – errors are inevitable.

We give clarifications.

An image is the result and basic structural unit of *reflection*. Reflection is a type of interaction of systems during which they exchange matter, energy or information in such a way that one of the systems acquires *similarities* with the other. The image has no other generic properties except *objectivity* (disposition, attachment to its original) and *similarity* to its object (there is *no* property of "maximum distance" and especially "obligatory mediation": say, the first stage of cognition, sensory perception, is characterized by immediate direct reflection of reality, observable data, sense data).

All differences in the images depend on the features and varieties of this very resemblance or similarity. And the first, main type of it is a contour geometric similarity, to which the geographical images of space fully satisfy. They are congruent with objective reality, and correspond to it orographically.

They are connected with their objects not by just one relationship, for example, by convention (as *signs*), but by *all* possible connections, starting with the genetic one and ending with the functional one. The principle of reflection in philosophy is based on these postulates. It is up to the scientist to accept or not accept it (at the risk of declaring that cognition is not able to correctly and *adequately* reflect reality), however, it is immutable that one should be aware of this and, most importantly, one should not mislead the reading public.

At the same time questions remain. If the subject of semiotics – namely, the laws of functioning of sign systems – does have universal significance (after all, any orderly phenomenon, including natural, that becomes an object of cognition, a person understands as a system that has a semantic content, that is, *something meaningful*), then why semiotics itself is defined as only a general scientific discipline? If it is a general scientific, and not a philosophical discipline, then its methodological, or rather, practical significance should, by definition, exceed its worldview value. Then why is it so difficult to give a concrete answer: *what exactly* is the practical significance, what is the benefit of applying the semiotic approach to the analysis of the phenomena of culture and being in general in comparison with other – special – approaches? Why, it remains unclear, is it better to characterize the film with the help of semiotics, and not with the help of art history? Why does postmodern fashionable analysis, namely, text deconstruction, require semiotics rather than literary criticism? How is a semiotic approach better than computer science in itself? And why is there no semiotic study that would bypass worldview issues – the origin of consciousness, the laws of knowledge, the specificity of human existence, and the like?

The nature of semiotic concepts requires research and refinement. Often these have an intuitively clear content and philosophical meaning (for example, the famous Frege trian-

gle, also known as the Ogden-Richards triangle or the Peirce triad). In reality, however, they are very complex and need analysis using all the power of gnoseology. Thus, the dialectics of image and sign is the most important philosophical aspect of semiotics, and its solution depends on the knowledge of the dialectics of the subject and the object of cognition. The problem of the conventionality of the sign is a species in relation to the dialectic of necessity and contingency, conditions of cognition, etc.

The principles of selection and combinatoriality in syntactics, the first part of semiotics, are insufficient (for example, to explain the laws of phonology), they need support on the theory of completeness and incompleteness of knowledge. The central problem of semantics (the second part of semiotics), i.e., the nature and essence of meaning, depends on the solution of the problem of ideal. The third part of semiotics, which is pragmatics studying the relationship of signs to a person, always demonstrates the fundamental dependence of its presentation on the type of scientist's worldview.

As to an attempt to build consistent sigmatics (the fourth part of semiotics proposed by G. Klaus), responsible for the relationship of signs to objects, it encounters methodological difficulties caused by the uncertainty of the concepts of form and content in the sense of their nonaxiomatizability. (At the same time, in the theory of music, for example, these categories are generally declared "bored," and instead, musicologists today speak of ... "form and harmony").

The problem of sign and meaning, broadly speaking, is the problem of the correlation of material and ideal. In a semiotic situation, the ideal appears as *meaning*. The meaning, we declare immediately, is an abstraction, a certain qualification of the ideal. The meaning is "not given to us in sensation". The *signifier*, sign "body" transporting meaning (sign vehicle) *is*

sensed; it is usually material, except for the reproduction of a sign from memory. And the third (or rather, the first) component of the semiotic situation is the *signified* – object (referent, denotatum, significant, nominant, representant, interpretant, etc., *quantum satis*), that is, a real or ideal object of designation, a thing.

What, then, is a sign? Here are scholastic definitions that are quite acceptable today. A "sign" ...designates that which leads to the knowledge of something else and is intended to mean it ("*natum est pro illo supponere*") or to be added... in a statement... ("*vel tali addi in propositione*") ... these are syncategories, and verbs, and those parts of speech that do not have a complete [sign] – or what should be composed of the above – this is the sentence. And with this understanding of the term "sign", the word is not a natural sign of anything"[1]. This will almost literally be repeated in recent times by C. S. Peirce in his "*Collected Papers*": Something which stands to somebody or something in some respect or capacity. Nevertheless, these definitions are really too general, and besides, these outstanding logicians, for an unknown reason, did not want to build definitions according to the scheme legitimized by Boethius.

The greatest difficulty in the discussion at all times was caused by the problem of the semantic side of the linguistic sign, its ideal substance. Today it cannot be said that the problem of meaning has been resolved. This term, as a rule, is introduced without definitions and is understood intuitively (likewise the term "sign" is introduced in computer science). The intrigue is that until a phase transition from the

[1] William Ockham. Selected Papers. – M.: "RAS IF Publishing House URSS", 2002. – P. 7. /In Russian/. See also: William of Ockham, From His Summa of Logic, Part I: Adam (of Wodeham's) Prologue, Ockham's Prefatory letter and Chs. 1–56, 8–13, 26–28, 30–31, 33, 63–66, 70, 72, with summaries of Chs. 7, 29, 32. Copyright © 1995 by Paul Vincent Spade. eBooks@adelaide.edu.au

(ontological) essence of a thing with its accidents to the (gnoseological) "*Schein*", from the material to the ideal, from the sensually perceived world to sensory perception, reasoning for these topics will remain speculative.

Most often, the categories "activity", "experience" and "practice" are used for explanations. There is some sense in this. The essence of a thing is manifested only in *operation*, in *working* with an object. The very German word *thing* (English), Ding (German), comes from the word "ting", veche, the general meeting of the tribe. Or the familiar "What's the *matter*?" shows us the same unity ("matter" as substance, thing, and deed). It can be assumed with a certain degree of certainty that Aristotelian "*ousia*" says the same: it is an entity that manifests itself in human activity. Usia → use. (The word "*ousia*" originally denoted, by the Greeks, the real price of property offered as a guarantor in commerce; this is being-in-action, that which changes).

An object that cannot be processed is declared unknowable, or rather, *essentially* unknowable. But to the extent that the object lends itself to view, it is already known, and not only potentially knowable. To declare something unknowable is to declare that it is not amenable to processing, but still cognizable as "non-amenable to processing" or even "non-amenable to *Anschauung*" in the sense of perception.

By the way, G. Frege considered intellectual intuition as an active process, denoting it by the term "grasping". This is the only relationship connecting the sign with meaning (semantics), the sign with a person (pragmatics). In this process, thinking does not create thoughts, but enters into a relationship with something objective.

Let us recall (once sacramental) Lenin's words: "Every mysterious, tricky, ingenious difference between a phenomenon and a thing in itself is pure philosophical nonsense. In fact, every person has seen the simple and obvious transfor-

mation of “a thing in itself” into a phenomenon, “a thing for us” millions of times. This transformation is knowledge”[1].

If there is a transformation, then there might be a substitution, a transition *from* one *to* another... If there is no transition, then there is simply nothing to build the theory of knowledge on, but if it exists, then why is there no simple replacement of material with spiritual? “But this is a dialectical transition! This is not a mechanical replacement, but *Aufhebung*, removal!” – you can fend off. Otherwise, in order to be spiritually born, one would have to die naturally ...

In this philosophically suspicious “transition” nothing concretely changes in content in the natural, external, material world. The ideal does not constitute another world, another corner in this world, it is not a double-ganger and not part of the sensually perceived physical reality, but no one has yet managed to define the ideal else than negatively: “ideal is *not* material”. And unless a scientific explanation of the “growth” of this higher form of movement from all others has not been composed, any strict knowledge of the basic cognitive relationship is also impossible. It will remain a postulate, open to critique at any time.

You can try to line up an explanation of a different kind. For example, we could take advantage of the not-so-effectively used but perspective term “presentation”, *Vorstellung*, which is a form of cognition that is intermediate between the sensual and abstract, being central in its position on the “ladder” of cognitive ascent.

“Otherwise the singular is felt, otherwise the general is conceived” in the same subject, Boethius believed. But in presentation (*Vorstellung*) firstly, the individual is felt “not otherwise” than the general is conceived: they are equidistant

[1] Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. Глава II. Теория познания эмпириокритицизма и диалектического материализма. ПСС, т. 18. – С. 120. /In Russian/.

from the concrete object of perception; secondly, “presentation” in Latin (and in English) is *notitia*, *notion*, which emphasizes the connection of /re/presentation with *designation* (language). The explanation of the ideal through presentation “threatens”, however, with semiotic imperialism and “existential” materialism; but the most important ontological position is happily postulated: “matter is the subject of all changes”.

Presentation is a gnoseological correlate of the “ideal” which is an ontological attribute of consciousness. “Consciousness” implies reflection, “ideal” does not. Not the “world” exists as a “/re/presentation”, but the ideal consciousness exists “as”; moreover, it *is* a /re/presentation.

There is no presentation in nature; there is only substitution. However, what has been said does not apply to signals issued by animals: this is a type of signs. Then it’s more accurate to put it this way: *there is no presentation in the inanimate nature*. From here follows the coincidence of the ideal and the presentative in volume, as *inherent in the psyche*.

That is why gnoseological images are compared with signs or declared as signs (symbols, hieroglyphs, etc.), which tempts their ability to present. But the sign is not just a presenter, it is a ***re***presentant.

The unity of semiotic and philosophical problems does not exclude the possibility of at least approximately distinguishing, firstly, those that are studied mainly because of their importance for special sciences; secondly, the problems on whose solution the improvement and fruitfulness of the semiotic approach itself to various spheres of human life (as well as other general scientific approaches – information-theoretical, cybernetic, system-functional, etc.) depend on; thirdly, and it is most important for us, these are problems that do not so much serve specific sciences from a “technical” point of view as they have great philosophical meaning.

Problems of the first kind can acquire universal gnoseological significance over time, and vice versa, the most general philosophical conclusions may interest a researcher who is engaged in special science. And the explication of semiotic concepts, the expansion of their layer, the formation of a semiotic approach in connection with the tendency to integrate science allowed Russian scientists in the 70s. of the XX century use appropriate techniques to build general scientific information models (I. I. Grishkin), ternary description language (A. I. Uyemov, A. Yu. Tsofnas), variants of system theory (Yu. A. Urmantsev, A. I. Uyemov), etc.; undoubtedly, logicians, linguists and philosophers rely on them, too.

The essence of signification has been the subject of debate for many years.

A simple denial of the immanently symbolic nature of human existence and human consciousness makes the problems of nature and the essence of culture, the content and forms of consciousness, the specificity of language, etc. – unsolvable.

But a simple recognition of the symbolism of human culture and mentality, human ability to understand the world and its phenomena as *something significant* poses an old gnoseological problem: is it possible for consciousness to be an image (and not a hieroglyph or constructor) of reality, and is it not better to go to little-binding terms “reference”, “correspondence”, “correlation”, etc., speaking about the relationship of language, meaning and reality?

Therefore, both denial and recognition of the universality of symbolism are under one common question; and cardinal philosophical reflections and their results depend on his decision.

A clear positioning of the problem of truth depends on how signification is understood. Theory of truth as *reference*

(Greek-Lat.: *ferrein* – to bear, to carry) is based on sigmatics – the relationship of the sign (name, utterance) and the object. Theory of truth as *efficiency*, or clarity providing interaction, is based on the relations of a sign and a subject, i.e., pragmatics. Theory of truth as a *coordination* of statements (and in general all shades of conventionalism and operationalism) is founded on the relationship of signs among themselves, i.e., syntactics. Theory of truth as *correspondence* studies the relationship between a sign and its meaning, namely, semantics. The research area that is studied jointly by the theory of cognition, semiotics, logic, epistemology, and to some extent psychology, which is the relationship of meaning and the object, depending on how the problem of the ideal is treated, as a result of critical reflection, ends, schematically speaking, either as a theory of *coherence* (epistemology, analytical philosophy), or a theory of *correspondence* (gnoseology).

In the latter theory truth is interpreted as a variant of reference, or, again, *correlation*: they speak in the same row about the *correct*, right-*up-to-rules* and *adequate* correspondence of the ideal image of consciousness to its object. (And this, notwithstanding of how much effort logic makes to contrast the formal correctness and substantive truth of the judgment).

It is right that the term “relatedness” or “co-relatedness” (reference) in itself does not yet speak of the truth of anything; it needs species specifications. Such metaphors in gnoseology and even rigorous epistemology are “correspondence” (respond, “answer”), *mitstimmen* (Germ. “voice”), “coincidence” (“fall” together) “coordination” (“order”), “conformity” (“form”), “combination” (“*bini*”, two-by-two) etc. The requirement of clarity and the strictness of definition, generally speaking, should prohibit the use of metaphors... The term “adequacy”, as a gnoseological category that has a solid tradition, should be preserved; but its content should finally be described from the point of view of not so much volume and

structure (“isomorphism”, for example) as intensively, with identification of such properties as *resemblance* and *similarity* as necessary explicandas.

These categories have a very rich meaning, its analysis and disclosure is one of the “growth points” of gnoseology in general. In addition, the term “adequacy” should cease to be associated under the guise of explication (but in fact superficially) with coordination, correspondence, conformity, or even “isomorphism” (“form”) and model (“mode”, reduced form), because, firstly, etymologically it does not mean anything other than equalization, equivalence; and secondly, acting as a synonym for the above-mentioned relations, it becomes indefinite, replacing the “old” developed theories – those of correspondence, coherence, etc.

In Soviet-Russian literature, for obvious reasons, an equal sign was put between the theory of knowledge and the theory of reflection. At present, attempts are being made to get away from “contemplative materialism”, “inert epiphenomenalism”, “copy theory”, etc., as the theory of reflection has come to be called. The stake is mainly on the reorientation of the logic and methodology of science towards the “value aspects of cognition”, “background knowledge” and sociocultural determinants. The results are still small; there are basically two of them: the transfer of emphasis from “focal” knowledge to “background” one and positing representation along with reflection, and in some cases also the transfer of emphasis from reflection to representation. On the other hand, the question “Are necessary truths true by convention?” undermining conventionalism – the basis of semiotic idealism, – objectively serves to strengthen the theory of truth as an identity.

G. Frege believed that the difference between /re/presentations (*Vorstellungen*) and reality is the most essential in determining truth, although, apparently, in this case there can be no complete coincidence and complete truth:

"*Dabei ist es gerade wesentlich, daß das Wirkliche von der Vorstellung verschieden sei*"[1]. He wrote that it is necessary to distinguish between the expression of thought and statement, utterance. It is clear that reality differs from presentations, presentations – from expressing thoughts, expressing thoughts – from utterances, this is trivial. True, thanks to the ongoing conversation about "correspondence", "conformity", "coincidence", "compatibility", etc., we are entitled to talk about their imposition; the result will be agreement in some aspects and inconsistency in others. But then nothing at all can be considered true? That which is only half true, that which permits gradation, is no longer true? Or is it possible to state the truth even if there is a coincidence only in a certain respect? But in which one? Plato asked the same through the mouth of Socrates in "Cratylus", the classical antique semiotic dialogue[2]. "…how ridiculous would be the effect of names on things, if they were exactly the same with them! For they would be the doubles of them, and no one would be able to determine which were the names and which were the realities". (432d). This thesis is better known than its argumentation, which is original and shows a magnificent presentation of the dialectic of discontinuity and continuity in the relation we are interested in: a method of approximation to (absolute) truth. "…the number ten at once becomes other than ten if a unit be added or subtracted, and so of any other number: but this does not apply to that which is qualitative or to anything which is

[1] Frege, Gottlob: *Der Gedanke. Eine logische Untersuchung* // Logische Untersuchungen. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 1993. S. 60. Quotation here from: http://www.gavagai.de/HHP32.htm#anfang

[2] Платон. Кратил. Сочинения. В 4-х т. – Т. I. – М.: 1968. Quotation here from: Plato. Cratylus. From: The Complete Works of Plato. Compiled by Dr Mohamed Elwany. Translated by Benjamin Jowett. http://www.cakravartin.com/wordpress/wp-content/uploads/2008/08/plato-complete-works.pdf
After Plato, Aristotle expresses two main semiotic ideas: language is a semiotic system; word and sentence are signs.

represented under an image. I should say rather that the image, if expressing in every point the entire reality, would no longer be an image" (432b). And further on: "Then you see, my friend, that we must find some other principle of truth in images, and also in names; and not insist that an image is no longer an image when something is added or subtracted". (433d). "…do not insist that the name shall be exactly the same with the thing; but allow the occasional substitution of a wrong letter, and if of a letter also of a noun in a sentence, and if of a noun in a sentence also of a sentence which is not appropriate to the matter, and acknowledge that the thing may be named, and described, so long as the general character of the thing which you are describing is retained…" (432e). True, one legislator – the name master may turn out to be good, the other – bad, so that among the names some will be made well, others will be bad: "…when the general character is preserved, even if some of the proper letters are wanting, still the thing is signified; – well, if all the letters are given; not well, when only a few of them are given… or if not, you must find out some new notion of correctness of names, and no longer maintain that a name is the expression of a thing in letters or syllables". (433b.)

Frege explains it to us: "*Denn* in einer Definition gäbe man gewisse Merkmale an. Und bei der Anwendung auf einen *besonderen* Fall käme es dann immer darauf an, ob es wahr wäre, daß diese Merkmale zuträfen"[1]. (The fact is that each time an indication of some signs is included in the definition of the true: but in each case it is necessary to be able to decide whether it is true that these signs are present).

Does the meaning of the sentence depend on the conditions of its truth? At present, this has not been proved. While

[1] Frege, Gottlob: *Der Gedanke. Eine logische Untersuchung* // Logische Untersuchungen. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 1993. Taschenbuch – 146 Seiten. Quotation here from: http://www.gavagai.de/HHP32.htm#anfang

the Russian author speaks about meaning, the meaning of the *word* is always meant. And when we read the texts of English-speaking authors, they refer to the meaning of the *sentence*, *the statement*. This is due to the different nature of English compared to Russian: English is analytical. And therefore, the question always arises about the conditions of *truthfulness* in connection with the question of meaning.

It is impossible to equate the ability to realize the fulfillment and non-fulfillment of the conditions for the truth of a sentence, which is characteristic of epistemology and analytical philosophy, and the knowledge of what these conditions are. But even such a departure from conventions to objective examination is nevertheless enclosed within the framework of the analysis of truth as truthfulness of a *sign*, which is typical of logic and linguistic philosophy. Without questioning it – otherwise the heuristic ability of signs is being questioned! – the question must be posed differently: can a statement be true in itself, without its ideal content, its sense, be true? Sense is the substance of language; therefore, the question under study is the problem of the adequacy of the ideal and the material. And here we fall into a vicious circle.

For then we will have to examine whether it is true that the sentence, idea, thought or image coincided with something or correspond to something. In the same way, if we refuse to analyze for coincidence or correspondence, any other attempt (compatibility, isomorphism, similarity, adequacy = equivalence, etc.) will fail.

Let’s start over again.

The fact that the process of cognition is a kind of unity of reflection and designation was accentuated by almost all major philosophers: Hegel and Fichte, Frege and Peirce. The worldview and methodological analysis of the true and the untrue has probably the deepest and most serious history. Aristotle stood at its source. The first strict and consistent definitions

were given in 1931 by Alfred Tarski, who linked truth with feasibility. The works of Tarski and Gödel, as well as successes of semantics and logic have demobstrated that an exact definition of truthfulness of a statement can only be given in a meta-language, in relation to which a statement subjected to verification of validity is in the domain of an object language containing statements of more complex logical types.

In 1930, M. Heidegger posed the problem exactly as we are trying to do it today: he investigated the role of /re/presentation not only in acts of cognition, which are always supplemented by notation, but in the processes of assimilating *des Gesagtes* to an opposing thing – *der Gegenstand* – as such, in its open *ens*, considering that what makes righteousness and correctness possible to be the essence of truth. The most important judgment is: the measure for the presenting assimilation (open as correctly open) takes (or should take upon itself) the prescription of the directing measurement for the whole process of presentation, "a measure and a stand against the confusion of opinions and reckonings"[1].

It is proposed, in a much less individualized and poeticized language, to discuss truth as representation using a term taken from the theory of speech acts: *direction of fit* (direction of coincidence). It allows one to simply and briefly explain the subject's orientation to the order of things or the order of conscious states. "Truthfulness" is a characteristic of consciousness; "Understandability" is a characteristic of an object, its embeddedness in a given semantic and syntactic system in the given socio-cultural circumstances.

[1] Хайдеггер М. О сущности истины // Философские науки. Хайдеггер М. О сущности истины // Философские науки. – 1989. № 4. – С. 65. /In Russian/. Heidegger, Martin. *Vom Wesen der Wahrheit*. Frankfurt am Main, 1961. See also: Heidegger, Martin. On the Essence of Truth. https://aphelis.net/wp-content/uploads/2011/02/Martin-Heidegger-On-the-Essence-of-Truth.pdf

However, a great number of philosophers, including Frege and sometimes Heidegger himself, call true (or false) not only real joy, real certified gold and all of that sorts of things, but also judgments about them: "We call true not only an actual joy, genuine gold, and all beings of such kind, but also and above all we call true or false our statements about beings, which can themselves be genuine or not with regard to their kind, which can be thus or otherwise in their actuality"[1]. Ontologizing truth in general [*Lichtung im Wald*], Heidegger was forced to explain why then the predicate of reality does not allow us to distinguish truth from falsehood. "The true is the actual. Accordingly, we speak of true gold in distinction from false. False gold is not actually what it appears to be. It is merely a "semblance" and thus is not actual. What is not actual is taken to be the opposite of the actual. But what merely seems to be gold is nevertheless something actual. Accordingly, we say, more precisely, actual gold is genuine gold. Yet both are "actual," the circulating counterfeit no less than the genuine gold. What is true about genuine gold thus cannot be demonstrated merely by its actuality"[2].

It turns out that neither correctness, nor coherence, nor reality in itself can be definitive properties of truth, for correctness appears when truth is already there, and it is itself determined through truth, and consistency/coherence as well as reality or actuality, characterize not only truth but also other relationships and states.

In return, Heidegger achieved an important result for those philosophers who are not concerned, like him, with the extension of the concept of the true to the thing: he shows what, in essence, *resemblance* is and proves that the similarity of dissimilar in nature [*physei*] phenomena is not only possible, but

[1] Ibid.
[2] Ibid., p. 92.

it alone makes it feasible to equate the statement about the object and the object itself.

Comparing the two gold coins (as both Frege and Heidegger did): they are in accordance with one another. They come into accord in the oneness of their outward appearance and are identical in this respect. However, the *judgment* about the coin, say, "This coin is round," is also consistent with it; but *how* is such accordance possible? The coin is round, and the concept of it has no spatial character at all. The coin is, and the concept is not a means of payment; the coin is material, it is metallic, and judgment is immaterial, etc. What is consistent in them? What do they have in common, what similar? "…this accord is supposed to be a correspondence. How can what is completely dissimilar, the statement, correspond to the coin? It would have to become the coin and in this way relinquish itself entirely… The moment it did, it would no longer be able as a statement to be in accordance with the thing. In the correspondence the statement must remain – indeed even first become – what it is"[1].

It is not enough to prove that the ideal cognitive act is a *reflection*, and if so, automatically (let it be "for the total humanity", "commonly", "in general", etc.) it can be considered true. The falsity is also actual; the untrue image is also an image, and practice can be as much a criterion of its effectiveness as for a true image.

It has been settled long ago that "...even false, erroneous and generally lacking an objective referent knowledge can lead an activity to a preassigned result"[2], and, say, "sensory data, being the result of the impact of an object on the senses,

[1] Ibid., p. 95–96.

[2] Kassavin I.T. On the descriptive understanding of Truth // Philosophical Sciences. – 1990. No 8. – P. 65. /In Russian/

its reflection, are, however, insufficient to distinguish between reality and illusions...”[1].

It is important to find out exactly what qualities, properties, differences make an image an image, and then also a true one. The first necessary property, as is known, is objectivity. One must have the original in order to be an image, material or ideal. The second quality is the similarity with this original, and not only geometric or physical, structural or external, but also both these and many other types of similarities that should be taken into account and analyzed in gnoseology. This rich category has not yet been sufficiently developed, leaving the true image to be intuitively understandable. Therefore, every study that touches on the concepts of similarity and resemblance is so important.

The area in which the concept of truth is applicable is sense, *Synn*, Frege argued. And in this area it is impossible to verify it by simple superposition, by combining. Frege also took an example with a gold coin: if, for example, in many cases it is possible to verify the validity of a banknote by simply combining it with a reference one, then an attempt to verify the truth of a gold coin by overlaying it on a banknote can only cause a smile. But Frege does not go further – to the study of the essence of similarity; he limits himself to putting truth in logic, and the latter offers, in its turn, its own set of verification rules.

On the other hand, the conclusions drawn by Heidegger seem to lead away from truth as a human dimension of /re/presentation to an *ontologized* truth, leaving the sphere of the subjective in general and interpreting truth as the non-concealment and non-obscurity of Being. However, one can agree that, when a certain relation becomes presentation, it thereby becomes in essence a similarity (in a non-essence,

[1] Mikeshina L. A. Contemporary problematization of the eternal theme // Philosophical Sciences. – 1990. No 10. – P. 79. /In Russian/

though, it can remain a non-similarity). Truth is an ideal image and resemblance of nature (first navigation), of eidetic essence (second navigation), and of human relations (third navigation). The first condition of truth is the first condition of imagery – it is the presence of another, *des Entgegens*.

These thoughts were developed by I. S. Narsky: there is a specific, namely dispositional, character of the relationship of sensations and objective properties about which they (sensations) inform. Objects have a disposition in the form of the quality to generate sensations, and sensations – and *psyche* in general – have a disposition of "living through" objects. In a vague form, this was anticipated even by Anaxagoras: he believed that sensations arise due to the opposite, because "the like does not affect the like". I. S. Narsky pointed out how wrong Hegel and Berkeley were: one – believing that thinking can know only that which is related to it, i.e. thoughts, the other – believing that cognition is bound only to "ideas", for "ideas" are similar only to "ideas", and cognition is possible only where there is a similarity. But it is important that almost all scientists recognize the property of similarity, or resemblance, as the second main condition or circumstance of the truth of knowledge. And Heidegger is right in asserting the possibility of similarity of things different by the nature.

Objectivity is a generic property of the reflection relationship in general. Similarity is a quality of a true image.

Truth, surely, is subjective, and this is manifested in many ways; First of all, it belongs to the subject and does not exist outside of it. Symbolic instrumental knowledge, "hypothetical-selective, creatively-projective, interpretative activity", etc. – all this is subjective (and L. A. Mikeshina is absolutely right in this)[1]. And not only constructivization, categorization, attitudes and expectations inherent in higher cognitive situa-

[1] Mikeshina L. A. Philosophy of Cognition. Polemic chapters. – M.: Progress-Tradition, 2002. – P. 31. /In Russian/.

tions, but also the physiological limitations of perceptions and sensations by the capabilities of the nervous system itself are superimposed on the reflection ratio of the object, making the image subjective. This is pretty clear. Another question is more complicated: how is the existence of a true image possible? And what can be recognized as a guarantee of the truth of reflection?

For example, how can the image in the mirror be wrong? Suppose we have an uneven mirror surface. But the laws of optics will not change when a curved-surface mirror shows us a different image than a flat, smooth, "correct" one? This will be a true image cast off by the "wrong" mirror. Their difference is a subjective matter, a question of interpretation, of the purpose of using the image. *Schein*, appearance, is also a phenomenon that does not violate the laws of nature and does not go beyond them. To consider it as a deception on the part of the object or a mistake on the part of a person, to call it in an untrue image in cognition is impossible in any absolute way. It's just that the beam glides longer on an uneven surface; *Schein* is a phenomenon reflected not in the shortest way from the external and "shaped" to the internal in essence, but in a long, complicated and indirect way.

The "untrue" image, therefore, was obtained "not by the right person", "not so" or "not there". "The measure of all things" establishes the existence or non-existence of a specific reference of an object and a "mirror", as well as the "curvature" or "plane" of its surface, guided by intuition, convention, tradition, fruitfulness, efficiency, etc.; there are many auxiliary criteria of truth.

A special case is an image on a mirror with a flat surface, which does not represent the entire object, but some part of it. It can be qualified as a true image (in analysis operations), as the only available, and therefore useful and acceptable one

(model), or as a deception, a “figure of default”, insufficient and untrue.

Not only in different sciences, but also in philosophy itself there is pluralism in understanding of truth. As a category, it is the prerogative of the theory of knowledge and logic; other types of cognition use this term loosely, and other forms of social consciousness have their analogues of truth: utility, convention, faith, provability, evidence, etc.

Truth in gnoseological aspect is characterized by coincidence, conformity, or congruency, on the basis of the existing similarity of image and object; in the aspect of worldview – by objectivity, genetic “secondarity”; in methodological – by normativity, correctness (rule); in axiological – by value (verity, justice); in praxeological – by utility and reliability. In general, in science, truth is reliability, in art it is typification, in religion – faith, in politics – contract, in economics – profit, etc.

Non-truth in gnoseological terms is a mismatch, dissimilation of an image and its object; in the aspect of worldview it is fantasy, mysticism; in methodological terms it is error, i.e. method error, or falsehood; in axiology it is harm, injustice; in praxeology – insecurity and inefficiency, etc. Epistemologically, truth is the principle of knowledge; non-truth is a violation of the principle, but it arises from the essence of truth (in M. Heidegger). Deviations from the truth have various reasons, including the one pointed out by F. Bacon: people like lies. Therefore, all various deviations must receive different explanations.

The criteria of truth in different areas of knowledge, in culture in general, should vary greatly.

Reflection and presentation, the ideal and the true, all have their own history; and the criterion (criteria) of truth also has got it.

Apparently, the adequacy of lower-order mental images should be deduced from their biological relevance.

The sensations and perceptions were “correct”, useful and served the continuation of the genus in the cases when they reflected the repeated, nonrandom, necessary connections (properties, relations) of things. They were remembered, preserved together with the evolving genus, and were “closer” to the object, because the more often the encounters with the object come in, the clearer, more reliable, and more correct the image is.

Wilhelm Dilthey’s idea that there was initially a criterion of truthfulness seems interesting: it is a feeling of pleasure, the shortest way to analyze the biological relevance of sensations, confirming the correctness of reflection of the vital properties of a thing[1]. But long before Dilthey it was John Locke who defined pleasure and pain as the basic regulators of mental life: “I can produce in myself both pleasure and pain, which is one great concernment of my present state. This is certain: the confidence that our faculties do not herein deceive us, is the greatest assurance we are capable of concerning the existence of material beings”[2].

Accepting this point of view, it can be said that the sensory images that arise in a normal, healthy body are, in principle, true. A mistake of feeling is a system dysfunction, a disease in which the psychics changes pathologically: for example, with the drastic loss of a sense of pain.

Sensations and perceptions reflect the order of things and reveal their properties; but they also testify to the existence of a lurking essence of things vital to the living body. The heretical thought for the theory of reflection – that ‘sensations are signs’ – is periodically revived in different thinkers, from Helmholtz to Dilthey, from I. S. Narsky and A. A. Zinov’ev to modern young philosophers.

---

[1] Dilthey W. Descriptive Psychology. – M.: 1924. P. 84–85. /In Russian/

[2] Lohn Locke. An Essay concerning Human Understanding. Book IV. Chapter XI. Of our Knowledge of the Existence of Other Things. Item 3. http://ebooks.adelaide.edu.au/l/locke/john/l81u/

One can still make an attempt to give logical definition of truth. We take the liberty to characterize truth in a traditional way.

By nature, truth is ideal. Truth is a characteristic of knowledge, not of things. It is an ideal image, and as such, it has the properties of presentation and objectivity inherent in any relation of reflection. *Ideality* is a generic property of consciousness in the *ontological* aspect; in the *gnoseological* aspect, such is *truthfulness.*

Generic property of truth is ideal presentation of the object, in both senses of the term "ideal" (Plato's and modern), and in both meanings (Latin and Russian), of the word "presentation". Generic formal traits of truth, therefore, are resemblance to an object, similarity to it, and ideal presentation. Species' definitive property of truth – is presentation of *the order* of *qualia* and *relations*, "*ordo et coherentia*" of and in things. A non-true image is a non-essence; but it is, nevertheless, presentation, likeness, reflection, and interaction. The materiality of the object of knowledge is determined in / by practice.

Accidental properties of truth – are transported traits, necessary or contingent, external or internal, obvious and non-obvious, substantive and formal, etc.

To this logical attempt, we have to add gnoseological characteristics.

Not every relation is presentation, but every presentation is ideal in nature. Truth is human dimension of representation. This is the most complete and perfect, that is, a meaningful characteristic of cognition.

Measure of the depth of truth is the degree of presentation of the knowable entity revealed in cognition.

Measure of the completeness of truth is the presentation of the revealed generic characteristic of the object of knowledge.

Measure of preciseness is morphism.

Essence of truth is *ideal presentation and transfer (transporting, transference) of order*, i.e. following of things, properties and relations, events and actions of one beside the other and one after another; deepening congruent similarity of knowledge to the essence of things.

Truth combines process and performance (result) with an emphasis on relatively complete knowledge, namely, sustainable presentation. Subjectively experienced, truth is a feeling of pleasure from the discovered, open, perceived, and appropriated order.

Deviations from truth have different reasons and therefore must receive separate characteristics. Some of the attributes of truth mentioned here apply to non-truth; others do not apply. But in the main, non-truth is not an attribute of the ideal. Consciousness is in general a true image, and this is not a truism.

Absolutely true knowledge is the knowledge of *essence*. Understanding of absolute truth as exhaustive completeness and content completion, and yet as an extremely precise knowledge, which coincides with the object in its entirety, is rather sophisticated, but not scientific. I think it came to us as a legacy of religious world-picture, where the central explanatory abstraction, “the first championship of perfection” was the “Biggest”, i.e., God. (It has, of course, cognitive and historical and cultural value, but not logical).

Relatively true knowledge is knowledge of a large meaningful content; it is a particular judgment about a holistic picture fragment, and it can also be understood *geometrically*, as all that is non-absolute – namely, in the range from 0 to 1, except these boundary numbers.

The concreteness of truth is caused not only by the dependence on the conditions of existence of this knowledge, but, first of all, *by the dependence on the independent existence of objects*. This is what its disposition and reference mean; more precisely, this is what makes the existing opinion

about truth as a *relation* possible. However, the fact is that, in general, consciousness is exactly such a dependent side of the disposition, that is, it is objectified, generated by *independently existing* objects. Otherwise, by not independently existing, but *created* by people; in this case it does not matter much.

Finally, it is necessary to specifically emphasize the power of mathematical signification, which is able to end disputes for a long period with the help of its recognized and real rigor. Elsewhere we propose a method of approaching (absolute) truth, suitable for any field of activity and having the socio-humanitarian meaning of gnoseological and especially epistemological optimism, which affirms the reality of the existence of (absolute) truth and the possibility of its achievement.

But, again, what is truth?

There is ancient irony in the question; as if thousands of years we've been asking: Does there exist such thing as Absolute Truth (which I *doubt* since I put the question), whereas I'm (*absolutely*) sure in existence of such a thing as Relative Truth – since it is evident?

But realistically speaking, truth is an abstract image, isolating one characteristic of right (adequate) knowledge: to be *"pünktlich",* it is accurate, precise reflection of an object of cognition. This accurate knowledge is a result of intellectual work, striving *to harmonize* the ideal reflection and its referent, *to adjust* the gnoseological image to the original outer thing or quality or relation. So it is right to speak of *true* (or false) *knowledge,* coinciding and "agreeing" and coordinating and corresponding and conjoining and becoming congruent and uniting with its target object.

Which unity of course we traditionally call Truth in the great and primordeal meaning of a word.

References

1. Аристотель. «Категории». «Об истолковании». // Сочинения. В 4-х т. – Т. II. – М.: Мысль, 1976.
2. Боэций. Утешение философией и другие трактаты. М.: 1990.
3. Вяч. Вс. Иванов. ДО – ВРЕМЯ – ПОСЛЕ? (вместо предисловия) // Генри Франкфорт, Г. А. Гройневеген-Франкфорт, Джон А. Уилсон, Торкильд Якобсен. В преддверии философии. – М.: Наука, 1984.
4. Волков А. Г. Язык как система знаков. М., 1966.
5. Выгодский М. Я. Справочник по высшей математике. § 368. – М.: Наука, 1977.
6. Де Мауро, Туллио. Введение в семантику. – М.: ДИК, 2000. Пер. с итал. Б. П. Нарумова. (1-е изд. – 1965 г. Прим. перев).
7. Дильтей В. Описательная психология. – М., 1924.
8. Замятин Д. Н. «Метагеография: Пространство образов и образы пространства». – М.: АГРАФ, 2004.
9. Касавин И. Т. Традиции и интерпретации: фрагменты исторической эпистемологии. – М. – СПб., Изд-во РХГИ, 2000.
10. Касавин И. Т. О дескриптивном понимании истины // Философские науки. – 1990. № 8.
11. Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. Глава II. Теория познания эмпириокритицизма и диалектического материализма. ПСС, т. 18.
12. Лотман Ю. Н. (ред.) Труды по знаковым системам. Тарту: 1965 и далее.
13. Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. / Сост. А. Д. Кошелев. – М.: Гнозис. 1994.
14. Мейясу́, Квентин. После конечности. Эссе о необходимости контингентности / пер. Л. Медведевой. – Екатеринбург; Москва; Кабинетный ученый, 2015.

15. Микешина Л. А. Философия познания. Полемические главы. – М.: Прогресс-Традиция, 2002.
16. Микешина Л. А. Философия науки: современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования: учебное пособие. – М.: «Прогресс-Традиция»: МПСИ: Флинта, 2005.
17. Микешина Л. А. Современная проблематизация вечной темы // Философские науки. – 1990. № 10.
18. Нарский И. С. Джон Локк и его теоретическая система. / Вступит. статья к: Д. Локк. Сочинения в 3-х т. – Т. I. – М.: Мысль, 1985.
19. Нарский И. С. Вступит. статья к раб. М. Хайдеггера «О сущности истины» // Философские науки. – 1989. – № 4.
20. Науки о языке и тексте в Европе XIV–XVI веков. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016.
21. Платон. Кратил / Сочинения. В 4-х т. – Т. III. – М.: Мысль, 1994. See also: Plato. Cratylus. From: *The Complete Works of Plato*. Compiled by Dr Mohamed Elwany. Translated by Benjamin Jowett. http://www.cakravartin.com/wordpress/wp-content/uploads/2008/08/plato-complete-works.pdf
22. Степанов Ю. С. Вводная статья к: Семиотика. Антология / сост. Ю. С. Степанов. Изд-е 2-е, испр. и доп. – М.: «Академический Проект»; Екатеринбург: «Деловая книга», 2001.
23. Суровцев В. А. О логико-философских взглядах Готлоба Фреге // Вступит. статья к: Готлоб Фреге. Логико-философские труды. Логические исследования. Основоположения арифметики. – Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2008.
24. Тайсина Э. А. Теория познания. Интродукция и рондо каприччиозо. – СПб.: Алетейя. – 2013.

25. Тайсина Э. А. Философские вопросы семиотики. – СПб.: Алетейя. – 2014.
26. Философия, логика, язык. М., 1987.
27. Уильям Оккам. Избранное. – М.: «РАН ИФ Едиториал УРСС», 2002. See also: William Ockham. Selected Papers. – M.: "RAS IF Publishing House URSS", 2002. – P. 7. /In Russian/. See also: William of Ockham, From His Summa of Logic, Part I: Adam (of Wodeham's) Prologue, Ockham's Prefatory letter and Chs. 1–56, 8–13, 26–28, 30–31, 33, 63–66, 70, 72, with summaries of Chs. 7, 29, 32. Copyright © 1995 by Paul Vincent Spade. eBooks@adelaide.edu.au
28. Философия, культура, образование в XXI в. Сб. статей и тезисов Всероссийской научно-практической конференции. – Казань: 2011.
29. Философия. Язык. Познание. Сб. юбилейных м-лов. – Казань, КГЭУ, 2011.
30. Хайдеггер, Мартин. К вопросу о назначении дела мышления /пер. А.Н. Портнова // Философия сознания в XX веке: проблемы и решения. – Иваново, 1994.
31. Хайдеггер М. О сущности истины // Философские науки. – 1989. № 4. See also: Heidegger, Martin. *On the Essence of Truth.* https://aphelis.net/wp-content/uploads/2011/02/Martin-Heidegger-On-the-Essence-of-Truth.pdf
32. Харман, Грэм. Четвероякий объект. Метафизика вещей после Хайдеггера / пер. с англ. А. Морозов, О. Мышкин. – Пермь: Гиле Пресс, 2015.
33. Czarnocka, Małgorzata. *A Path to a Conception of Symbolic Truth*. – Peter Lang Verlag, Frankfurt am Mein, 2017.
34. Eco, Umberto. A Theory of Semiotics. – Bloomington, London, 1976.

35. Frege, Gottlob: *Der Gedanke. Eine logische Untersuchung* // Logische Untersuchungen. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 1993. Taschenbuch – 146 Seiten. See also: http://www.gavagai.de/HHP32.htm#anfang
36. Horwich, Paul. *Truth* // The Oxford Handbook of Contemporary Philosophy. Ed. by Frank Jackson & Michael Smith. Part IV. Philosophy of Language. – Oxford Univ. Press, 2013.
37. Locke, John. *An Essay Concerning Human Understanding*. Place of publication: London. George Routledge and sons LTD. New York: E.P. Dutton and co. Published first in 1894. ebooks.adelaide.edu.au/l/locke/john/l81u/; https://www.questia.com/read/5781514/

Впервые на англ. яз. опубликовано в:
Galactica Media: Journal of Media Studies.
2023. No 3. – P. 287–312
и в качестве главы в коллективной монографии
Semiotic Aspects of Modeling the Cognitive System for the Artificial Intelligence.
Editions du JIPTO, 2024. Académie internationale CONCORDE, FRANCE
C. 14–40.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В книге рассматриваются проблемы теории (и практики) познания – и вопросы теории (и практики) коммуникации. С точки зрения автора, гносеология, социальная философия и семиотика, развиваясь, взаимно поддерживают друг друга.

Отношение познания и коммуникации примерно соответствует связи языка и мышления; примерно, однако не вполне, – и дело не только в диалектике (внешней) формы и (внутреннего) содержания, и не в том, что грамматика рассматривает свой предмет много детальнее и пристрастнее, чем логика – свой.

Во-первых, сознательно сконцентрировать внимание на мысли или на ее выражении зависит от собственного интереса человека. Согласимся с А. Ф. Лосевым, что «субстанция языка есть смысл». В фокусе познания смысл (мысль) будет идеей объекта, в фокусе диалога он сыграет роль значения языкового знака.

Во-вторых, в ситуациях, призванных главным образом поддерживать общение, интенсивный обмен «метапосланиями» (Д. Таннен) еще не предполагает познания как обретения нового знания. Точнее говоря, хотя объективно новой информации нет, в общей беседе, однако, может присутствовать «субъективно новое» (small talk). Этот «познавательный нуль» может, между тем, совпадать с наивысшим коммуникативным напряжением. Исключение составляет «сократический» познавательный диалог (брейнстреминг и т. п.), предполагающий реальное открытие или изобретение.

В-третьих, наоборот, «интеллектуальное одиночество» ученого, философа, художника не нуждается в ином собеседнике, кроме самого объекта напряженного внимания; максимальная концентрация, когнитивный

максимум («умный экстаз», по А. Ф. Лосеву) – нуль коммуникации.

Общая картина мира включает в себя многочисленные невербализованные формы; однако научная картина мира стремится стать в общем вербализованной. Индивидуальный и коллективный интеллект совместно осваивают мир. «Человеческая природа по сути своей рациональна, и она существует и проявляется в коммуникации: как беседа, *разговор*. Человек и совокупное человечество развиваются исключительно в этой среде межличностного и межколлективного (межкультурного) диалога» (М. Митиас. “Human Dialogue”. 2023).

Завершая, подчеркнем следующее. В предлагаемом компендиуме обсуждаются ключевые семиотические и гносеологические сюжеты. Последний очерк – «Сигнификация и проблема истины» – приводит читателя вновь к теории познания, упрочивая идею единства основного предмета книги: связи познания и коммуникации.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение..... 3

I. Гносеология, философия науки, логика
Знание как объект рефлексии гносеолога..... 5
Является ли знание обоснованным истинным
убеждением? 21
Continuity of Partition.....31
Вокруг философии науки.....75
Ответы на четыре вопроса Канта 88
Многозначная логика Зиновьева
и парадоксы истинности 101
On Two-Valued and Multiple-Valued Logic
and On Paradoxes of Verity.....119

II. Социальная философия
Мнение – Знание – Вера. Философское эссе.....146
Трансгуманизм и постгуманизм как проекты
эволюционного и революционного развития 177
Полу-Правда, Пост-Правда, Пост-Истина,
& Post-Everything.....189
Асимметрия экранной и книжной культуры 204
Язык культуры. Язык науки. Язык политики.....225
Язык в роли основного объекта
философского исследования.....235

III. Лингвосемиотика и теория коммуникации
Опыт прояснения понятия морфизма
в современной лингвофилософской ситуации 250
Философская оценка коммуникативного акта:
«третья навигация» 263
Искусственный интеллект как искусственное
слабоумие.....270

Язык как образ, конструкт и конструктор реальности,
или проблема языковой суггестии 285
Ситуационный подход и «лингвистический пируэт» 301
Сравнительный анализ социолингвистического
и семиотического подходов к языку.....309
Signification and the Problem of Truth 320

Заключение 356

Эмилия Анваровна Тайсина

ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

В авторской редакции
Оригинал-макет И. Г. Балашовой

Подписано в печать 26.05.2025. Формат 60x84/16.
Бумага писчая белая. Усл.-печ. л. 24,4.
Тираж 100 экз.

ООО Научно-издательский центр «Социосфера»
440046, Россия, г. Пенза, ул. Мира, д. 74-14.
Тел. +79677016814
веб-сайт: http://sociosphera.com
e-mail: sociosphere@yandex.ru

Типография ООО «Амирит»: 410004, г. Саратов,
ул. им. Н. Г. Чернышевского, д. 88У. Тел. (8452) 24-85-33